БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOSOPHY and PSYCHOLOGY

Издается с 2007 г.
(до 2017 г. – под названием
«Философия и социальные науки»)

Выходит три раза в год

3 2022

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

РУБАНОВ А. В. – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: sociology@bsu.by

Заместители главного редактора

ЛЕГЧИЛИН А. А. – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: liahchylin@bsu.by

ФУРМАНОВ И. А. – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: fourmigor@gmail.com

Ответственный секретарь

ДОБРОРОДНИЙ Д. Г. – кандидат философских наук, доцент; директор Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета, Минск, Беларусь.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

Агилера М. Малагский университет, Малага, Испания.

Андрющенко В. П. Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина.

Бабосов Е. М. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.

Безнюк Д. К. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.

Водопьянов П. А. Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь.

Вольферт П. Билефельдский университет прикладных наук, Билефельд, Германия.

Гигин В. Ф. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Данилов А. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Журавлев А. Л. Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия.

Зеленков А. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Иванич П. Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.

Карамушка Л. Н. Институт психологии им. Г. С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина.

Кирвель Ч. С. Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.

Козловский В. В. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Королева И. Институт философии и социологии Латвийского университета, Рига, Латвия.

Купченко В. Е. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.

Лазаревич А. А. Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.

Лаптёнок А. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Мазилов В. А. Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль, Россия.

Порус В. Н. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Ротман Д. Г. Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.

Румянцева Т. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Сайганова В. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Слепович Е. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Стелинговска Б. Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша.

Терещенко О. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.

Шатравский С. И. Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.

Якубовска В. Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.

Янчук В. А. Независимый исследователь, Минск, Беларусь.

Яскевич Я. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	**RUBANAU A. V.**, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: sociology@bsu.by
Deputy editors-in-chief	**LIAHCHYLIN A. A.**, PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: liahchylin@bsu.by
	FOURMANOV I. A., doctor of science (psychology), full professor; head of the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: fourmigor@gmail.com
Executive secretary	**DABRARODNI D. G.**, PhD (philosophy), docent; director of the Institute of Social and Humanities Education of the Belarus State Economic University, Minsk, Belarus. E-mail: danila_dobr@mail.ru

Aguilera M.	University of Malaga, Malaga, Spain.
Andryushchenko V. P.	National Pedagogical M. P. Dragomanov University, Kyiv, Ukraine.
Babosov Y. M.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Beznyuk D. K.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Danilov A. N.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Hihin V. F.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Ivanic P.	Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Jakubovská V.	Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Karamushka L. M.	N. S. Kostyuk Institute of Psychology of the National Academy of Educational Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Kirvel C. S.	Yanka Kupala State University of Grodno, Hrodna, Belarus.
Koroleva I.	Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia, Riga, Latvia.
Kozlovski V. V.	Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
Kupchenko V. E.	Omsk F. M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia.
Laptenok A. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lazarevich A. A.	Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Mazilov V. A.	Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.
Porus V. N.	National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.
Rotman D. H.	Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Rumyantseva T. G.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Sayganova V. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Shatrauski S. I.	Institute of Theology named after Sts. Methodius and Cyrill of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Slepovich E. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Stelingowska B.	Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland.
Tereschenko O. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Titarenko L. G.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T.	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Vodopyanov P. A.	Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus.
Wolfert P.	University of Applied Sciences, Bielefeld, Germany.
Yanchuk V. A.	Independent researcher, Minsk, Belarus.
Yaskevich Y. S.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhuravlev A. L.	Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Zelenkov A. I.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.

История философии

History of philosophy

УДК 101

ПОЭТИЗАЦИЯ ПРИРОДЫ И МЫШЛЕНИЯ: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЕКТОВ М. ХАЙДЕГГЕРА И Р. У. ЭМЕРСОНА

Э. АЛЕКСАНДРОВ[1)]

[1)]*Университет Нотр-Дам Австралия, ул. Главная, 23, 6160, г. Фримантл, Австралия*

Научные исследования отношений М. Хайдеггера и Р. У. Эмерсона проводятся редко (исключение – работы С. Кэвелла). Учитывая влияние Р. У. Эмерсона на Ф. Ницше и значительное влияние, которое последний оказал на М. Хайдеггера, можно задаться вопросом о необходимости установления какой-либо взаимосвязи между творчеством мыслителей. В исследовании подтверждается наличие этой взаимосвязи с помощью тезиса, что природа играет важную роль в трудах как М. Хайдеггера, так и Р. У. Эмерсона. Оба мыслителя показывают, что в поэтизации природы творец не делает утверждений как таковых. Эта особенность характерна для творчества М. Хайдеггера и Р. У. Эмерсона. Однако в исследовании показано, что в трудах М. Хайдеггера и Р. У. Эмерсона прослеживаются разногласия по вопросу отношения поэзии к мысли.

Ключевые слова: М. Хайдеггер; Р. У. Эмерсон; С. Кэвелл; природа; воспитание; необъективация; отречение; метафизика.

POETISATION OF NATURE AND THINKING: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PROJECTS OF M. HEIDEGGER AND R. W. EMERSON

E. ALEXANDROV[a]

[a]*The University of Notre Dame Australia, 23 High Street, Fremantle 6160, Australia*

Scholarship of Martin M. Heidegger's relation to R. W. Emerson is seldom conducted, notwithstanding limited engagement on the part of S. Cavell. Considering the influence R. W. Emerson had on F. Nietzsche, and the significant influence the latter had on M. Heidegger, any necessary relation needs to be studied. The author of this paper confirms this relatability in the role that nature plays in the writings of both M. Heidegger and R. W. Emerson. Both thinkers show that in the poetising of nature,

Образец цитирования:
Александров Э. Поэтизация природы и мышления: компаративный анализ проектов М. Хайдеггера и Р. У. Эмерсона. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2022;3:4–12 (на англ.).

For citation:
Alexandrov E. Poetisation of nature and thinking: a comparative analysis of the projects of M. Heidegger and R. W. Emerson. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;3:4–12.

Автор:
Эмиль Александров – кандидат философских наук; младший научный сотрудник кафедры философии и теологии.

Author:
Emile Alexandrov, PhD (philosophy); junior researcher at the department of philosophy and theology.
emile.alexandrov1@my.nd.edu.au

the poet is not making assertions as such, rather imparting upon receiving from nature as that which «educates». The author reveals this feature to be central to the poet figure of both M. Heidegger and R. W. Emerson, and both agree that it is exhibited by few remarkable figures throughout history. However, the limit of their congruency, as the author argues, is in M. Heidegger and R. W. Emerson's disagreement regarding the relation of poetry to thought.

Keywords: M. Heidegger; R. W. Emerson; S. Cavell; nature; education; nonobjectification; renunciation; metaphysics.

Introduction

Nature historically tends to be of sacred importance to both the poets and philosophers alike, regardless of whether this is the cosmic nature of the Stoics or the mystical nature of W. Whitman [1]. In M. Heidegger, nature is of no less significance, especially depicted in his seminal lectures on F. Hölderlin during the 1930s. M. Heidegger's writings on nature have more to do with its more «originary» form in contrast to what he sees in its conceptualising by metaphysics. As such, the nature that M. Heidegger is searching for is ostensibly free from the metaphysical heritage of the Ancient Greeks, a pursuit of its unadulterated form. M. Heidegger finds this to be attained in F. Hölderlin, with two fundamental features that are central to our investigation. The first, nature as that which «educates» which I show is a transformative enrapture. Secondly, the resulting poet's expression upon this transformation. This leads to M. Heidegger's exclusive focus on F. Hölderlin who exhibits the two aforementioned features. Moreover, this harks back to nature as free from any metaphysical predispositions, a view that M. Heidegger argues F. Hölderlin promulgates in his poetry.

In R. W. Emerson, we see significant parallels [2, p. 173][1]. R. W. Emerson affirms the poet's educative transformation in interplay with nature, determining nature's «naming» and «saying»[2]. In contrast to M. Heidegger, however, R. W. Emerson does not see Plato's thought or influence as an impediment to the originary conception of nature. Rather, R. W. Emerson sees Plato as the philosopher-poet who proffers the divine nature beyond lyrical form (CE, p. 473). This contrasted reading of Plato amounts to M. Heidegger's distinction between poetry and philosophy, whereas R. W. Emerson sees them as part of a harmonious whole, the amalgamation of beauty and truth. Despite this fundamental difference, I will show that both thinkers do reach a synonymous conclusion. Moreover, some effort towards the end of the paper is made to show that M. Heidegger in «Was heißt Denken?» may have altered his point of view regarding Plato's dialogues *apropos* the polarisation of poetry and philosophy. Further detailed investigation of M. Heidegger's view on this polarisation is the subject matter of another paper, however, sufficient engagement has been made here to further illustrate the divergence between M. Heidegger and R. W. Emerson regarding poetry, philosophy and the role that nature plays for both.

The securing of nature

M. Heidegger sees the fundamental word of Occidental thought in φύσις (*physis*), a word that in its translation as *natura* has lost its original meaning and acquired something «alien» (GA 4, p. 79)[3]. Instead, it is the «futural» F. Hölderlin that poetises the recovery of nature as the «all powerful», that which mastery and teaching cannot but «inculcate» (*beibringen*), for it is nature that «educates» (*erziehen*)[4] (GA 4, p. 75). M. Heidegger spills considerable ink on F. Hölderlin's futural poetising throughout the 1930s which to cover in detail is not possible here, although certain features relevant to our investigations need to be recognised[5]. According to M. Heidegger, F. Hölderlin exercises his uniqueness as a poet in his being a student, recipient and messenger of the «wonderfully all-present» nature. There is no imposition on nature here, but a deliverance upon receiving from nature as that which delivers. In other words, F. Hölderlin is not merely «recovering» the

[1] As S. Cavell notes, «similarity of Emerson with Heidegger can be seen as mediated by Nietzsche» [2, p. 173]. Similarities that include R. W. Emerson's «finding as founding» being commensurate with M. Heidegger's «state of mind in the "Befindlickheit"» [3, p. XVII].

[2] «It publishes itself in creatures, reaching from particles and spiculae through transformation on transformation to the highest symmetries, arriving at consummate results without a shock or a leap» (CE, p. 412). Citation for R. W. Emerson's works include abbreviation, followed by page number.

[3] Citation for M. Heidegger's works includes abbreviation, followed by page number.

[4] M. Heidegger uses F. Hölderlin's term erzhiehet, which can also mean formation or development not just education. M. Heidegger elsewhere explains that this teaching is «grounded in a relational being drawn into the origin» (GA 39, p. 232). Adding to this, A. Gethmann-Siefert writes that F. Hölderlin had drafted an «ideal for the education of a people» (*Ideal der Volkerziehung*) which he intended on achieving via his poetry. So F. Hölderlin's intention to propagate his transformative interplay with nature as «education» may have influenced M. Heidegger's reading [4, p. 248].

[5] «Hölderlin is the most futural because he approaches from the longest distance and in this distance traverses and transforms what is greatest» (GA 65, p. 318).

Ancient Greek φύσις but liberating it for the future. In this way, F. Hölderlin stands outside of the metaphysical tradition in his understanding of «beyng»[6] [5, p. 77]. To detail this, we turn to M. Heidegger's treatment of F. Hölderlin's poetising that reveals nature as the «captivating and enrapturing» teacher, and F. Hölderlin as the captivated and enraptured student of nature.

F. Hölderlin reveals the «wonderfully all-present» nature through «human work and in the destiny of peoples, in the stars and in the gods, but also in stones, growing things, and animal» (GA 4, p. 75). M. Heidegger is adamant, however, that nature's omnipresence is not objectifiable as a «thing», but only reveals itself in its beauty and omnipresence, and as such, «escapes explanation on the basis of what is real» (GA 4, p. 75). Nature is recognisable in its revealing of divine beauty, hence F. Hölderlin's referral to the blooming of flowers, the flow of the river and the sound of the rustling leaves. Nature then is the pre-metaphysical – the *a priori* of that which is revealed, not the type that «calculates and plans» (GA 52, p. 35). This is evident in its beauty receding upon itself in any attempts at objectification, for this all-present beauty cannot be denigrated to «calculation», a word that M. Heidegger often uses to characterise modernity[7]. In «Besinnung», M. Heidegger explains that nature in modernity is transformed into «installations», and in «…installations and according to their style, nature becomes "beautiful"… Beauty is what pleases and must please the being of the power of man, the predator» (GA 66, p. 23). The power of man in M. Heidegger's view is that which is modelled according to man's preconceived «installations» of what is beautiful. Nature, however, is neither what appears beautiful, nor is it defined by the aesthetic characteristics that F. Hölderlin is portraying in his poetry. So, within modernity, nature is not free to reveal itself in its beauty, it appears in favour of «basic determination», which is nothing but «sheer machination» (GA 66, p. 23). F. Hölderlin's revealing of nature is immune to such calculation: *Whom no master alone, whom she, wonderfully / All-present, educates in a light embrace, / The powerful, divinely beautiful nature* (GA 4, p. 75).

F. Hölderlin's transformative education in a «light embrace» is demonstration of his being the recipient of nature's revealing[8]. The «no master alone» (*die kein Meister allein*) determines the lack of preceding installations or conceptualisations. If we delve a little deeper, nature captivates and enraptures in its «all embracing» beauty, a transformation that the poet alone can endure without falling prey to the qualms of calculation and objective thinking: *For she* [*nature*]*, she herself, more ancient than the times / And beyond the gods of Occident and Orient* (GA 39, p. 231).

For M. Heidegger, when F. Hölderlin poetises something the beyond the gods and the more ancient than the times, he founds the «fundamental event of beyng» which is nothing other than the «clang of arms of nature herself, beyng that brings itself to itself in the word» (GA 39, p. 233). The fundamental event of beyng is what allows for the poetising of nature, even before the Greek φύσις. This leads us to ask, why is F. Hölderlin alone the poet that endures? It is not a coincidence that M. Heidegger's «turn» (*Kehre*) of the 1930s is consistent with his lectures on F. Hölderlin[9]. M. Heidegger is attempting to overcome Occidental metaphysics as the sway of the «machine», and its securing of nature (GA 66, p. 151). The notion of «overcoming» is the subject matter of his essay «Überwindung der Metaphysik» was composed in 1936–1946 (GA 7, p. 84–110). It is important to briefly comment M. Heidegger's thoughts here to make clear his view of F. Hölderlin's overcoming metaphysics. Here M. Heidegger writes that metaphysics neither can «be abolished like an opinion», nor does overcoming it «mean thrusting aside a discipline from the field of philosophical "education"» (GA 7, p. 85). Instead, «the overcoming of metaphysics occurs as the incorporation of Being», and overcoming itself «is worthy of thought only when we think about incorporation»[10] (GA 7, p. 85, 91). F. Hölderlin, therefore, is allowing nature to reveal itself with impunity from metaphysics in incorporation (*Verwindung*). This entails an appropriation of Greek «Metaphysics» as the «truth of beings» (and its understanding of nature): «…a still hidden but distinctive appropriating, namely the oblivion of Being» (GA 7, p. 85).

[6]For the «saying of the poetising arises from beyng» (GA 39, p. 232). In a 1949 note added to the original 1930s text «On the essence of truth», M. Heidegger discusses the archaic spelling of beyng and explains that «beyng is thought as the difference that holds sway between Being and beings» (GA 9, p. 153).

[7]From this we can see why M. Heidegger focuses on Heraclitus' fragment «Nature loves to hide». M. Heidegger's translation is following: «Emerging to self-concealing gives favour» (*Das Aufgehen dem Sichverbergen schekt's die Gunst*). This is incumbent upon M. Heidegger's understanding of φύσις as the perpetual emerging (GA 55, p. 123). C. Kahn proposes alternative translation: «The true character of a thing likes to be in hiding» [6, p. 33].

[8]It is worth relating this to M. Heidegger's «Problem of a nonobjectifying thinking and speaking in today's theology» (1964), added to his 1928 essay «Phenomenology and theology». M. Heidegger here explains taking delight in a blossoming rose that make neither «an object of the rose, nor do we even make it something standing over against us». This is precisely what M. Heidegger sees F. Hölderlin poetising (GA 9, p. 58).

[9]For a good collection of essays on M. Heidegger's turn, see [7].

[10]For the translation of German «Überwindung der Metaphysik als Verwindung des Seins sich ereignet» the word «incorporation» was chosen for the German «Verwindung», which can also mean a joining or bonding in this context.

Appropriation in the futural poetising of F. Hölderlin

To answer the question raised before F. Hölderlin's renunciation (*Verzichten*) of the gods of old is the answer, as M. Heidegger describes in «Germanien» (GA 39, p. 74–76). F. Hölderlin here is neither rejecting nor affirming the divinity of the Ancient Greek gods. He is appropriating the divine which is more ancient than the times and beyond the gods – per the fundamental attunement of «holy mourning» in renunciation, «a calling in which we await that which is called as such»[11] (GA 39, p. 74). F. Hölderlin is essentially «renouncing» the Greek heritage whilst preserving the divinity of nature through poetry. He is the recipient of nature and must preserve this poetising without imposition, hence M. Heidegger's referral to F. Hölderlin's futural thinking and saying[12]. To elaborate further, in the lectures «Der Rhein» M. Heidegger writes that the «beyng of the poet is grounded in "nature" (beyng as such), which says itself originarily in the poetising» (GA 39, p. 234). Here, the poet must «inhabit and sustain the middle of beyng between gods and humans» (GA 39, p. 234) to poetise nature without conceptualising it, effectively preserving it for the future. In the later volume «Zu Hölderlin», M. Heidegger goes further with this, explaining that this is an enlivening or stimulation (*Ermunterung*) that emerges from the nature of the Greek φύσις but is even more originary. Essentially this is the fundamental relation of nature to the «soul», and hence why the *Ermunterung* is instigated regardless of the age of the poet's inhabitancy[13] (GA 75, S. 294).

Furthermore, in «Das Ereignis», M. Heidegger questions whether this makes F. Hölderlin's poetry subservient to a more refined form of interpretation, a literary-historiological or philosophical explications (GA 71, p. 290–296). Is poetry and perhaps more specifically, F. Hölderlin's futural poetry the interpretative tool to excavate that which is most originary in nature? M. Heidegger here is adamant that this interpretation is neither historical interpretation, nor revitalisation of poetry. The saying of F. Hölderlin cannot be assimilated with those of Pindar for example, for «both speak out of a saying which is not an asserting» (GA 71, p. 292). Here we get a profound insight into what F. Hölderlin is putting into the saying, namely, nature *apropos* beyng. This grants it a certain degree of immunity from being reproduced in a different historical epoch, language or expressive style, much like we see in the writings of Homer, which M. Heidegger gives as an example in the fifth of his Bremen lectures: «Talk and talking do not mean speaking and speech in the sense of an uttering of expressions; talk means precisely that which from early on λέγειν, λόγος means: bringing before, bringing collectively to appearance. The most beautiful testament for this sense of talk and λόγος is at the same time the oldest, which the tradition keeps ready for us. It is found in Homer's *Odyssey,* first book, verse 56» (GA 79, p. 151).

This is evidenced in F. Hölderlin's fundamental attunement of holy mourning that appropriates this fundamental Greek relation between nature and the human being, particularly in the manic inspiration – μανία seen in Plato and others without the Hellenic or metaphysical elements[14]. After all, the Homeric gods are no longer, and both F. Hölderlin and M. Heidegger inhabit the age of the Abrahamic God but nonetheless remain inextricably bound to the history of beyng.

It is important to recognise, therefore, that M. Heidegger's notion of appropriation (*Ereignis*) is concomitant with his picture of F. Hölderlin's renunciation[15]. A product of M. Heidegger's thinking of the 1930s, where «plant, animal, stone, sea, and sky come to be without descending into objectivity»[16] (GA 65, p. 231). F. Hölderlin's poetising of nature *is* the renunciation-Event, that allows the flower to bloom in its «nonsensuous meaning» (*das Nichtsinnliche*)[17] (GA 53, p. 16–18). The Greeks certainly poetised nature, but their inevitable culmination in Plato's metaphysics is overcome in F. Hölderlin's poetry. F. Hölderlin remains faithful to the Event as it discloses and thereby allows for an alternative saying with impunity from assertion and calculation [12]. Again, this is demonstrative of F. Hölderlin's unique placement in the middle of the Event, the clearing (*Lichtung*) that determines this unrestricted

[11] C. Bambach calls this sacred morning, the stand in between the concealment and revelation, hiddenness and unhiddenness of the truth of the earth [8, p. 156].

[12] A. Gethmann-Siefert explains that M. Heidegger «transplants Hölderlin's poetry into a situation in which the difference the ancient and the modern which was codiagnosed by the poet himself does not arise» [4, p. 156].

[13] M. Heidegger usually refrains from using the word «soul», it is interesting that this surfaces here in this volume «Ermunternde ist die» Natur «schon auf die Seele des Menschen bezogen».

[14] As Plato in the «Ion» describes, «it's not by mastery that they make poems or say many lovely things about their subjects (as you do about Homer) – but because it's by a divine gift». See [9]. This is widespread throughout in the Ancient Greek world, for instance in Heraclitus: «The Sibyl with raving mouth utters things mirthless and unadorned and unperfumed, and her voice carries through a thousand years because of the god who speaks through her» [6, p. 45, 124]. Ancient Greek μανία is defined as synonymous with inspiration or prophecy as opposed to a mental illness or cognitive derangement [10, p. 611–617].

[15] *Ereignis* has now recently been translated as «adaptation» in the recently released M. Heidegger lexicon [11, p. 19–30].

[16] For the other texts in the series, see (GA 66; GA 67; GA 69; GA 70; GA 71). The volume 72 «Die Stege des Anfangs (Pathways of the Beginning)» (1944) is yet to be published at the time of this paper. As W. H. McNeill explains, F. Hölderlin's poetising, «first makes possible language» [8, p. 177].

[17] C. Bambach explains that F. Hölderlin «is less the name of a poet for M. Heidegger than it is the name for a way of rethinking in a deeply originary way the meaning and sense of the whole Western tradition» [8, p. 151].

view in his non-objectifying poetising of nature[18] (GA 75, S. 283). Because F. Hölderlin poetises this opening, he found historical time and the futural essence of thinking [8, p. 188]. This event is «history proper», akin to the Greek «festival» as the reciprocal encounter of the gods and humans (GA 52, p. 68). Here, the beauty of nature in the celebratory event is revealed free from conceptualisation and wherein lies the saying of F. Hölderlin's futural appropriative poetising, just it had well over two millennia before in Homer. Freedom from concepts is the essence of poetising, or what M. Heidegger would call in «Das Geschichte des Seyns» as «essential thinking», «image-less poetising in the word of the saga of beyng»[19] (GA 69, p. 139).

R. W. Emerson's nature

The objectification of nature that concerns M. Heidegger is described by R. W. Emerson as the classification of nature where everything is individual, stands by itself[20]. A consequence of this segregation from nature results in the scholar's failure to account for nature's receding into itself in its boundlessness. As J. Moore explains the Emersonian scholar, must «be partly educated and swayed by converse with nature, though nature has to divide the honors with books»[21] [14, p. 187]. R. W. Emerson in the 1837 Cambridge address «American scholar» denounces the scholar who serves a function within society as a «delegated intellect», whom he calls «man thinking», a «parrot of other men's thinking»[22] (CW, p. 1098). In remaining constricted to the books of past thinkers and the libraries, the scholar becomes the victim of society. All the while, the «winds blow; ever the grass grows», which the scholar neglects instead of standing «wistful and admiring before this great spectacle» (CW, p. 1099). For nature is what the scholar needs, that which «resembles his own spirit, whose beginning, whose ending, he can never find, – so entire, so boundless», since nature «hastens to render account of herself» (CW, p. 1099). Therefore, nature must also educate, although, hitherto, the relation to M. Heidegger's transformative education (*erziehen)* remains unsettled.

In the essay «Intellect», R. W. Emerson elaborates on this education as the «marriage of thought with nature», with «thought» being a revelation, a «conversion of all nature into the rhetoric of thought» (CE, p. 297–298). S. Cavell explains this as the «reverse» of a thinking-self for creation, «it is the exercise not of power but of reception» which parallels M. Heidegger's thinking «on the way» [2, p. 174]. R. W. Emerson describes reception as follows: «All I know is reception; I am and I have: but I do not get, and when I have fancied I had gotten anything, I found I did not» [CE, p. 363]. For R. W. Emerson, not all are capable of this, as there is a natural inequality, where at the zenith stands the «inexhaustible poet» who could «break through the silence into adequate rhyme», for it is the poet «whom Nature cannot deceive»[23]. In essay «The poet», however, R. W. Emerson explains that all human beings can sense the «supersensual utility» in the beauty of the stars, earth and water, but there remains a «phlegm in our constitution» that prevents them «to yield the due effect»[24]. Despite our capacity to perceive the beauty of nature, enduring the transformation required to reproduce its beauty is beyond the capacity of most. Even so, the poet «…is the person in whom these powers are in balance, the man without impediment, who sees and handles that which others dream of, traverses the whole scale of experience and is representative of man, in virtue of being the largest power to receive and to impart… The poet is the sayer, the namer, and represents beauty. He is a sovereign, and stands on the centre… and if any poet has witnessed the transformation he doubtless found it in harmony with various experiences. We have all seen changes as considerable in wheat and caterpillars. He is the poet and shall draw us with love and terror, who sees through the flowing vest the firm nature, and can declare it» (CE, p. 321).

Evidently then, R. W. Emerson's account of the poet is indistinguishable from M. Heidegger's F. Hölderlin[25]. M. Heidegger's ascribing the transformative power of nature exclusively to F. Hölderlin when

[18]As W. H. McNeil explains, this is clearing not ontic nor ontological, «but opening the time-space of the difference itself» [8, p. 190].

[19]Also see M. Heidegger's determination of «essential thinking» in the later volume «Das Ereignis» (GA 71, p. 269). Here essential thinking is what the thinker understands as that which can never attain a result, or become «measurable by effectivity», although it is effective on readers and hearers in a way that «effects a clarification, recasting, and steering of an epoch and often does so against its own aims» (GA 71, p. 269).

[20]S. Cavell relates this R. W. Emerson's insight with M. Heidegger: «Emerson's imaging of clutching and M. Heidegger's of grasping emblematise their interpretation of Western conceptualising as a kind of sublimised violence» [13, p. 136–137].

[21]This is not unlike F. Hölderlin's poetic dwelling that M. Heidegger describes (GA 39, p. 34).

[22]As R. W. Emerson describes in «Self-reliance», «the highest merit we ascribe to Moses, Plato and Milton is that they set at naught books and traditions, and spoke not what men, but what they thought» (CW, p. 145).

[23]R. W. Emerson calls this «consanguinity» (CE, p. 298–300). As J. Urbans explains, R. W. Emerson's poet «can read the flowing forms», and «detect essential resemblances in natures never before compared» [15, p. 2–3].

[24]«Too feeble fall the impressions of nature on us to make us artists» (CE, p. 321).

[25]It is in reading R. W. Emerson that S. Cavell finds a way to M. Heidegger, as he explains that M. Heidegger's indebtedness to F. Hölderlin is mirrored by R. W. Emerson and H. Thoreau's interest in poetry [2, p. 173–174]. Also, S. Cavell explains that R. W. Emerson and M. Heidegger's «thinking as being drawn as on a path», is consistent with Wittgenstein's the «proof is not a movement but a route» [16, p. 17].

read in light of R. W. Emerson's insights, is, therefore, problematic. Both see the poet's «centre» symbolising the transformation needed to non-objectively propagate nature, the discordance, however, amounts to M. Heidegger's reading of the history of metaphysics[26].

The philosopher-poet

M. Heidegger's turn to F. Hölderlin is motivated by his reading of the history of metaphysics, what he calls the «forgottenness of being», (*die Seinsvergessenheit*) and the breakdown of truth[27]. Central to this reading is M. Heidegger's characterisation of Plato and his responsibility for the inception of the correctness of the gaze and ἰδέα per his cave allegory[28]. M. Heidegger's point here is clear, the poetry of F. Hölderlin represents the move towards the overcoming of the metaphysical thinking that starts with Plato. R. W. Emerson affirms the Platonic influence: «How many great men Nature is incessantly sending up out of night, to be *his men-Platonists!*» (CE, p. 471). But disparately, he sees Plato as the philosopher-poet *per excellentiam* (CE, p. 471). The Emersonian marriage of thought and nature is exhibited definitively in Plato's metaphysics, what he calls in his 1845–1846 essay on Plato the «wonderful synthesis», one which every great artist has[29] (CE, p. 479). For R. W. Emerson, Plato is the poet *qua* philosopher who metaphysically-poetises per boundless nature[30]. Plato to herein is the sovereign who stands on the 'centre' of thought and nature in perfect harmony: *Plato is clothed with the powers of a poet, / stands upon the highest place of the poet, and / (though I doubt he wanted the decisive gift of / lyric expression), mainly is not a poet because he chose to use the poetic gift to an ulterior purpose* (CE, p. 473).

The apex of expression for R. W. Emerson, therefore, is the ability to receive and impart from nature the poetic interdependently with metaphysical-philosophical thought – there is no dissociation here. While M. Heidegger sees Platonic metaphysics as responsible for the inauguration of the exclusivity to conceptual thinking, R. W. Emerson instead implicates man thinking. Furthermore, R. W. Emerson sees the impossibility of speaking and thinking without embracing the «difference of things», and «oneness and otherness»[31] (CE, p. 475). The poet hereby is not distinct from the philosopher, as R. W. Emerson does not problematise metaphysics as M. Heidegger does. So, the futural thinker that M. Heidegger finds in F. Hölderlin, R. W. Emerson saw in Plato, among others[32].

Poetising or thinking?

In M. Heidegger, we do see a somewhat peripheral albeit renewed reference to Plato. In «Was heißt Denken?» M. Heidegger reconsiders the possibility of the simultaneity of philosophical-poetising, one that is characterised by a response to a call like the «thinking as reception» in R. W. Emerson [2, p. 171–172]. While generally, M. Heidegger affirms the separation between thinking and poetising, in this later work he does concede that there are times «when they are the same – those times when the gulf separating poesy and thinking is a clean and decisive cleft» (GA 8, p. 8). This occurs when «poesy is lofty, and thinking profound», a matter that M. Heidegger claims, F. Hölderlin understood well[33] (GA 8, p. 20). Furthermore, it is interesting that M. Heidegger would

[26]R. W. Emerson and M. Heidegger here may be potentially influenced by Plato's Diotima figure in the «Symposium», and her explication of the spirit of love being in «between» the mortals and immortals, men and gods, and through «them all, divination passes». See [9, p. 486].

[27]This is determined by his «first beginning» in the pre-Socratics and Plato, and the need for an «other beginning» in F. Hölderlin. M. Heidegger details this in (GA 65, p. 93–95).

[28]This would be beyond the scope of this paper to cover, however, I refer to M. Heidegger's seminal texts in which these themes are developed in detail «Piatons Lehre von der Wahrheit» (GA 9) and «Vom Wesen Der Wahrheit: Zu Platons Höhlengleichnis und Theätet» (GA 34).

[29]P. Schirmeister explains R. W. Emerson's depiction of Plato's artistry as a tension between poetry and philosophical reflexivity resulting in a «poetic creativeness» or «traditional surface» [17, p. 9–10].

[30]J. Urbas calls this «bipolarity» and contrasts this with the anti-metaphysical reading of R. W. Emerson in S. Cavell, and one would assume by criticism of the anti-metaphysical correlation that this would include a criticism of M. Heidegger [15, p. 33–35]. J. Urbas characterises S. Cavell's reading of R. W. Emerson more generally as «wanting in rigor and fidelity» [18, p. 557]. Other scholars have also raised similar concerns, such as J. Porte who characterises S. Cavell's reading of R. W. Emerson as a «very un-Emersonian discipleship» that gets R. W. Emerson «quite wrong – in both small and big ways» [19, p. 460].

[31]In M. Heidegger's «Grundsätze des Denken», he questions whether thinking itself is subject to the positing of principles, in this case, the principle of non-contradiction. Whereas R. W. Emerson sees the impossibility of avoiding this, M. Heidegger sees the origin of thinking and its principles as remaining in the dark, and potentially always participatory in all thinking essentially. This is perhaps why M. Heidegger sees the futility of metaphysics, and by default, Plato's efforts, see (GA 79, p. 77–166).

[32]R. W. Emerson also names major poets such as J. Milton, J. Woodsworth but also thinkers such as Plotinus and Pythagoras to whom nature may speak, «and that her favourite may make acquaintance with those divine strengths which disclose themselves to serious and abstracted thought» (CE, p. 730–731).

[33]Upon observing M. Heidegger's reading F. Hölderlin's «Ister», S. Cavell notes that «M. Heidegger's text would not exist without F. Hölderlin's» [20, p. 115]. If this is the case, then perhaps this gives credence to why M. Heidegger sees thought as distinct from poetising, or even stimulated by it.

use F. Hölderlin's text «Socrates and Alcibiades» to further illustrate this cleft (*Kluft*) – focusing on the words «thought and «love» that stand in the «closest vicinity» (GA 8, p. 20). On that note, I can speculate, perhaps somewhat apprehensively, that the later M. Heidegger may be rethinking his earlier thoughts on Plato, particularly if we look at his reference to the dialogue «Phaedrus». M. Heidegger is essentially stressing that Plato's dialogue being open to a multitude of interpretations is «the element in which all thought must move in order to be strict thought» (GA 8, p. 71). But what characterises the «strictness» of thought?

M. Heidegger hints that it is the «inexhaustibility» (*unausschöpfbar*) of Plato's dialogue «by its nature», which forever marks the creativeness which «of course, comes only to those who are capable of reverence» (*die verehren können*) (GA 8, p. 72). Again, *verehren* can also mean veneration, a profound resemblance to R. W. Emerson's «inexhaustible poet». While this may detract from our specific concerns on the relatability of thought to poetry, it nevertheless shows that perhaps from the 1950s onwards M. Heidegger may have had a different outlook on their consubstantiality, *vis-a-vis* the nature of Plato's thought. Moreover, in «Das Ereignis» the relation between poetising and thinking are discussed in detail, with which we have no room for an extensive engagement (GA 71, p. 239–289). To draw out an important detail, however, M. Heidegger here asserts that both poetry and philosophy are not fixed domains but are grounded in poetising and thinking. In this grounding, poetising is seen as the «naming» whilst thinking is the «seeking» of this saying (GA 71, p. 285–286). But it becomes clear the further one reads into this work that there is, in appearance at least, a distinction between the two, which for M. Heidegger is derived from metaphysics' limitations. The issue for M. Heidegger is that thinking their consubstantiality is «unsuited» for metaphysics, a point R. W. Emerson would undoubtedly problematise.

R. W. Emerson, is certainly more consistent on their inextricability, bringing the centrality of nature's role into clear view[34]. In his seminal work «Nature», R. W. Emerson explains that few «adult persons can see nature», and most «persons do not see the sun». The poet, however, can «integrate all parts», and his «intercourse with heaven and earth becomes part of his daily food» (CE, p. 5–6). Crucially, this «intercourse» must include thought conterminously with poetising, for a distinction between the two may risk nature's objectification. Any difference between thought and poetry only symbolises the unity of the truth of the philosopher and the beauty of the poet: «The true philosopher and the true poet are one, and a beauty, which is truth, and a truth which is beauty, is the aim of both. Is not the charm of one of Plato's or Aristotle's definitions strictly like that of the Antigone of Sophocles?» (CE, p. 30–31).

This insight is consistent with F. Hölderlin's enrapture, however, whereas M. Heidegger focuses solely on F. Hölderlin's poetry, R. W. Emerson's poetry is inextricably bound to thinking, hence the differing views on Plato[35]. Therein lies the crux of the dissonance, M. Heidegger's attempt to overcome the objectification of nature post the Platonic inception is assumed by R. W. Emerson utilising the very Platonic inception that M. Heidegger implicates as the central problem. Thinking as reception in the case of R. W. Emerson entails poetising and thinking concomitantly. Whilst M. Heidegger points to the shortcomings of metaphysical thought in itself, R. W. Emerson refers to the thinker's segregation from nature instead. The marriage of thought with nature is equally reproducible in thinking and poetising. Nature, therefore, is the source for poetising exclusively in M. Heidegger, whereas, for R. W. Emerson, this includes both thinking and poetising.

Conclusion

Perhaps what is most striking is the harmonious conclusion of both thinkers, despite their differing accounts of the belongingness of poetising and thinking. It is important to note that nature is central to R. W. Emerson's American transcendentalism, which also is influenced to some extent by English and German Romanticism. While M. Heidegger's thought in several ways exercises affinities with the Emersonian strand of transcendentalism as argued, the Platonic influence on R. W. Emerson's transcendentalism would prove insurmountable for M. Heidegger. M. Heidegger's reading of the history of metaphysics exhibits the entire post-Aristotelian history of philosophy as bound to the framework of Plato's incipient metaphysics, with F. Nietzsche repre-

[34]S. Cavell finds affinity in M. Heidegger's statement that «for questioning is the piety of thinking», with R. W. Emerson's «Always our thinking is a pious reception». According to S. Cavell the principal text of M. Heidegger's to further explore this relation between Emerson and M. Heidegger is «Was heißt Denken?» which he sees as the quarrel between philosophy and theology [2, p. 171–172]. G. L. Bruns explains that this is S. Cavell's «partial translation of M. Heidegger's «Gelassenheit», nonviolent thinking, letting-be (or as I prefer) letting-go» which parallels R. W. Emerson's pious reception [21, p. 622].

[35]In the first of M. Heidegger's F. Nietzsche volumes, he discusses the unity of beauty and truth per Plato's «Phaedrus» in the chapter entitled «Plato's Phaedrus: beauty and truth in felicitous discordance». In this volume, M. Heidegger affirms that beauty and truth «are in essence related to the selfsame, to Being; they belong together in one» (GA 6.1, p. 198). Despite their belonging together, however, «they must diverge for man, they must separate from one another» (GA 6.1, p. 198). This is, again due to Plato's positing of Being as the nonsensuous. So, here we see another disparity between R. W. Emerson and M. Heidegger being based on the Platonic foundation concerning thinking and poetising.

senting the end of this trajectory despite his rejection of Platonism. R. W. Emerson offers a differing view. It is man thinking that represents the great divide between the thinker and nature. For R. W. Emerson, the solution lies in the revelatory conversion of nature into both thought and poetry. Moreover, Plato is not responsible for the objectification of nature, as evidenced in the poetic-philosophic and allegorical nature of his dialogues. Notwithstanding this dispute, both thinkers are critical of the objectification of nature. Nature for them is not merely to be enjoyed in its aesthetic qualities but to be recognised for its transformative potentiality.

By way of conclusion, an important point needs mentioning. M. Heidegger's «Beiträge» is often considered the crucial work signifying his so-called turn, an effort at moving towards a more poetic expression. M. Heidegger's goal here is to overcome conceptualised thinking, a goal that would preoccupy his writings for most of the 1930s and well into the mid to late 1940s. R. W. Emerson on the other hand is considered a poet who philosophises and is known for his poetry and poetic prose writing style in his essays, perhaps demonstrating the interdependency of poetry with philosophy. With these points in mind, it is important to note that this paper serves as a mere brief survey of both thinkers and their relatability, perhaps opening the door to a more comprehensive study, moving beyond what S. Cavell started. In a somewhat reluctant remark, I do find both thinkers having more in common than not and, hereby, eagerly anticipate such opportunities.

The list of shorts

CE – *Emerson R. W.* The complete essays and other writings of Ralph Waldo Emerson / ed. by B. Atkinson. N. Y. : Random House, 1950. 960 p. **; CW** – *Emerson R. W.* Complete works. Hastings : Delphi Publ., 2015. 12 volumes ; **GA 4** – *Heidegger M.* Elucidations of Hölderlin's poetry / K. Hoeller, transl. Amherst : Humanity Books, 2000. 244 p. ; **GA 6.1** – *Heidegger M.* Nietzsche. Vol. 1 / J. Stambaugh, D. Farrell Krell, F. A. Capuzzi, transl. San Francisco : Harper San Francisco, 1991. 608 p. **; GA 7** – *Heidegger M.* Overcoming metaphysics in the end of philosophy / J. Stambaugh, transl. Chicago : Univ. of Chicago Press, 2003. 110 p. ; **GA 8** – *Heidegger M.* What is called thinking? / F. D. Wieckj, J. G. Glenn, transl. N. Y. : Herper & Row, 1968. 274 p. *;* **GA 9** – *Heidegger M.* Plato's doctrine of truth // *Heidegger M.* Pathmarks / T. Sheehan, transl. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1998. P. 155–182 ; **GA 34** – *Heidegger M.* The essence of truth on Plato's cave allegory and Theaetetus / T. Sadler, transl. N. Y. : Bloomsbury Publ., 2013. 304 p. ; **GA 39** – *Heidegger M.* Hölderlin's hymns «Germania» and «The Rhine» / W. H. McNeill, J. Ireland, transl. Bloomington : Indiana Univ. Press, 2014. 312 p. ; **GA 52** – *Heidegger M.* Hölderlin's hymn «Remembrance» / W. H. McNeill, J. Ireland, transl. Bloomington : Indiana Univ. Press, 2018. 210 p. ; **GA 53** – *Heidegger M.* Hölderlin's hymn «The Ister» / W. H. McNeill, J. Davis, transl. Bloomington : Indiana Univ. Press, 1996. 200 p. ; **GA 55** – *Heidegger M.* Heraclitus. The inception of Occidental thinking logic: Heraclitus's doctrine of the logos / J. Goesser Assaiante, E. S. Montgomery, transl. N. Y. : Bloomsbury Publ., 2012. 328 p. **; GA 65** – *Heidegger M.* Contributions to philosophy (of the event) / R. Rojcewicz, D. Vallega-Neu, transl. Bloomington : Indiana Univ. Press, 2012. 456 p. ; **GA 66** – *Heidegger M.* Mindfulness / P. Emad, T. Kalary, transl. N. Y. : Continuum Intern. Publ. Group; 2006. 385 p. ; **GA 67** – *Heidegger M.* Gesamtausgabe 67: Metaphysik und Nihilismus (1938–1939, 1946–1948). Frankfurt Am Main : Vittorio Klostermann, 1999. 274 S. ; **GA 69** – *Heidegger M.* The history of Beyng / W. H. McNeill, J. Powell, transl. Bloomington : Indiana Univ. Press, 2015. 226 p. **; GA 70** – *Heidegger M.* Gesamtausgabe 70: über Den Anfang (1941). Frankfurt Am Main : Vittorio Klostermann, 2005. 200 S. ; **GA 71** – *Heidegger M.* The event / R. Rojcewicz, transl. Bloomington : Indiana Univ. Press, 2013. 336 p. ; **GA 75** – *Heidegger M.* Gesamtausgabe 75: Zu Hölderlin (1939–1970). Frankfurt Am Main : Vittorio Klostermann, 2000. 200 S. ; **GA 79** – *Heidegger M.* Bremen and Freiburg lectures: insight into that which is and basic principles of thinking / A. J. Mitchell, transl. Bloomington : Indiana Univ. Press, 2012. 224 p.

References

1. Foerster N. Whitman as a poet of nature. *PMLA*. 19164;4:736–758. DOI: 10.2307/456988.
2. Cavell S. Thinking of Emerson. *New Literary History*. 1979;1:167–176. DOI: 10.2307/468877.
3. Cavell S. *Conditions handsome and unhandsome: the constitution of Emersonian perfectionism*. La Salle: Open Court; 1990. 163 p.
4. Macann C, editor. *Martin Heidegger: critical assesments. Volume III*. London: Routledge; 1992. 296 p.
5. Polt R. *Time and trauma: thinking through Heidegger in the thirties*. London: Rowman & Littlefield International; 2019. 302 p.
6. Kahn CH. *The art and thought of Heraclitus*. Cambridge: Cambridge University Press; 2001. 354 p.
7. Risser J. *Heidegger toward the turn: essays on the work of the 1930s*. Albany: State University of New York; 1999. 364 p.
8. Bambach C, Theodore G. *Philosophers and their poets: reflections on the poetic turn in philosophy since Kant*. Albany: State University of New York; 2019. 281 p.
9. Plato. *Complete works*. Cooper JM, Hutchinson DS, editors. Indianapolis: Hackett Publishing Company; 1997. 1848 p.
10. Cassin B, Apter E, Lezra J, Wood M, editors. *Dictionary of untranslatables: a philosophical lexicon*. Rendall S, Hubert C, Mehlman J, Stein N, Syrotinski M, translators. Princeton: Princeton University Press; 2014. 1344 p.
11. Wrathall M, editor. *The Cambridge Heidegger lexicon*. Cambridge: Cambridge University Press; 2021. 906 p.
12. Vallega-Neu D. *Heidegger's poietic writings: from contributions to philosophy to the event*. Bloomington: Indiana University Press; 2018. 256 p.
13. Cavell S. Aversive thinking: Emersonian representations in Heidegger and Nietzsche. *New Literary History*. 1991;1: 129–160. DOI: 10.2307/469146.
14. Moore JB. Emerson on Wordsworth. *PMLA*. 1926;1:179–192. DOI: 10.2307/457658.

15. Urbas J. *The philosophy of Ralph Waldo Emerson*. New York: Routledge Taylor & Francis Group; 2021. 304 p.
16. Cavell S. *This new yet unapproachable America: lectures after Emerson after Wittgenstein*. Chicago: University of Chicago Press; 2013. 144 p.
17. Schirmeister P. *Less legible meanings: between poetry and philosophy in the work of Emerson*. Stanford: Stanford University Press; 1999. 240 p.
18. Urbas J. How close a reader of Emerson is Stanley Cavell? *The Journal of Speculative Philosophy*. 2017;4:557–574. DOI: 10.5325/jspecphil.31.4.0557.
19. Porte J. Review of Emerson and Thoreau in France, by Michel Granger, Sandra Laugier, François Brunet, and Anne Wicke. *The New England Quarterly*. 2003;3:456–466. DOI: 10.2307/1559811.
20. Cavell S. Night and day: Heidegger and Thoreau. *Revue Française D Etudes Américaines*. 2002;1:110. DOI: 10.3917/rfea.091.0110.
21. Bruns GL. Stanley Cavell's Shakespeare. *Critical Inquiry*. 1990;3:612–632.

Received by editorial board 20.12.2021.

УДК 316.3+321.01

ДИНАМИКА ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В НОВОЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

С. В. ВОРОБЬЕВА[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Выявлены категориальные и концептуальные особенности динамики эпистемологических образов государственности в новоевропейской философии на основе двух интеллектуальных коалиций. Первая коалиция (Ф. Бэкон, Р. Декарт, Б. Спиноза) позволила раскрыть способы легитимации знания в контексте двойственности эмпирических и рациональных подходов, которые, соответственно, не допускают выход за пределы имманентности государственности и регламентируют ее теоретическое осмысление посредством монотонных дискретных принципов. На основе второй коалиции (Р. Декарт, Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Спиноза) прослежены и раскрыты изменения в схемах категоризации и концептуализации государственности, обоснована необходимость различения в них явных (скрытых) и поверхностных (глубинных) структур. Аргументировано, что культурный трансфер категориальных и концептуальных особенностей в современные исследования государственности возможен только в динамике их взаимосвязей.

Ключевые слова: эпистемологические образы государственности; новоевропейская философия; категоризация; концептуализация; легитимация государственности; прагматика государственности.

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной программы научных исследований «Философия государственности: основные модели в интеллектуальной культуре Беларуси» (проект № ГР 20212361).

DYNAMICS OF THE EPISTEMOLOGICAL IMAGES OF STATEHOOD IN NEW EUROPEAN PHILOSOPHY

S. V. VOROBYOVA[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article reveals the categorical and conceptual features of the dynamics of epistemological images of statehood in the new European philosophy based on two intellectual coalitions. The first coalition (F. Bacon, R. Descartes, B. Spinoza) made it possible to reveal the ways of legitimising knowledge in the context of the duality of empirical and rational approaches, which, accordingly, do not allow going beyond the immanence of statehood, and regulate its theoretical comprehension through monotonous discrete principles. On the basis of the second coalition (R. Descartes, T. Hobbes, J. Locke, B. Spinoza), changes in the schemes of categorisation and conceptualisation of statehood are traced and disclosed, the need to distinguish between explicit (hidden) and superficial (deep) structures is substantiated. It has been substantiated that the cultural transfer of categorical and conceptual features into modern studies of statehood is possible only in the dynamics of their interconnections.

Keywords: epistemological images of statehood; new European philosophy; categorisation; conceptualisation; legitimation of statehood; pragmatics of statehood.

Образец цитирования:
Воробьева СВ. Динамика эпистемологических образов государственности в новоевропейской философии. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2022;3:13–22.

For citation:
Vorobyova SV. Dynamics of the epistemological images of statehood in new European philosophy. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2022;3:13–22. Russian.

Автор:
Светлана Викторовна Воробьева – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:
Svetlana V. Vorobyova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
cherbourg@mail.ru

CC BY NC

Acknowledgements. Research conducted within the framework of the state program of scientific research «Philosophy of Statehood: Basic Models in the Intellectual Culture of Belarus» (project No. ГР 20212361).

Введение

В условиях турбулентности глобального мира, смещения акцентов с глобализации на регионализацию, с одной стороны, в большей степени актуализируются позитивные аспекты государства и государственности, с другой – теряют весомость аргументы их негативного восприятия. В частности, вывод Ф. Фукуямы о «конце истории» уже считается критически мыслящими людьми ошибкой «поспешного обобщения» [1, с. 2]. Она заключается в метафорическом означивании окончания противоречий, обусловленных идеологическими противостояниями, и начала перехода к идиллическому миру, в котором будет реализован эталон демократии с неспешным развертыванием событий без соперничества или конкуренции. Несовместимость подобного умозрительного утопического контекста с реальными условиями развития цивилизаций, в котором кризисы глобализации преодолевают национальные государства [2], обостряет необходимость обращения к становлению эпистемологических образов государственности в новоевропейской философии. Прослеживание динамики таких образов позволяет, во-первых, актуализировать конструктивные способы мышления и схемы понимания их создателей (Ф. Бэкон, Р. Декарт, Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Дж. Локк, Б. Спиноза), во-вторых, оценить возможности культурного переноса этих образов в современный контекст изучения государственности.

Для понимания и оценки динамики эпистемологических образов государственности важно учитывать модальный контекст знаний и мнений, который репрезентирует условия порождения самих образов как концептуально-понятийного содержания в определенном дискуссионном поле. Таковыми являются в первую очередь фоновые знания в качестве историко-культурного контекста развития, который, составляя совокупность условий, предпосылаемых непосредственно знаниям, затрудняет соизмеримость концептуально-категориальных картин мира и их тезаурусов. Актуальные ситуации несоизмеримости в культурных взаимодействиях связаны с эпистемической логикой, недооцененной в современных социально-политических исследованиях. В ней расширяется толкование исходного гносеологического тезиса достоверного знания *истинно, следовательно, необходимо* посредством разворота к предположительному знанию с допущениями и гипотезами, где наряду с модальностью *необходимо* наличествуют иные способы установления связи в рассуждении (например, *случайно*, *возможно*, *должно быть*, *обязательно*, *разрешено*). Так, условием внесения ясности относительно эпистемологических образов государственности служит их модальная конкретизация. Она позволяет оценивать расхождение или столкновение разных точек зрения именно с позиции не гносеологических, а эпистемологических значений, различающихся модальностями реальности, существования, долженствования, побуждения, желания, надежности и др.

Преимущество использования методов эпистемической логики заключается в том, что она является логикой модальностей знания и мнения (эпистемических модальностей) некоторого идеализированного агента (актора), отличающихся от ассерторических пропозиций в классической логике. Это означает, что модальный контекст репрезентирует условия порождения самой пропозиции и феноменов знания и мнения в целом. К ним можно отнести по меньшей мере два типа установок, образующих интеллектуальные механизмы категоризации и концептуализации, – пропозициональные и собственно эпистемические. Пропозициональные установки, как ментальные состояния по отношению к содержанию высказывания, позволяют различать явное и имплицитное знание, а собственно эпистемические установки – дифференцировать поверхностную и глубинную информацию, соотносимую с «дологической и постлогической информацией» [3, с. 167]. Если поверхностная информация определяется как вероятность пропозиции без учета ее логической структуры и противоречий, возможно, входящих в ее состав, то глубинная – как мера сложности пропозиции, или возможности развернуть ее логическую структуру, воспроизводящую полную информацию о реальности. Раскрытие постлогической информации заключается в выявлении семантических связей с онтологией как предметной областью теории.

Культурный трансфер означает процесс переноса знаний между несоизмеримыми дисциплинарными областями, дискурсивными практиками, национальными и научными традициями и сообществами [4]. Результатом выступают взаимовлияние и дискурсивные смешения, или интерференция (трансфер), т. е. взаимное наложение одной концептуально-категориальной системы на другую. Согласно структуралистской парадигме для трансфера всегда недостаточно существующих кодов, поэтому эквивалентность между двумя системами знаний не может быть установлена, что обусловливает барьеры, границы или препятствия в понимании и коммуни-

кации. Таким образом, интерференция теоретико-познавательных традиций в категоризации и концептуализации государственности предполагает ряд методологических шагов, которые могут быть сформулированы, например, в соответствии с социальным реализмом Р. Коллинза [5, с. 11, 52]. Необходимо, во-первых, образовать интеллектуальную коалицию, которая позволит не только возобновить рефлексию, но и сформировать новые смыслы в контексте прежних идей государственности; во-вторых, учесть, что изменения в смыслах вызваны преобразованиями в интеллектуальной коалиции; в-третьих, показать, что эти преобразования обусловлены трансформациями в социально-политическом бытии.

На данном проблемном основании формулируются цели настоящей статьи – выявить и раскрыть категориальные и концептуальные особенности динамики указанных образов и уточнить условия их культурного переноса в современные исследования государственности.

Материалы и методы исследования

Объектом исследования выступали методологические подходы к изучению государственности, разработанные в новоевропейской философии. Теоретическую основу статьи составили разработки в области методологии научного познания Ф. Бэкона, Р. Декарта, Т. Гоббса и Б. Спинозы, идеи и концепции по проблеме государственности Р. Декарта, Т. Гоббса, Дж. Локка и Б. Спинозы. Использованы современные исследования в области эпистемической логики Я. Хинтикки и политической эпистемологии Э. Марке.

В качестве научных методов выбраны компаративный и терминологический анализы. С помощью компаративного анализа критически сопоставлены разные способы решения проблемы государственности и их обоснования. Терминологический анализ позволил, во-первых, выявить в рамках компаративистики особенности категоризации и концептуализации как основы нормирования специальной лексики, во-вторых, проследить тенденцию в формировании словаря на основе терминируемых эпистемологических образов государственности.

Результаты и их обсуждение

Категориальные и концептуальные особенности эпистемологических образов государственности в новоевропейской философии предопределены двумя подходами в становлении теоретико-познавательной традиции, связанной с внедрением новых идей на фоне прагматического переосмысления старых. Первый подход ориентирован на поиск способов легитимации знания и раскрывается на основе интеллектуальной коалиции Бэкон – Декарт – Спиноза. Второй подход направлен на поиск условий соотнесения теоретических схем как коррелятов идей с реальной практикой интерпретации и оценки социально-политического бытия и раскрывается на базе интеллектуальной коалиции Декарт – Гоббс – Локк – Спиноза.

В первой коалиции прослеживается двойственность эпистемологий Ф. Бэкона и Р. Декарта, в которой эмпирическое и теоретическое познание показаны как рефлекторные и рефлексивные способы решения проблемы разумности соответственно. Их холизм в интерпретации Б. Спинозы представлен в качестве условия преодоления парадоксов, противоречий, антиномий. Эмпиризм Ф. Бэкона, возникший под влиянием британского номинализма (особенно У. Оккама и Р. Бэкона) и ориентирующий исследователя на многообразие мира, обозначен введением в социально-философское познание новых интерпретаций опыта и научной индукции, что методологически было предопределено стремлением преодолеть безрезультативные средневековые споры и препирательства [6]. Коррелятом эмпиризма Ф. Бэкона выступает естественно-опытное мышление, которое не придерживается классической трактовки закона тождества, так как ему не претят противоречия в качестве повода усомниться в правильности или истинности мыслей. Данный путь в теме государственности избрали Т. Гоббс, Дж. Локк, Дж. Беркли и Д. Юм. Таким коррелятом можно рассматривать деятельную форму опытно-конструктивного мышления, которая стала предпосылкой промышленной революции в Англии и повлияла на динамику представлений о государственности в связи с развитием капитализма и появлением промышленного типа общества [7].

Согласно Ф. Бэкону, чтобы не исказить образ познаваемого объекта, необходимо исходить из его собственных имманентных законов. Искажение образа он связал с идолами – когнитивными препятствиями в категоризации, происходящими из особенностей рефлекторного (опытного) познания человека. В типологии идолов Ф. Бэкон показал, что опыт не воспринимает данные, которые не подверглись предварительной категоризации, иначе говоря, он изначально является концептуальным. Реальность фиксируется в конкретных аспектах, т. е. в зависимости от референций, или обозначений объектов, и от коннотаций, или их интерпретаций. Эпистемологическое значение типологии идолов заключается в критике опытного познания, базирующегося на обыденной индукции. Поскольку такая индукция осуществляется на основе случайной совокупности наблюдений, постольку ее результатом выступают

недостоверные и ненадежные знания о воспринятых объектах. Научные принципы и методы, обоснованные Ф. Бэконом в качестве оснований регулируемого опыта и индуктивного познания, были скорректированы в XIX в. Дж. С. Миллем и составили основы каузальной логики как эпистемологической базы аргументирования в социально-политическом знании.

Аргументировав неизбежность когнитивных искажений в повседневной эмпирике, Ф. Бэкон, как подметил И. С. Дмитриев, предложил «новый органон» для преодоления «массового безумия человеческого рода» [8, с. 181]. В качестве нового метода познания он должен был способствовать преодолению абсолютного доминирования в познании, во-первых, метода Аристотеля, положившего, по Ф. Бэкону, начало искусству безумия, во-вторых, диалектики Платона, направленной против софистики и условности истины. Таким путем Ф. Бэкон стремился предостеречь от двух ошибочных эпистемологических крайностей – подавления и ослабления разума. Первая крайность выражается в окончательности утверждений, ведущей к интеллектуальным конструкциям доктринального или догматического характера. В качестве аргумента он выбрал философию Аристотеля, которая своими полемическими опровержениями уничтожила остальные философии, заново поставив вопросы таким образом, что все оказалось несомненным и определенным [6, с. 31–32]. Вторая крайность заключается в «акаталепсии, смутных, расплывчатых умозрениях» [6, с. 33]. Она аргументируется Ф. Бэконом посредством ссылки на опыт школы Платона, которая «ввела акаталепсию сначала… для забавы и насмешки, из ненависти к древним софистам – Протагору, Гиппию и остальным, которые больше всего боялись показаться сомневающимися в чем-либо» [6, с. 33]. Признание вероятности или относительности знаний приводит к тому, что «человеческая душа, раз она отчаялась найти истину, становится менее деятельной» [6, с. 33].

Выражением эмпирической позиции Ф. Бэкона в эпистемологии государственности Нового времени выступает непосредственная юридическая практика. Она связана с конструированием содержательной аргументации, неформальный характер которой обусловлен, с одной стороны, необходимостью выхода за пределы классического пропозиционального образа истины, с другой стороны, эпистемическими установками истины. Но практикующие юристы в конце XVI – начале XVII в. (например, Г. Гроций и С. Пуфендорф) не смогли непротиворечиво обосновать теорию естественного права, выводимого эмпирическим путем, на основе умозрительных принципов. Стремясь в соответствии с нуждами практики открыть имманентные (естественные) законы, управляющие общественными отношениями, они ограничились лишь признанием в качестве таковых иррациональных инстинктов, истекающих из общего бытия и симпатий, но не из разума. Выразителем противоположной тенденции в эпистемологии выступил Р. Декарт.

В эпистемологии Р. Декарта стали различимы рефлексивное (дискретное) и аналоговое познание, восходящее к телу как протяженности, а также их двойственное единство. Но в этом единстве Р. Декарт, поставив результативность опыта под сомнение, редуцировал деятельность человека только к мыслительным процедурам. Научное познание, ограниченное чувственно воспринимаемыми, видимыми сторонами, или горизонтом восприятия, как в случае естественных неполитических прав, приводит к ложным мнениям или самообману, что преодолимо только посредством рефлексивного познания, или осознающего мышления (*cogito*). Р. Декарт поставил вопрос: «Разумно ли отдельному человеку замышлять переустройство государства, изменяя и переворачивая все до основания, чтобы вновь его восстановить?» Для преодоления трудностей, обнаруживающихся «при малейших преобразованиях, касающихся общественных дел», необходима «согласованность с требованиями разума» [9, с. 257]. Исходя из этого вердикта, Р. Декарт сделал заключение о том, что нельзя одобрить «беспокойного и вздорного нрава тех, кто, не будучи призван по рождению, ни по состоянию к управлению общественными делами, неутомимо тщится измыслить какие-нибудь новые преобразования» [9, с. 258]. В этом аспекте он близок не только к идее Платона о власти духовной элиты как лучшей форме управления, но и к современным концепциям меритократии.

Б. Спиноза в поисках лучшей модели для мышления объединил в своей эпистемологии государственности эмпирическую и рациональную аргументацию. Такой холизм направлен против допущения компромисса между слабо связанными силами. В эмпирике государственности для Б. Спинозы «центральным исходным пунктом… была и остается буржуазная революция, происшедшая в Нидерландах и уже назревавшая в других европейских странах» [10, с. 578]. Рационализация государственности включает конструирование аргументации на основе категории причинности, для чего доводы, сопровождающие изучение природной и общественной действительности, направлены на «развенчание тех фетишистских и антропоморфических идей, которыми человеческое представление наделило природу» [11, с. 592–593] и на утверждение принципа детерминизма.

В интеллектуальной коалиции Гоббс – Локк – Спиноза четко прослеживаются категоризация и концептуализация эпистемологических образов государственности в зависимости от их онтологической

нагрузки. Реализм государственности в философии Т. Гоббса вызван именно стремлением обосновать тот факт, что государство не является пустой социальной формой, а имеет субстанциальное содержание – онтологию конфликта и войны. Реализм Т. Гоббса стал результатом культурных переносов идей Фукидида и Н. Макиавелли, так как предыстория этого реализма восходит к труду «История Пелопоннесской войны» Фукидида и к политическому трактату «Государь» Н. Макиавелли. В частности, Т. Гоббс, по уверениям Ф. Бэкона и Л. Штрауса, следовал логике Н. Макиавелли, отказавшегося от идеальных представлений о хорошем обществе и жизни в поиске ответа на вопрос о правильном устройстве социума. Н. Макиавелли переориентировал политическую философию на учения, способные «эксплицировать различные обманы, аферы, ухищрения, пороки, мошенничество», приносящие государству и людям вред, для чего он писал «о том, как обычно поступают люди, а не о том, как они должны поступать» [12, с. 174–175]. Итальянский философ сместил ее с позиции «как человек должен жить» на то, «как люди живут на самом деле». Его «реалистический» протест заключался в замене человеческого совершенства и нравственной добродетели «патриотизмом, или просто политической добродетелью» [13, с. 170–171].

Концептуализация государства, по Т. Гоббсу, представляет собой аргументацию, обосновывающую неизбежность движения человеческого сообщества к государственности как средству преодоления парадоксальности естественного состояния. Государство возникает из общественного договора, который заключают люди, находясь в этом состоянии, когда все принадлежит всем и все имеют право на все. Парадокс неполитической естественности, означенный квантором общности, возникает при освещении вопроса равенства людей. При кажущемся равенстве людей от природы их равенство в физическом или умственном развитии оборачивается неравенством в социальном смысле. Таким способом Т. Гоббс осуществлял инверсию естественного состояния в состояние войны. Типология этого состояния включает соревнование (современный коррелят – конкуренция), недоверие и раздоры, или «борьбу из-за пустяков» [14, с. 48]. Движимый лозунгом «свобода, равенство и братство», Т. Гоббс в труде «Левиафан» обосновывал иную содержательную квантификацию – «война всех против всех», называя три ее основные причины (соперничество, недоверие и жажда славы). Они, соответственно, вынуждают человека «нападать друг на друга в целях наживы», «собственной безопасности» и «из соображений чести» [14, с. 48]. В частности, именно из естественного равенства, предопределяющего «равенство на достижение целей», «проистекает взаимное недоверие», а «из-за взаимного недоверия – война» [14, с. 47].

В стремлении преодолеть естественное состояние, характеризуемое бесконечной боязнью и опасностью насильственной смерти, создается, по Т. Гоббсу, общечеловеческое убеждение о необходимости государственной формы человеческого общежития. Важными его условиями выступают преодоление принципа «все принадлежит всем» и передача естественных прав государству как условие «царства разума» [14, с. 50]. Государство сильнее отдельного гражданина, поэтому только оно способно различить добро и зло, установить принципы справедливости и на их основе предоставить своим гражданам права и свободы. Таким способом Т. Гоббс, критически переосмысливая декартовский тезис о зависимости реальной жизни конкретного человека от его мышления, поставил социальный мир в зависимость от умения договариваться с другими и прислушиваться к коллективному разуму. Иначе восторжествует способность людей взаимно вредить друг другу, вытекающая из «тщеславного самолюбия, права всех на все» [14, с. 50]. Поэтому действия, происходящие «из выдумывания или предположения заведомо отсутствующих способностей» [14, с. 21] и подпитываемые лестью других, оказываются тщетными.

Легитимация государственности, по Т. Гоббсу, определяется его пропозициональными и эпистемическими установками, которые четко обозначил С. Пуфендорф. Это защита королевской власти от революционеров, которые «под предлогом борьбы за свободу сильно измучили Англию» [15, с. 145], и отстаивание против фанатиков верховенства высшей гражданской власти над церковью. Отождествив знание и власть, Т. Гоббс разработал тезаурус для анализа человеческих интересов. Используя кортеж *власть – интерес – политика*, он пытался объяснить, каким образом нужно устроить социальный порядок, т. е. объединить имманентность социального бытия людей и трансцендентность Левиафана, превосходящего каждого гражданина, несмотря на то что сам Левиафан вырастает из общества как конструкции, имманентной действиям граждан. По этой причине Т. Гоббса можно считать предвестником «фабрик мысли», отождествляющих производство знаний о фактах с политикой.

Если Т. Гоббс раскрывал государственность в рамках абсолютистской теории государства, обосновывая его как зло (Левиафан), но необходимое зло, а значит, добро для регулирования общественных отношений, то Дж. Локк, выступив против государства в таком значении, развивал концепцию государственности в контексте теории естественного права и общественного договора. Он исключал из концепции государства право индивида на сопро-

тивление, оставленное Т. Гоббсом как неизбежность в реалиях гражданской войны. Волюнтаристский индивидуализм Т. Гоббса происходил из признания первенства личного права на самосохранение перед естественным законом, поэтому Дж. Локк, сохраняя предшествование индивида в аспекте его естественного права сообществу индивидов, ограничивал это право естественным законом, перенося таким способом акценты в сферу моральной регуляции. Это позволяет причислить концептуальные построения Дж. Локка, и отчасти Т. Гоббса, к практике культурных переносов в становлении классической теории естественного права (линия Аристотель – Цицерон и стоики – Аквинский).

Квинтэссенцией эпистемологической легитимации государственности Дж. Локком стал переход от фрагментарности к целостному нормативно-правовому единству. Он полагал, что естественное право, являющееся тройственным правом на собственность (правом на жизнь, свободу и имущество), обусловлено природой, а значит, появляется до государства. Оно происходит из двух форм естественного состояния, в которых находятся люди. Первая форма – «состояние полной свободы в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью в соответствии с тем, что они считают подходящим для себя в границах закона природы, не испрашивая разрешения у какого-либо другого лица и не завися от чьей-либо воли» [16, с. 262]. Вторая форма – «природное равенство людей» и «состояние равенства, при котором вся власть и вся юрисдикция являются взаимными, – никто не имеет больше другого» [16, с. 262]. Но разрозненность в реализации естественных прав, например право на жизнь без права на собственность, право на собственность без права на свободу или невзаимный характер юрисдикций, указывает на необходимость делегировать государственной власти определенную часть естественных прав, чтобы защитить все остальные права.

Естественное право, составляя основу договорных отношений, служит объективным аргументом против произвола при разработке позитивного права, устанавливаемого государством. Наличие такого права означает переход от естественной свободы, не связанной ничем, «кроме закона природы», к «свободе человека в обществе» [16, с. 274], сопряженной с принятием «на себя обязательства подчиняться решению большинства и считать его окончательным» [16, с. 317]. Границами свободы становятся законы, а «свобода следовать своему собственному желанию» распространяется на все случаи, «когда этого не запрещает закон», и, напротив, несвободным становится человек, зависимый «от непостоянной, неопределенной, неизвестной самовластной воли другого человека» [16, с. 274]. Поэтому политическую власть Дж. Локк рассматривал в качестве права создавать законы, «применять силу сообщества для исполнения этих законов и для защиты государств» – «и все это только ради общественного блага» [16, с. 262]. Такую качественную особенность политической власти он поставил в зависимость от «правильного понимания» ее источника, основу которого составляют корреляции с опытом как источником конкретного, доступного, фактического знания. По этому поводу Дж. Локк говорил, что «отсутствие идей реальной сущности субстанций отсылает нас от наших мыслей к самим вещам, как они существуют» [17, с. 425].

Но именно в сопоставлении теоретических обобщений и эмпирики рождаются дилеммы государственности. В частности, в эпистеме Дж. Локка создание государства как института, возвышающегося над обществом, предполагает делегирование ему такой части естественных прав, которые необходимы и достаточны для нормального функционирования общества. Но любые попытки определить модальные рамки необходимости и достаточности всегда будут создавать дилеммы государственности между объемом делегированных прав и степенью отчужденности государства в качестве автономной силы, поддерживающей социальную нормальность. Дж. Локк не анализировал подобные дилеммы как неизбежные парадоксальности.

Истоки парадоксальности, обусловленные имманентностью действий и интересов, а также трансцендентностью государства, превосходящего индивидуальные возможности действующих акторов, обнаружил Б. Спиноза. Его эпистемология государственности начинается с признания того факта, что неустойчивость сложно подчинить каким-либо принципам, не впадая при этом в противоречия. С одной стороны, государство и принимаемые им законы выступают в качестве исходного пункта (мерила) в установлении прав и свобод человека, с другой стороны, права и свободы человека являются мерилом законности государства. Но «пока естественное право людей определяется мощью каждого и принадлежит каждому в отдельности, до тех пор оно ничтожно», существуя «скорее в воображении, нежели в действительности, ибо осуществление его совершенно не обеспечено» [18, с. 14]. Обеспечение естественных прав людей возможно во взаимодействии двух их статусов – граждан и подданных. Первые «по гражданскому праву пользуются всеми выгодами государства», а вторые «обязаны подчиняться установлениям» государства [18, с. 18].

Б. Спиноза, осознав необходимость открытой системы знаний в осмыслении политических процессов и ее непреодолимую противоречивость, выступил против позиции Р. Декарта. Он подчеркнул, что причины и естественные основы государства «сле-

дует искать не в указаниях разума, но выводить из общей природы или строя людей», так как «люди повсюду находятся в общении и образуют некоторое гражданское состояние» [18, с. 8]. Необходимость существования государства и законов обусловлена именно склонностью людей к аффектам, поэтому, как подчеркивал И. П. Разумовский со ссылками на работу «Этика» Б. Спинозы, «подлинная свобода заключается в умении сдерживать свои аффекты, рабство – в бессилии сдержать их» [10, с. 578]. По этой причине человек «более свободен в гражданском обществе, чем в уединении» [10, с. 578]. Подобная свобода сопряжена с деятельностью и реализацией интересов, что в современных социальных науках фиксируется как прагматический поворот, объединяющий объективизм и феноменологический конструктивизм в рамках методологической платформы социального конструктивизма.

Прагматика государственности подразумевает объединение сознания и деятельности индивидов с социальной средой их взаимодействия. Для ее разработки методологически значим трансфер идей Т. Гоббса и Дж. Локка, связанных с актуализацией категорий «сила» и «интерес», посредством которых реконструируется реверсивная сторона государственности и политической власти как основы государства – «сила интереса» и «сила слова». Как считал Э. Марке, Т. Гоббс акцентировал внимание на проблеме взаимосвязи интереса и «силы языка и слова», обусловленной «соотношением актов власти и общения», «свободой слова и связью перформативных ценностей, речей и действий (поступков)»[1] [19, p. 165–169]. Перформативные ценности языка он раскрывал посредством коммуникативной специфики использования имен и прагматических концептов, например связи мыслей и действий, последовательности в мыслях, благоразумия и предусмотрительности в действиях, злоупотребления речью [14, с. 7–14]. Это позволяет назвать Т. Гоббса первым политтехнологом, интерпретировавшим силу слова в контексте перформативных значений, в которых слова равносильны поступку (обещания, клятвы, предупреждения и др.). Для генерирования таких значений «кто-то должен сам что-то сделать, чтобы вызвать желаемое убеждение» [20, с. 115]. Это означает, что перформативная детерминация влечет изменение объекта (следствие) при воздействии на него другого объекта (причины).

Т. Гоббс считал познание политической истины несовместимым с риторикой, аргументируя это тем, что демагогическое злоупотребление речью привело к Пелопоннесской войне [14, с. 10, 35, 42]. Государство должно опираться на «разумный метод поиска политической истины» [21, с. 375], а не на ораторское искусство, ассоциируемое с эгоистичностью и тщеславностью индивидов, превращающих риторику в инструмент достижения личных целей, а не общего блага. Солидаризируясь с рационализмом Р. Декарта, Т. Гоббс подвергал критике неупорядоченную связь мыслей. Она «не скреплена намерением и непостоянна» и свойственна, как правило, тем людям, которые «не только находятся вне общества, но и ничем определенным не озабочены» [14, с. 7]. Все то, что такой человек может себе представить, является конечным, поэтому, заключал Т. Гоббс, он не имеет «…никакой идеи, никакого понятия о какой-либо вещи, называемой нами бесконечной. Он не может иметь в своем уме образ бесконечной величины, точно также как он не может себе представить бесконечной скорости бесконечного времени, бесконечной силы или бесконечной власти» [14, с. 9].

В эпистемологии государственности Дж. Локка происходит прагматический сдвиг в исследовании языка, на который указывает обоснование необходимости отличать слово как продуманность от действия в качестве чего-то опрометчивого или поспешного [16, с. 269]. Дж. Локк подвергал критике бессубъектный смысл языковых знаков, подчеркивая тесную связь между идеями и словами. В частности, он уточнял значение понятия «государство», которое иногда неточно ассоциируют с идеей демократии. Под государством следует понимать «не демократию или какую-либо иную форму правления, но любое независимое сообщество… которое латиняне обозначили словом “civitas”» [16, с. 337]. Оно наиболее строго соответствует понятию «государство», так как точнее выражает такое сообщество.

Обоснование Дж. Локком силы связи между идеями и словами привело к различению двух способов использования языка – философского и гражданского [19, p. 265–267]. Они по-разному снимают неопределенность идеи, закрепляемую в слове и приобретающую символическое значение. Философское использование языка стремится снять неопределенность посредством категоризации и концептуализации. Гражданское (повседневное) использование ограничено понятийными (аналоговыми) образами действительности. В этих образах присутствуют дескриптивные и регулятивные части значений различных понятий, но они слабо связаны между собой или такая связь вовсе отсутствует, что делает их идолами, ограниченными индивидуальным жизненным контекстом. По этой причине гражданскому использованию языка не свойственна категоризация и концептуализация.

[1]Перевод наш. – *С. В.*

Напротив, философская категоризация выполняет функцию связывания различных понятий, или установления смысловой связности, и, относя объект к какой-либо категории, расширяет представления о нем посредством дополнительных признаков, составляющих экспрессивно-прагматическое и деятельно-функциональное значения, обусловленные ситуациями использования.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать несколько выводов. Во-первых, выявленные категориальные и концептуальные особенности динамики эпистемологических образов государственности в новоевропейской философии методологически вызваны двойственностью эмпирических и рациональных подходов. Решающее значение двойственности эмпирики и рациональности обусловлено необходимостью согласования опытного знания и рационально-умозрительных способов решения проблем (идея Б. Спинозы). Таким образом, в конструировании причинной онтологии государственности эмпирическое познание должно быть ограничено недопущением выхода за границы имманентности (идея Ф. Бэкона), а рациональное – монотонными дискретными принципами терминологической строгости (идея Р. Декарта).

Во-вторых, раскрытые категориальные и концептуальные особенности указанной динамики предопределены пропозициональными и эпистемическими установками. Их решающее значение вызвано семиотической стандартизацией онтологии государственности, осуществляемой на уровнях семантики и прагматики. Пропозициональные установки, как ментальные состояния по отношению к содержанию высказывания, продиктованы онтологией и выявляются на категориальном уровне (неполитическая естественность, естественный закон, естественная свобода, общественный договор, свобода в обществе, сила, интерес и др.). Эпистемические установки представляют собой умозрительные системы допущений, в пределах которых становится объяснимой специфика раскрываемых аспектов государственности и верифицируется смысл категорий посредством уточнения семантического способа данности объекта в языке. Такими установками выступают нормативно-правовое единство, философское и гражданское использование языка у Дж. Локка, склонность к аффектам как типическое гражданское состояние у Б. Спинозы.

В-третьих, категориальные и концептуальные особенности динамики эпистемологических образов государственности выявляются и раскрываются на уровнях их явных (или скрытых) и поверхностных (или глубинных) структур. Если пропозициональные установки позволяют различать явное (выраженное в языке) и скрытое (имплицируемое модальным контекстом) знание, то эпистемические установки – поверхностное (индифферентное к установлению четких логических структур) и глубинное (не исключающее локализацию противоречий, освещение аспектов государственности) знание. В частности, различия концептуальных подходов (меритократия Р. Декарта, реализм Т. Гоббса, номинализм Дж. Локка и их двойственность в интерпретации Б. Спинозы) предопределены отличиями в выборе явных категориальных переменных из иерархии *индивид – общество – государство*, а также устанавливаемой системой допущений, задающей диалектику эмпирического и рационального в познании.

В-четвертых, культурный трансфер выявленных категориальных и концептуальных особенностей в современные исследования государственности, включая белорусскую государственность [22], возможен только в динамике их взаимосвязей, реконструируемых в пространстве новоевропейской философии. Иначе терминологические границы размываются и концепции становятся спорными, легко дискредитируемыми или опровержимыми.

Библиографические ссылки

1. Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек*. Левин МБ, переводчик. Москва: АСТ; 2015. 576 с.

2. Воробьева СВ, Легчилин АА. Кросс-культурные основания тенденций цивилизационного развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2018;2:17–22.

3. Хинтикка Я. *Логико-эпистемологические исследования*. Брюшинкин ВН, Наппельбаум ЭЛ, Никифоров АЛ, переводчики. Москва: Прогресс; 1980. 448 с.

4. Легчилин АА, Дудчик АЮ. Трансфер зарубежных идей в философской культуре Беларуси XIX–XX веков. *Философские науки*. 2020;63(10):88–102. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-10-88-102.

5. Коллинз Р. *Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения*. Розов НС, Вертгейм ЮБ, переводчики. Новосибирск: Сибирский хронограф; 2002. 1280 с.

6. Бэкон Ф. Новый Органон. В: Бэкон Ф. *Сочинения в двух томах. Том 2*. Александрова ЗЕ, Гутерман АН, Красильщиков С, Лагутин ЕС, Федоров НА, переводчики. Москва: Мысль; 1978. с. 5–214.

7. Мокир Дж. *Просвещенная экономика. Великобритания и промышленная революция 1700–1850 гг*. Эдельман Н, переводчик. Москва: Издательство Института Гайдара; 2017. 792 с.

8. Дмитриев ИС. Веселая наука Фрэнсиса Бэкона. *Эпистемология и философия науки*. 2020;57(1):181–201. DOI: 10.5840/eps202057114.

9. Декарт Р. Рассуждение о методе. В: Декарт Р. *Сочинения в двух томах. Том 1.* Васильев СФ, Гарнцев МА, Сретенский НН, Шейнман-Топштейн СЯ, переводчики. Москва: Мысль; 1989. с. 257–258.

10. Разумовский ИП. Спиноза и государство. В: Майданский АД, составитель. *Бенедикт Спиноза: pro et contra.* Санкт-Петербург: РХГА; 2012. с. 578–590.

11. Деборин АН. Мировоззрение Спинозы. В: Майданский АД, составитель. *Бенедикт Спиноза: pro et contra.* Санкт-Петербург: РХГА; 2012. с. 591–602.

12. Бэкон Ф. Лучшие мысли, афоризмы, постулаты и изречения Ф. Бэкона. В: Бэкон Ф. *Фрэнсис Бэкон*. Бронштейн СА, переводчик. Минск: Современное слово; 1998. с. 3–295.

13. Штраус Л. *Естественное право и история*. Адлер Е, Путько Б, переводчики. Москва: Водолей Publishers; 2007. 312 с.

14. Гоббс Т. *Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского*. Гутерман А, переводчик. Москва: Мысль; 2001. 479 с.

15. Пуфендорф С. О происхождении и прогрессе науки естественного права. Сочилин АА, переводчик. *Этическая мысль*. 2017;17(1):136–149.

16. Локк Дж. Два трактата о правлении. В: Локк Дж. *Сочинения в трех томах. Том 3.* Давидсон ЮМ, Лагутин ЕС, Семенов ЮВ, Федоров НА и др., переводчики. Москва: Мысль; 1988. с. 137–405.

17. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. Книга IV. В: Локк Дж. *Сочинения в трех томах. Том 1*. Савин АН, переводчик. Москва: Мысль; 1985. с. 135–582.

18. Спиноза Б. *Политический трактат*. Роговин ВМ, переводчик. Москва: Юрайт; 2018. 110 с.

19. Marquer É. *Art de penser et art de parler. Politique et poétique du langage dans la philosophie modern*. Paris: Classiques Garnier; 2019. 551 p.

20. Хинтикка Я. Рене мыслит, следовательно, Картезий существует. Лахути Д, переводчик. *Вопросы философии*. 2014;7:115–124.

21. Цанава БЗ. Понятие политического в философии Т. Гоббса. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС.* 2020;16(3): 375–396. DOI: 10.21638/spbu23.2020.305.

22. Гигин ВФ. Методологические основы изучения современной белорусской государственности. В: Кострица СЯ, Лапковская ЕН, Михайлова НС, Семерник СЗ, редакторы. *Образование в современном мире: горизонты и перспективы*. Гродно: ЮрСаПринт; 2018. с. 180–188.

References

1. Fukuyama F. *The end of history and the last man*. New York: The Free Press; 1992. 446 p.
Russian edition: Fukuyama F. *Konets istorii i poslednii chelovek*. Levin MB, translator. Moscow: AST; 2015. 576 p.

2. Vorobyova SV, Liahchylin AA. Cross-cultural bases of tendencies of civilisation development. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2018;2:17–22. Russian.

3. Hintikka Ja. *Logiko-epistemologicheskie issledovaniya* [Logical and epistemological studies]. Bryushinkin VN, Nappel'baum EL, Nikiforov AL, translators. Moscow: Progress; 1980. 448 p. Russian.

4. Liahchylin AA, Dudchik AY. Transfer of foreign ideas to the philosophical culture of Belarus in the 19th and 20th centuries. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2020;63(10):88–102. Russian. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-10-88-102.

5. Kollins R. *Sociology of philosophies. Global theory of intellectual change.* Cambridge: Belknap Press; 2000. 1120 p.
Russian edition: Kollins R. *Sotsiologiya filosofii. Global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya.* Rozov NS, Vertgeim YuB, translators. Novosibirsk: Sibirskii khronograf; 2002. 1280 p.

6. Bacon F. [New organon]. In: Bacon F. *Sochineniya v dvukh tomah*. *Tom 2* [Works in two volumes. Volume 2]. Aleksandrova ZE, Guterman AN, Krasil'shchikov S, Lagutin ES, Fedorov NA, translators. Moscow: Mysl'; 1978. p. 5–214. Russian.

7. Mokyr J. *Enlightened economics. Britain and the Industrial Revolution 1700–1850.* London: Penguin books; 2011.
Russian edition: Mokyr J. *Prosveshchennaya ekonomika. Velikobritaniya i promyshlennaya revolyutsiya 1700–1850 gg.* Yedel'man N, translator. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara; 2017. 792 p.

8. Dmitriev IS. The gay science of Francis Bacon. *Epistemology & Philosophy of Science*. 2020;57(1):181–201. Russian. DOI: 10.5840/eps202057114.

9. Descartes R. [Reasoning about the method]. In: Descartes R. *Sochineniya v dvukh tomakh. Tom 1* [Works in two volumes. Volume 1]. Vasil'ev SF, Garntsev MA, Sretenskii NN, Sheinman-Topshtein SYa, translators. Moscow: Mysl'; 1989. p. 257–258. Russian.

10. Razumovskii OP. [Spinoza and the state]. In: Maydanskii AD, editor. *Benedikt Spinoza: pro et contra* [Benedict Spinoza: pro et contra]. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy; 2012. p. 578–590. Russian.

11. Deborin AM. [Spinoza's worldview]. In: Maydanskii AD, editor. *Benedikt Spinoza: pro et contra* [Benedict Spinoza: pro et contra]. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy; 2012. p. 591–602. Russian.

12. Bacon F. [The best thoughts, aphorisms, postulates and sayings of F. Bacon]. In: Bacon F. *Frensis Bekon* [Francis Bacon]. Bronshtein SA, translator. Minsk: Sovremennoe slovo; 1998. p. 3–295. Russian.

13. Strauss L. *Natural right and history*. Chicago: The University of Chicago Press; 1999. 336 p.
Russian edition: Strauss L. *Estestvennoe pravo i istoriya.* Adler E, Put'ko B, translators. Moscow: Vodolei Publishers; 2007. 312 p.

14. Hobbes T. *Leviafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan, or Matter, the form and power of the ecclesiastical and civil state]. Guterman A, translator. Moscow: Mysl'; 2001. 479 p. Russian.

15. Pufendorf S. On the origin and the progress of the science of natural law. Sochilin A, translator. *Ethical Though*. 2017;17(1):136–149. Russian.

16. Locke J. [Two treatises on government]. In: Locke J. *Sochineniya v trekh tomah*. *Tom 3* [Works in three volumes. Volume 3]. Davidson YuM, Lagutin ES, Semenov YuV, Fedorov NA, translators. Moscow: Mysl'; 1985. p. 137–405. Russian.

17. Locke J. [Experience of human understanding. Book IV]. In: Locke J. *Sochineniya v trekh tomah*. *Tom 1* [Works in three volumes. Volume 1]. Savin AN, translator. Moscow: Mysl'; 1985. p. 135–582. Russian

18. Spinoza B. *Politicheskii traktat* [Political treatise]. Rogovin VM, translator. Moscow: Yurait; 2018. 110 p. Russian.

19. Marquer É. *Art de penser et art de parler. Politique et poétique du langage dans la philosophie modern*. Paris: Classiques Garnier; 2019. 551 p.

20. Hintikka Ja. René thinks ergo Cartesius exists. Lakhuti D, translator. *Voprosy filosofii*. 2014;7:115–124. Russian.

21. Tsanava BZ. The concept of the political in the philosophy of Thomas Hobbes. *Political Expertise: POLITEX*. 2020;16(3):375–396. Russian. DOI: 10.21638/spbu23.2020.305.

22. Gigin VF. [Methodological foundations for the study of modern Belarusian statehood]. In: Kostritsa SYa, Lapkovskaya EN, Mikhailova NS, Semernik SZ, editors. *Obrazovanie v sovremennom mire: gorizonty i perspektivy* [Education in the modern world: horizons and prospects]. Hrodna: YurSaPrint; 2018. p. 180–188. Russian.

Статья поступила в редколлегию 20.12.2021.
Received by editorial board 20.12.2021.

Ad perpetuam rei memoriam

19 сентября 2022 г. на 83-м году скончался доктор философских наук, профессор, заслуженный работник Белорусского государственного университета, отличник образования Республики Беларусь Петр Семенович Карако. Его земная жизнь оборвалась на лоне природы. Именно природу он философски воспевал и теоретически осмыслял. Многочисленные научные публикации П. С. Карако посвящены философским проблемам взаимодействия природы и общества. Он является автором монографий «Философия и методологии науки: В. И. Вернадский. Учение о биосфере и ноосфере» (2008), «Природа в художественной литературе» (2009), «Социальная экология: экологическое сознание» (2011), «Эстетика природы» (2012), «Природа и нравственность» (2013) и «Философия природы: прошлое, настоящее, будущее» (2016). Петр Семенович посвятил свои исследования русским космистам: П. И. Вернадскому, А. Л. Чижевскому, В. Я. Брюсову, Н. А. Умову, Ф. М. Достоевскому, П. В. Флоренскому, К. А. Тимирязеву, В. Н. Сукачеву, Л. Н. Гумилеву, А. Е. Ферсману, Н. Г. Холодному, Б. Л. Личкову, Н. В. Тимофееву-Ресовскому, Н. Н. Моисееву и др. Отдельные статьи по данной проблематике П. С. Карако постоянно писал для «Журнала Белорусского государственного университета. Философия. Психология».

Редакция предлагает читателю две статьи, одна из которых прошла редакционную подготовку при жизни автора и публикуется в данном номере. Очередной труд, посвященный творчеству А. А. Фета, будет опубликован в следующем номере настоящего журнала. Автор прислал его накануне своей смерти.

Петр Семенович родился в 1940 г. в д. Сведское Речицкого района Гомельской области. В 23 года он поступил в БГУ, чтобы изучать биологию, однако преподаватель философии убедил талантливого студента посвятить свою научную деятельность другой области знаний. С того момента П. С. Карако получил известность за свои работы в области философского познания бытия природы и человека.

П. С. Карако являлся членом экспертного совета Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь по философским наукам, входил в состав специализированных советов по защите докторских диссертаций при БГУ, а также был членом редакционных коллегий научных изданий «Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова», «Веснік Палескага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя грамадскіх і гуманітарных навук» и «Чалавек. Грамадства. Свет».

С уважением и признательностью к творчеству П. С. Карако,
редакция «Журнала Белорусского государственного университета. Философия. Психология»

УДК 113/119;821

Ф. И. ТЮТЧЕВ КАК ПЕВЕЦ ПРИРОДЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РУССКОГО КОСМИЗМА

П. С. КАРАКО[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Раскрыто содержание космической выраженности поэзии Ф. И. Тютчева, которая проявляется при описании им природы Земли и ее красоты. Природа у русского поэта предстает как форма космоземного бытия. Философским основанием его поэзии, да и космизма, является пантеизм. Ф. И. Тютчев признал наличие невещественного фактора – женственной тени, определяющей направленность космического процесса. Обращено внимание на то, что поэт фиксировал разлад между человеком и природой и необходимость его преодоления. Сделан вывод о причастности Ф. И. Тютчева к литературно-художественной ветви русского космизма и его влиянии на становление и развитие космических идей у ряда представителей русской науки и культуры.

Ключевые слова: природа; Земля; Солнце; Луна; звезды; небо; пантеизм; символизм; красота; эстетика природы; женственная тень; хаос; «мыслящий тростник»; космический процесс; космизм; русский космизм.

Образец цитирования:
Карако ПС. Ф. И. Тютчев как певец природы и представитель русского космизма. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2022;3:23–30.

For citation:
Karako PS. F. I. Tyutchev as a singer of nature and a representative of Russian cosmism. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;3:23–30. Russian.

Автор:
Петр Семенович Карако – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:
Piotr S. Karako, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
kafedra628@gmail.com

CC BY NC

Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2022;3:23–30
Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2022;3:23–30

F. I. TYUTCHEV AS A SINGER OF NATURE AND A REPRESENTATIVE OF RUSSIAN COSMISM

P. S. KARAKO[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article reveals the content of the cosmic expression of F. I. Tyutchev's poetry. It manifests itself when he describes the nature of the Earth and its beauty. The Russian poet portrays nature as a form of cosmo-earthly existence. The philosophical foundation of his poetry, and cosmism, is pantheism. He recognises the presence of an immaterial factor – the feminine shadow, which determines the direction of the cosmic process. Attention is drawn to the poet's fixation of the presence of discord between man and nature and the need to overcome it. The conclusion is drawn about the involvement of F. I. Tyutchev in the literary and artistic branch of Russian cosmism and its influence on the formation and development of space ideas among a number of representatives of Russian science and culture.

Keywords: nature; Earth; Sun; Moon; stars; sky; pantheism; symbolism; beauty; aesthetics of nature; feminine shadow; chaos; «thinking reed»; cosmic process; cosmism; Russian cosmism.

Введение

В современных исследованиях содержания русского космизма происходит причисление все новых представителей к данному течению русской мысли. Правомерным следует считать включение в их число и именитого поэта XIX в. Ф. И. Тютчева. Но вот обоснование космической выраженности его поэзии, осуществляемое некоторыми исследователями, вызывает недоумение. Так, В. Н. Демин писал: «Федор Иванович Тютчев (1803–1873) – самый философичный поэт XIX века. Его космизм всеобъемлющ и вместе с тем не носит какого-то назидательного характера, порой он просто читается между строк или просвечивает в ненавязчивых вопросах» [1, с. 79–80].

В последующем тексте процитированного труда всеобъемлющей выраженности космизма поэта автор настоящей статьи не обнаружил. Нельзя согласиться и с тем, что космизм Ф. И. Тютчева «просто читается между строк» его стихотворений. Современники поэта и следующее поколение писателей и поэтов не читали между строк содержание мыслей поэтических трудов, выраженных словами высокой поэзии, а разбирали его. Они по праву называли Ф. И. Тютчева певцом русской природы. Его лирикой восторгались А. С. Пушкин и В. А. Жуковский, Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой, А. А. Фет и В. С. Соловьёв, В. Я. Брюсов и А. А. Блок и др. В отдельных работах эти писатели давали оценку его творчеству. Новые аспекты поэтической традиции Ф. И. Тютчева раскрывались в творчестве русского советского поэта-космиста Н. А. Заболоцкого. Цитировал и комментировал некоторые произведения Ф. И. Тютчева математик-космист, академик Н. Н. Моисеев.

Внимание к творчеству Ф. И. Тютчева проявил и один из виднейших представителей русского космизма, академик В. И. Вернадский. В его труде «Живое вещество», который создавался в 1916–1922 гг., а был опубликован только в 1978 г., цитировалось известное выражение поэта: «Мысль изреченная есть ложь». Данное заключение Ф. И. Тютчева, по утверждению В. И. Вернадского, может служить основой для усовершенствования «логического аппарата» науки и «нашего слова» в языке науки [2, с. 181]. В отмеченном труде подчеркивается роль поэтического творчества в постижении природного мира. Именно знание о нем «из религиозных, поэтических, монотеистических построений… проникает и охватывает и научное представление о Вселенной» [2, с. 313].

В работе В. И. Вернадского «Биосфера» (1926) приводится конкретное подтверждение проникновения идей Ф. И. Тютчева в обоснование исследователем научной концепции биосферы Земли. Так, к первому очерку данного труда под названием «Биосфера в космосе» в качестве эпиграфа приводятся следующие строки Ф. И. Тютчева из стихотворения «Певучесть есть в морских волнах» (1865): *Невозмутимый строй во всем, / Созвучье полное в природе*… [3, с. 8].

Это *созвучье* структур и процессов в природе было предметом внимания В. И. Вернадского, которое он описал языком науки, поэзии и музыки. Ко второму очерку – «Область жизни» – вышеназванного труда в качестве эпиграфа приводятся строки из стихотворения «Сон на море» (1833): *В лучах огневицы развил он свой мир – / Земля зеленела, светился эфир*… [3, с. 74].

В данном очерке В. И. Вернадским раскрывалось влияние световой энергии и других излучений Солнца на бытие и эволюцию живого вещества биосферы, границы живого в ней. В ряде трудов академика отмечался вклад Ф. И. Тютчева в развитие культуры России.

Действительно ли Ф. И. Тютчев является певцом русской природы? Как освещались им взаимоотношение земного и космического бытия? Каким должно быть взаимоотношение человека с природой? Правомерно ли считать Ф. И. Тютчева представителем русского космизма?

Данные вопросы определили внимание автора настоящей работы к поэтическому творчеству Ф. И. Тютчева, при этом первостепенное значение имело выявление философских оснований его поэзии. Рассмотрены личностные качества поэта, его трудовая деятельность.

Цветущий мир природы как объект освещения поэзии Ф. И. Тютчева

Ф. И. Тютчев родился 23 ноября 1803 г. в усадьбе Овстуг Брянского уезда Орловской губернии в дворянской семье. Начальное образование получил в домашних условиях. В 1819 г. поступил в Императорский Московский университет на словесное отделение и в 1821 г. успешно его окончил. С 1822 г. началась дипломатическая служба Ф. И. Тютчева. Первым его назначением была русская дипломатическая миссия в Мюнхене (Германия). Здесь он общался с именитым немецким философом Ф. В. Й. Шеллингом, познакомился и завел дружеские отношения с известным поэтом Г. Гейне.

Кроме своих служебных обязанностей, Ф. И. Тютчев занимался переводами произведений И. В. Ф. Гёте, Ф. Шиллера, Г. Гейне, писал и собственные стихотворения, которые пересылал в Россию для публикации в журнале «Современник». Их с восторгом приняли А. С. Пушкин, Н. А. Некрасов и другие русские поэты того времени. В 1837 г. Ф. И. Тютчев был назначен первым секретарем русской миссии в Турине (Италия), где он находился до 1844 г. В этом же году поэт возвратился в Россию. Его служебная деятельность продолжилась в Министерстве иностранных дел России. В 1857 г. Ф. И. Тютчев был избран в члены-корреспонденты Российской академии наук на отделение русского языка и литературы. Его жизненный путь закончился 15 июля 1873 г.

Поэтическое наследие Ф. И. Тютчева составил только один том, в котором помещены его собственные произведения и переводы многих стихотворений уже отмеченных немецких поэтов. Как же следует постигать содержание его поэзии? Ответ на поставленный вопрос находится в суждении русского поэта-космиста В. Я. Брюсова. Он говорил: «К поэзии Тютчева можно подходить с трех разных точек зрения: можно обратить внимание на выраженные в ней мысли, можно постараться выявить ее философское содержание, можно, наконец, остановиться на ее чисто художественных достоинствах. Со всех трех точек зрения, поэзия Тютчева заслуживает величайшего внимания» [4, с. 193]. В настоящей статье внимание сосредоточено на двух первых вышеупомянутых точках зрения. Поскольку содержание мыслей человека определяется их философскими основаниями, первостепенное значение имело выявление философских основ поэзии Ф. И. Тютчева.

Необходимость такого исследования состоит и в том, что в существующей литературе, посвященной анализу видения природы Ф. И. Тютчевым, просматриваются спорные положения относительно философских основ его поэзии природы. Так, И. О. Шайтанов писал, что русский поэт еще в «юности был увлечен философией Шеллинга» [5, с. 5], и отмечал, что она «сыграла значительную роль в развитии поэзии» [5, с. 53] русского автора. Кроме того, И. О. Шайтанов не делал вывод о влиянии философии Ф. В. Й. Шеллинга на содержание поэзии Ф. И. Тютчева. Но такого рода вывод напрашивается при чтении работы И. О. Шайтанова.

Автор настоящей статьи провел специальный анализ натурфилософских идей Ф. В. Й. Шеллинга. Было отмечено, что, во-первых, его философия природы являлась ступенью на пути построения им системы трансцендентального объективного идеализма. Во-вторых, он обосновывал идею господства человека над природой. Немецкий философ являлся приверженцем потребительского отношения человека к природе [6, с. 75–80]. Все это хорошо знал и Ф. И. Тютчев. Философские идеи Ф. В. Й. Шеллинга (особенно его философию природы) русский поэт принять не мог. В определении своего мировоззрения Ф. И. Тютчев был самостоятелен. Таким же он был и в отношении объекта собственной поэзии. Основное назначение последней он видел в объективном освещении природы и ее красоты. Выразительно и четко содержание своего поэтического творчества он показал в стихотворении «Поэзия» (1850): *Среди громов, среди огней, / Среди клокочущих страстей, / В стихийном, пламенном раздоре, / Она с небес слетает к нам – / Небесная к земным сынам, / С лазурной ясностью во взоре – / И на бунтующее море / Льет примирительный елей* [7, с. 132].

Земное и небесное (космическое) Ф. И. Тютчев считал объектом освещения своей поэзии. В процитированных строках выражается и пантеистическое мировоззрение поэта как философское основание его поэзии.

Уже в первых опубликованных стихотворениях Ф. И. Тютчева природа не только объективна, но и красочна. Особенные эстетические чувства порождались у него при восприятии весны. Поэт уделял большое внимание описанию этой поры года. Весна была одним из значимых явлений природы, с изображения которого начиналось и становление эстетики природы в поэзии Ф. И. Тютчева. Причем весна описывалась в ней в единстве земных и космических факторов. Последний с очевидностью проявляется в содержании стихотворения «Могила Наполеона» (1820-е гг.): *Душой весны природа ожила, / И блещет все в торжественном покое: / Лазурь небес, и море голубое, / И дивная гробница, и скала! / Древа кругом покрылись новым цветом, / И тени их, средь общей*

тишины, / Чуть зыблются дыханием волны / На мраморе, весною разогретом… [7, с. 37].

Так, в единстве и взаимосвязи земных и космических (*лазурь небес*) объектов и явлений проявляется красота рассматриваемой здесь поры года. В стихотворении «Весенняя гроза» (1820-е гг.) поэтом отмечалась роль Солнца в порождении красоты весны: *Люблю грозу в начале мая, / Когда весенний, первый гром, / Как бы резвяся и играя, / Грохочет в небе голубом. // Гремят раскаты молодые, / Вот дождик брызнул, пыль летит, / Повисли перлы дождевые, / И солнце нити золотит* [7, с. 36].

В следующих строках стихотворения продолжается описание происходящих в природе изменений: *С горы бежит поток проворный, / В лесу не молкнет птичий гам, / И гам лесной и шум нагорный – / Все вторит весело громам* [7, с. 36].

В дальнейшие годы художественные образы весны представлялись поэтом в стихотворениях «Весна» (1836), «Первый лист» (1851), «Еще шумел веселый день» (1851) и др. Столь же красочным предстает в поэзии Ф. И. Тютчева лето. Эта пора года связывается поэтом с активностью природы. В стихотворении «Как летней иногда порою» (1863) он писал: *Как летней иногда порою / Вдруг птичка в комнату влетит / И жизнь и свет внесет с собою, / Все огласит и озарит; / Весь мир, цветущий мир природы, / В наш угол вносит за собой – / Зеленый лес, живые воды / И отблеск неба голубой*… [7, с. 334].

В это время даже *наш мир, и чопорный, и душный* [7, с. 334] пробуждается от сна. Для природы и человека особенно благоприятным становится летний вечер. В стихотворении «Летний вечер» (1828) раскрывается состояние природы и человека с изменением воздействия космических факторов (Солнце, звезды, небо) на природу Земли: *Уж солнца раскаленный шар / С главы своей земля скатила, / И мирный вечера пожар / Волна морская поглотила. // Уж звезды светлые взошли / И тяготеющий над нами / Небесный свод приподняли / Своими влажными главами* [7, с. 39].

В эти часы и *река воздушная полней / Течет меж небом и землею. / Да и грудь дышит легче и вольней, / Освобожденная от зною*. Чувствительной к изменению воздействий космоса на Землю оказалась вся ее природа. В данный период своего бытия *сладкий трепет, как струя, / По жилам пробежал природы* и к ее горячим ногам *коснулись ключевые воды* [7, с. 39].

Влияние космоса (Луна, звезды) на природу Земли в летнюю ночь Ф. И. Тютчев раскрывал в стихотворении «Тихой ночью, поздним летом» (1849). Вот, что происходит на земле в отмеченное поэтом время: *Тихой ночью, поздним летом, / Как на небе звезды рдеют, / Как под сумрачным их светом / Нивы дремлющие зреют… / Усыпительно-безмолвны, / Как блестят в тиши ночной / Золотистые их волны, / Убеленные луной*… [7, с. 123].

У Ф. И. Тютчева красочными являются все природные территории и их процессы. Весной, летом, осенью и даже зимой они всегда прекрасны и привлекательны для человека. В стихотворении «Чародейкою зимою…» (1852) он отмечал красоту зимнего леса: *Чародейкою Зимою / Околдован, лес стоит – / И под снежной бахромою, / Неподвижною, немою, / Чудной жизнью он блестит* [7, с. 163].

В это время лес *сном волшебным очарован*, но когда на него упадет солнечный луч, тогда *он весь вспыхнет и заблещет ослепительной красой* [7, с. 163]. Красота отдельных природных объектов находится в гармонии с другими объектами. Гармонию объектов и процессов природы поэт видит и во взаимоотношении красоты каждого из них. В стихотворении «Сияет солнце, воды блещут» (1852) эту гармонию Ф. И. Тютчев выразил следующим поэтическим языком: *Сияет солнце, воды блещут, / На всем улыбка, жизнь во всем / Деревья радостно трепещут, / Купаясь в небе голубом. // Поют деревья, блещут воды, / Любовью воздух растворен, / И мир, цветущий мир природы, / Избытком жизни упоен* [7, с. 162].

Выражение *цветущий мир природы* поэт употреблял и во многих других своих стихотворениях. Причем он считал, что как вся природа, так и ее отдельные объекты вносят свою красоту в жизнь человека, его духовный мир. Именно от созерцания *цветущего мира природы* даже в *измученной душе* человека будет появляться *улыбка умиленья* [7, с. 162].

Содержание вышеперечисленных стихотворений свидетельствует о том, что Ф. И. Тютчев внес значительный вклад в обоснование особого раздела философии – эстетики природы. Эстетические воззрения поэта на природу оказали большое влияние на формирование эстетики природы у видного представителя религиозно-философской ветви русского космизма В. С. Соловьёва. В его труде «Красота в природе» (1889) приводятся многочисленные строки из таких стихотворений Ф. И. Тютчева, как «Весенняя гроза» (1828), «Не остывшая от зною» (1851), «Ты, волна моя морская» (1852), «Ночное небо так угрюмо» (1865) и др. В. С. Соловьёв извлек из них те положения, в которых фиксируется красота многих объектов и процессов природы, роль света (солнечного, звездного, лунного) в ее порождении. Но он демонстрировал и свое расхождение с Ф. И. Тютчевым относительно трактовки света.

У Ф. И. Тютчева свет – материальный космический фактор, который воздействует на материю Земли, порождает красоту ее объектов и явлений. В философских воззрениях В. С. Соловьёва свет есть воплощение объективной идеи, которая порождает красоту всего материального Земли. Для него «порядок воплощения идеи или явления красоты в мире соответствует общему космическому порядку: вначале сотворил Бог небо…» [8, с. 364].

Женственная тень как фактор упорядочивания космоземного бытия

Ф. И. Тютчев не был приверженцем признания какой-то внешней объективной идеи как источника красоты природы и ее бытия. Он, как пантеист, только допускал существование чего-то высшего, духовного, которое упорядочивало хаотическое прошлое состояния природы, да и дневные часы ее настоящего бытия. Хаотическое состояние природы для поэта было очевидным и в ночное время. В стихотворении «Как сладко дремлет сад темнозеленый» (1835) он писал: *На мир дневной спустилася завеса; / Изнемогло движенье, труд уснул… / Над спящим градом, как в вершинах леса, / Проснулся чудный, еженочный гул…* [7, с. 89].

Поэт затруднялся дать ответ на вопрос: «Откуда идет этот гул непостижимый?» Он не мог указать и носителя *еженочного гула*. Ф. И. Тютчев только констатировал, что в данное время *мир бестелесный, слышный, но незримый, / Теперь роится в хаосе ночном?..* [7, с. 89].

Определенный шаг в раскрытии сущности незримого фактора поэт сделал в стихотворении «День вечереет, ночь близка» (1851), в котором данный фактор называется волшебным призраком. С ним поэт связывал возможность становления и своего душевного успокоения: *Но мне не страшен мрак ночной, / Не жаль скудеющего дня, – / Лишь ты, волшебный призрак мой, / Лишь ты не покидай меня!.. // Крылом своим меня одень, / Волненья сердца утиши, / И благодатна будет тень / Для очарованной души* [7, с. 152].

Ф. И. Тютчев ставил вопросы: «Кем является эта тень?»; «Откуда она появляется?»; «Имеет ли она “небесное или земное” происхождение?». Предпочтение дается первому, но ему приписывается женская выраженность: *Воздушный житель, может быть, – / Но с страстной женскою душой* [7, с. 152].

С помощью женского фактора поэт связывал небо (космос) с Землей, при этом данный фактор своим сиянием охватил прежнее хаотическое состояние и вывел его в организованный, беспредельный и вечный мир космоса. Так, в стихотворении «О чем ты воешь, ветр ночной?» (начало 1830-х гг.) поэт обратился к ветру, чтобы он не пел *страшных песен*: *О, страшных песен сих не пой / Про древний хаос, про родимый! / Как жадно мир души ночной / Внимает повести любимой! / Из смертной рвется он груди, / Он с беспредельным жаждет слиться!.. / О, бурь заснувших не буди – / Под ними хаос шевелится!..* [7, с. 78].

Отмеченный Ф. И. Тютчевым процесс становления из беспредельного хаоса нынешнего состояния природного мира был высоко оценен В. С. Соловьёвым. В статье «Ф. И. Тютчев» (1895) он писал о космической выраженности поэзии автора, в которой В. С. Соловьёв увидел описание содержания космического процесса. Именно «космический процесс вводит эту хаотическую стихию в пределы всеобщего строя…» [9, с. 289].

Этот процесс вводил во всеобщий строй прошлые хаотические состояния природного мира и осуществлялся при жизни поэта. В стихотворении «Ночное небо так угрюмо» (1865) Ф. И. Тютчев писал: *Как по условленному знаку, / Вдруг неба вспыхнет полоса, / И быстро выступят из мраку / Поля и дальние леса. / И вот опять все потемнело, / Все стихло в чуткой темноте – / Как бы таинственное дело / Решалось там – на высоте…* [7, с. 207].

С той высоты женская тень оказалась способной объять и самого поэта. В произведении «Еще шумел веселый день» (1851) Ф. И. Тютчев отмечал, что когда он был *весенней негой утомлен* и вечером задремал, то она (женственная тень) его *дремоту сторожила*: *И мне казалось, что меня / Какой-то миротворный гений / Из пышно-золотого дня / Увлек, незримый, в царство теней* [7, с. 45].

В *царстве теней* находилась и душа поэта. Ф. И. Тютчев в стихотворении «Душа моя, Элизиум теней…» (начало 1830-х гг.) говорил: *Душа моя, – Элизиум теней, / Теней безмолвных, светлых и прекрасных, / Ни помыслам годины буйной сей, / Ни радостям, ни горю не причастных…* [7, с. 86].

Женственная тень упорядочивает не только состояние объектов и процессов материального мира. Она осуществляет и борьбу со злом, которое всегда имеет место в этом мире. В произведении «Итальянская villa» (1837) поэт описывал свое восприятие одной из старых заброшенных вилл, которые он посетил. Вначале он увидел, как вилла, *заслонясь блаженной тенью, уснула в добрый час* [7, с. 108]. Как только на территорию виллы зашли люди, тогда *вдруг все смутилось: судорожный трепет / По ветвям кипарисным пробежал, – / Фонтан замолк – и некий чудный лепет, / Как бы сквозь сон, невнятно прошептал. // «Что это, друг? Иль злая жизнь недаром, / Та жизнь, – увы! – что в нас тогда текла, / Та злая жизнь, с ее мятежным жаром, / Через порог заветный перешла?»* [7, с. 108].

По убеждению поэта, только женственная тень может побороть зло в текущей жизни. С этой тенью им связывалось и становление добра и любви в мире. Представления Ф. И. Тютчева о женственной тени получили признание и дальнейшее развитие в космической поэзии В. С. Соловьёва и А. А. Блока. У первого женственная тень стала Вечной Женственностью, у второго – Прекрасной Дамой. У этих космистов данные выражения есть не что иное, как обозначение мировой души.

По Ф. И. Тютчеву, человек находится не только под влиянием женственной тени. Он связан со всем остальным миром и влияет на его бытие. В стихотворении «Тени сизые смесились» (1835) поэтом делался вывод: *Тени сизые смесились, / Цвет поблекнул, звук уснул – / Жизнь, движенье разрешились / В сумрак зыбкий, в дальний гул… / Мотылька полет незримый / Слышен в воздухе ночном… / Час тоски невыразимой!.. / Все во мне, и я во всем!..* [7, с. 90].

Идея всеединства бытия всего сущего приводилась поэтом и в произведении «Silentium», или «Молчание», и в других его работах. Данная идея получила свое дальнейшее обоснование в философии и поэзии В. С. Соловьёва. Она стала основой русского символизма – литературного метода и философского основания поэзии самого В. С. Соловьёва, его учеников и последователей (В. Брюсов, Б. Н. Бугаев (Андрей Белый), А. А. Блок и другие русские поэты рубежа XIX–XX вв.). Отсюда становится неудивительным и то внимание к творчеству Ф. И. Тютчева, которое проявили отмеченные поэты-космисты. Оно выразилось в написанных ими специальных статьях, посвященных раскрытию мировоззрения и содержанию поэзии их кумира. Поэты считали его своим идейным учителем. Например, А. А. Блок писал, что Ф. И. Тютчев является одним из его «великих учителей» [10, с. 108]. Подробное содержание их символизма и космизма раскрывается в специальных статьях автора настоящей работы. Определенный анализ творчества русских символистов освещается и в книге данного автора [11, с. 89–113].

Какое же место занимает человек в природном мире? Такой вопрос является основополагающим в системе русского космизма. Как он решался Ф. И. Тютчевым?

Человек может «слиться с бездной роковой»

Подход к решению поставленного вопроса Ф. И. Тютчев сформулировал в уже упоминавшемся стихотворении «Певучесть есть в морских волнах». Оказывается, что в исторически сложившемся полном созвучии структур и процессов природы уже разлад становится зримым и осознаваемым. Автор стихотворения ставил перед собой вопросы: *Откуда, как разлад возник? / И отчего же в общем хоре / Душа не то поет, что море, / И ропщет мыслящий тростник? // И от земли до крайних звезд / Все безответен и поныне / Глас вопиющего в пустыне, / Души отчаянный протест?* [7, с. 202].

Стоит разъяснить выражение «мыслящий тростник». Оно было введено в научную литературу и обиход французским ученым и мыслителем XVII в. Б. Паскалем для определения характера взаимоотношений человека и природы. Он утверждал, что человек есть маленькая частица природы, всего лишь самая слабая ее «тростинка». Но эта «тростинка» особая, она «тростинка мыслящая». Вот почему, по мнению Б. Паскаля, природе не надо «ополчаться» против людей. Человек стоит выше природы и вселенной, так как он обладает мышлением. Превосходство человека над природой, все его «достоинство» над ней «заключено в мысли» человека. В этом видел Б. Паскаль и «величие» человека [12, с. 136–137]. Данное положение было основанием морали, которую объяснял Б. Паскаль.

У Ф. И. Тютчева «мыслящий тростник» демонстрирует свое безразличие к природе. Весьма выразительно подобное отношение описывалось в стихотворении «Не то, что мните вы, природа…» (1836). В научной литературе (особенно по философии природы) часто приводятся следующие строки: *Не то, что мните вы, природа: / Не слепок, не бездушный лик – / В ней есть душа, в ней есть свобода, / В ней есть любовь, в ней есть язык…* [7, с. 101–102].

Процитированные предложения в названной литературе трактуются как видение Ф. И. Тютчевым природы живой и одушевленной, подобной человеку, которому следует вести с ней равноценный диалог. Но практически не комментируются последующие строки стихотворения. В них поэт упрекал известных ему людей за их безразличие к природе, нежелание и неумение видеть и ценить ее красоту. Они ничего *не видят и не слышат* в природе, а потому и *живут в сем мире, как в потьмах*: *Лучи к ним в душу не сходили, / Весна в груди их не цвела, / При них леса не говорили / И ночь в звездах нема была! // И языками неземными, / Волнуя реки и леса, / В ночи не совещалась с ними / В беседе дружеской гроза!* [7, с. 101–102].

Равнодушие и безразличие людей к природе будет ущербным прежде всего для них самих. Подобное отношение людей к среде своего обитания приведет к тому, что их души *не встревожит и голос матери самой* [7, с. 102]. А это уже есть деградация таких людей. Именно они губят ту природу, в которой родились и обитают. Последствия их действий в природе поэт раскрывал в стихотворении «Дым» (1867). Оно начинается с описания красоты и разнообразия растительного и животного мира одного лесного урочища: *Здесь некогда, могучий и прекрасный, / Шумел и зеленел волшебный лес, – / Не лес, а целый мир разнообразный, / Исполненный видений и чудес…* [7, с. 335].

Здесь и солнечные *лучи сквозили* и *трепетали тени; Не умолкал в деревьях птичий гам / Мелькали в чаще быстрые олени / И ловчий рог взывал по временам* [7, с. 335]. Перечисление разнообразия живого мира продолжается и далее. От созерцания всего существующего в данном лесу у поэта зародились следующие эстетические чувства: *Какая жизнь, какое обаянье, / Какой для чувств роскошный, светлый пир! / Нам чудились нездешние созданья, / Но близок был нам этот дивный мир* [7, с. 335].

Но какое же было разочарование поэта, когда в очередное посещение этого дивного мира увидел на его месте только дым: *Здесь дым один, как пятая стихия, / Дым – безотрадный, бесконечный дым! // Кой-где насквозь торчат по обнаженным / Пожарищам уродливые пни, / И бегают по сучьям обожженным / С зловещим треском белые огни…* [7, с. 355–356].

Губительные для природы последствия от вызванных человеком пожаров поэт раскрывал в стихотворении «Пожары» (1868). От них гибнет прежде всего растительный мир Земли. Да и от *бездны дыма*, который *тяготеет над землей*, гибнут и животные. Губительную силу пожаров человек не может предотвратить. Он только *стоит уныло*, как *беспомощное дитя* перед гибнущей природой [7, с. 214]. И в наши дни человек демонстрирует порой свою беспомощность перед пожарами, которые ежегодно происходят на всех материках Земли, где обитают люди. Именно пожары становятся одним из факторов изменения климата и разрушения природных систем планеты. К появлению пожаров причастен и человек.

Негативное отношение человека к природе Ф. И. Тютчев освещал в стихотворениях «Итак, увиделся я с вами» (1849), «Смотри, как на речном просторе» (1851), «В небе тают облака» (1868) и др. С угасанием природы, особенно в России, поэт связывал нищету и бедность основной части ее населения. Он хотя и являлся представителем сословия дворянства, но не был безразличен к состоянию природы и жизни крестьян. Свою горечь и возмущение по отмеченным проблемам поэт выразил в стихотворении «Эти бедные селенья» (1855): *Эти бедные селенья, / Эта скудная природа – / Край родной долготерпенья, / Край ты русского народа! // Не поймет и не заметит / Гордый взор иноплеменный / Что сквозит и тайно светит / В наготе твоей смиренной. // Удрученный ношей крестной, / Всю тебя, земля родная, / В рабском виде царь небесный / Исходил, благословляя* [7, с. 171].

В процитированных строках Ф. И. Тютчев еще раз выразил собственное пантеистическое мировоззрение, да и взгляды космизма. Он в силу своего социального статуса был не в состоянии предложить обитателям бедных селений каких-то направлений для улучшения их жизни. Поэт допускал борьбу крестьян за освобождение от крепостнических пут и свою свободу, но утверждал, что эта борьба будет безнадежной. В стихотворении «Два голоса» (1850) о таком результате сказано весьма определенно: *Мужайтесь, о други, боритесь прилежно, / Хоть бой и неравен, борьба безнадежна! / Над вами светила молчат в вышине, / Под вами могилы — молчат и оне* [7, с. 142].

В последующих строках произведения подчеркивалось, что сияющие над борцами звезды будут безмолвными в их борьбе. Снизу же под ними будут только немые, глухие гробы [7, с. 142]. Вот таким видел именитый поэт финал борьбы русского народа за изменение социальных условий своей жизни.

Заключение

Таким образом, Ф. И. Тютчев был настоящим певцом не только русской природы, но и тех стран, где он находился в период своей дипломатической службы. В его поэзии природа представала объективной и красочной реальностью. Восприятие и описание им красоты природы оказало влияние на становление и развитие эстетики природы у последующих представителей русской культуры (В. С. Соловьёв, В. Я. Брюсов и др.). Изображение земной природы осуществлялось с учетом воздействия на нее различных космических факторов (Солнца, Луны, звезд и т. д.), которые влияют и на бытие человека. Поэт видел и описал включенность человека в космический процесс. Все это определило космическую выраженность его поэзии. Ф. И. Тютчев поднимал и решал следующие вопросы, которые позже стали темами русского космизма: единство и взаимосвязь земного и космического бытия, место человека в природном мире, недопустимость разлада человека с окружающей его природой, этическое и эстетическое отношение человека к природе, ответственность человека за бытие и сохранение природы и т. д.

Космические воззрения русского поэта были восприняты многими будущими представителями русского космизма (В. С. Соловьёв, В. Я. Брюсов, А. А. Блок и др.). Поэзия и космизм Ф. И. Тютчева высоко оценены академиком В. И. Вернадским. Ряд положений из произведений поэта цитировались в научных трудах этого видного представителя естественно-научной ветви русского космизма. Вышеотмеченное позволяет сделать вывод о том, что Ф. И. Тютчев является представителем литературно-художественной ветви русского космизма. Его поэтическое наследие не следует читать «между строк» (В. Н. Демин). Нужно постигать то, что выражено словами и строками высокой поэзии.

Библиографические ссылки

1. Демин ВН. *Русский космизм вчера, сегодня, завтра. Часть 1. Русский космос.* Москва: Ленанд; 2014. 200 с.
2. Вернадский ВИ. *Живое вещество*. Москва: Наука; 1978. 358 с.
3. Вернадский ВИ. *Биосфера и ноосфера*. Москва: Наука; 1989. 261 с.
4. Брюсов ВЯ. *Собрание сочинений. Том 6*. Москва: Художественная литература; 1975. 656 с.
5. Шайтанов ИО. *Ф. И. Тютчев: поэтическое открытие природы*. Москва: Издательство МГУ; 1998. 128 с.
6. Карако ПС. *Философия природы: прошлое, настоящее, будущее*. Минск: Экоперспектива; 2016. 251 с.
7. Тютчев ФИ. *Сочинения в двух томах. Стихотворения. Том 1*. Москва: Художественная литература; 1984. 495 с.
8. Соловьёв ВС. *Сочинения в двух томах. Том 2*. Москва: Мысль; 1988. 822 с.
9. Соловьёв ВС. *Стихотворения. Эстетика. Литературная критика*. Москва: Книга; 1990. 574 с.

10. Блок АА. *Собрание сочинений в шести томах. Том 6*. Москва: Правда; 1971. 400 с.
11. Карако ПС. *Эстетика природы*. Минск: Экоперспектива; 2012. 246 с.
12. Паскаль Б. *Мысли*. Гинзбург ЮА, переводчик. Москва: Издательство имени Сабашниковых; 1995. 480 с.

References

1. Demin VN. *Russkii kosmizm vchera, segodnya, zavtra. Chast' 1. Russkii kosmos* [Russian cosmism yesterday, today, tomorrow. Part 1. Russian cosmos]. Moscow: Lenand; 2014. 200 p. Russian.
2. Vernadskii VI. *Zhivoe veshchestvo* [Living matter]. Moscow: Nauka; 1978. 358 p. Russian.
3. Vernadskii VI. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and noosphere]. Moscow: Nauka; 1989. 261 p. Russian.
4. Bryusov VYa. *Sobranie cochinenii. Tom 6* [Collected works. Volume 6]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1975. 656 p. Russian.
5. Shaitanov IO. *F. I. Tyutchev: poeticheskoe otkrytie prirody* [F. I. Tyutchev: poetic discovery of nature]. Moscow: Izdatel'stvo MGU; 1998. 128 p. Russian.
6. Karako PS. *Filosofiya prirody: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Philosophy of nature: past, present, future]. Minsk: Ekoperspektiva; 2016. 251 p. Russian.
7. Tyutchev FI. *Sochineniya v dvukh tomakh. Stikhotvoreniya. Tom 1* [Works in two volumes. Poems. Volume 1]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1984. 495 p. Russian.
8. Solov'ev VS. *Sochineniya v dvukh tomakh. Tom 2* [Works in two volumes. Volume 2]. Moscow: Mysl'; 1988. 822 p. Russian.
9. Solov'ev VS. *Stikhotvoreniya. Estetika. Literaturnaya kritika* [Poems. Aesthetics. Literary criticism]. Moscow: Kniga; 1990. 574 p. Russian.
10. Blok AA. S*obranie sochinenii v shesti tomakh. Tom 6* [Collected works in six volumes. Volume 6]. Moscow: Pravda; 1971. 400 p. Russian.
11. Karako PS. *Estetika prirody* [Aesthetics of nature]. Minsk: Ekoperspektiva; 2012. 246 p. Russian.
12. Paskal' B. *Mysli* [Thoughts]. Ginzburg YuA, translator. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh; 1995. 480 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 24.11.2021.
Received by editorial board 24.11.2021.

УДК 1(091)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ Г. В. ПЛЕХАНОВА И Н. А. БЕРДЯЕВА

Н. И. КУЛАК[1)]

[1)]*Белорусский государственный медицинский университет, пр. Дзержинского, 83, 220116, г. Минск, Беларусь*

Проанализировано формирование философских взглядов Н. А. Бердяева и его становление в роли критика марксистской философии в контексте материалистических изысканий Г. В. Плеханова. Показано, что убеждения Г. В. Плеханова по вопросам критической переработки принципов материалистического понимания истории являются реакцией на философскую систему Н. А. Бердяева. Прослежена степень влияния русских философских систем на взгляды Н. А. Бердяева, что имплицитно позволило скорректировать историко-философскую концепцию Г. В. Плеханова. Обоснована гипотеза о значении семьи Н. А. Бердяева и лично старшего брата С. А. Бердяева, философской атмосферы начала XX в. в Европе, степени воздействия П. Б. Струве на становление методологического кредо Н. А. Бердяева и отношения русского философа к творчеству Г. В. Плеханова. Эти факторы позволили детально прояснить и обосновать противоречивые посылки историко-философских концепций рассматриваемых личностей. Использован метод компаративистики для описания категориального аппарата мыслителей.

Ключевые слова: Г. В. Плеханов; Н. А. Бердяев; П. Б. Струве; материалистическое понимание истории; русская марксистская философия.

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF G. V. PLEKHANOV AND N. A. BERDYAEV

N. I. KULAK[a]

[a]*Belarusian State Medical University, 83 Dziaržynskaha Avenue, Minsk 220116, Belarus*

The article aims to analyse how the formation of the philosophical credo of N. A. Berdyaev and his formation in the role of criticism of Marxist philosophy in the context of the materialistic research of G. V. Plekhanov. It is shown that the views of G. V. Plekhanov on the critical processing of the principles of the materialist understanding of history are a reaction to the philosophical system of N. A. Berdyaev. In turn the degree of influence of Russian philosophical systems on the views of N. A. Berdyaev, which implicitly made it possible to correct the historical and philosophical concept of G. V. Plekhanov. The hypothesis of four factors is substantiated, such as the importance of the family of N. A. Berdyaev and personally the elder brother S. A. Berdyaev, the philosophical atmosphere of the beginning of 21th century, in Europe, the degree of influence on the formation of his methodological credo P. B. Struve and attitude to the work of G. V. Plekhanov, who made it possible to clarify and substantiate in more detail the contradictory premises of their historical and philosophical concepts. The work uses the method of comparative studies to describe the categorical apparatus of thinkers.

Keywords: G. V. Plekhanov; N. A. Berdyaev; P. B. Struve; materialist understanding of history; Russian Marxism philosophy.

Образец цитирования:
Кулак НИ. Концептуальные основания философии Г. В. Плеханова и Н. А. Бердяева. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2022;3:31–37.

For citation:
Kulak NI. Conceptual foundations of G. V. Plekhanov and N. A. Berdyaev. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2022;3:31–37. Russian.

Автор:
Никита Иванович Кулак – старший преподаватель кафедры философии и политологии лечебного факультета.

Author:
Nikita I. Kulak, senior lecturer at the department of philosophy and political science, faculty of general medicine.
kulak.nikita@inbox.ru

CC BY NC

Введение

Конец XIX и начало XX в. характеризуются радикальными социально-политическими и историко-философскими изменениями, которые определили ряд проблем марксистской философии в русской культуре. Появились такие школы марксистов, как академический марксизм (Н. И. Зибер, А. И. Скворцов, П. Н. Скворцов), народнический марксизм (Н. К. Михайловский, В. П. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон), ортодоксальный марксизм (группа «Освобождение труда» во главе с Г. В. Плехановым), легальный марксизм (П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев) и др. При выделении в разнообразии структурных компонентов учений общих институциональных и идейно-методологических предпосылок изучение русского марксизма позволяет реконструировать важнейшие тенденции марксистской философии. В этой плеяде русских марксистов важное место занимают мыслители, которые проявили оппозицию по отношению к марксизму, – Г. В. Плеханов и Н. А. Бердяев.

Философы отличались не только по возрасту (Г. В. Плеханов был старше Н. А. Бердяева на 18 лет), но и по мировоззренческим установкам. Все, что их сближало на рубеже XIX–XX вв., – это увлеченность идеями марксизма, актуальными для русской мысли. В настоящей статье проанализировано противостояние их аргументации в понимании философии марксизма. Интерес к данным личностям вызван историко-философской спецификой становления марксистского мировоззрения в указанный период и тем, что некоторые установки в дальнейшем превратились в элементы государственной идеологии. Автор настоящей работы стремился показать, как на примере полемики этих мыслителей вполне отчетливо проясняется абсолютизация логики их марксистской мысли.

Г. В. Плеханов и Н. А. Бердяев в истории марксистской философии в каком-то смысле предстают как учитель и ученик, несмотря на принадлежность к разным временным эпохам. Первый был наследником классической европейской философской традиции, а второй стоял у истоков неклассических русских штудий конца XIX в. Таким образом, они слишком отличались как по своей натуре, так и по направлению идей, чтобы мыслить идентично. Принципиально взгляды не совпали в вопросе о том, какое место должна занять марксистская философия в русской культуре [1]. На примере анализа мировоззренческих установок мыслителей в настоящей статье рассмотрен актуальный для современной России вопрос о месте марксистского учения.

Формирование философского кредо Н. А. Бердяева

Становление Н. А. Бердяева как философа началось со знакомства в 1894 г. с марксизмом: «Я почувствовал, что поднимается в русской жизни что-то новое и что необходимо определить свое отношение к этому течению» [2, с. 138]. Марксизм его интересовал из-за высокого научного уровня и мировой перспективы. В воспоминаниях об этом Н. А. Бердяев написал: «Через Д. Логвинского я вошел в общение с группой студентов, близких к марксизму. К этой группе принадлежал А. Луначарский. Тогда открылась эра бесконечных русских интеллигентских споров. Вспоминаю мое первое впечатление от соприкосновения с русским марксизмом. Я был на докладе в частной квартире одного поляка, который потом был вместе со мной сослан в Вологодскую губернию. Это был первый марксистский доклад, который я слышал. Он вызвал во мне не только отталкивание, но и настоящую тоску. В марксистский период я испытывал не раз ту же тоску. Это было чувство удушья, отсутствия воздуха, свободы дыхания» [2, с. 64].

Мыслитель признавался, что «стал критическим марксистом» и это дало «возможность остаться идеалистом в философии» [2, с. 140]. Возникает закономерный вопрос: «Почему Н. А. Бердяев для адекватного понимания марксизма был склонен к идеализму?» С одной стороны, возвышенные социалистические идеи и идеалы невозможно было описать без идеалистического аппарата, с другой стороны, русские марксисты активно реагировали на объективные обстоятельства того времени в философии (разнообразность актуальных субъективно-идеалистических направлений на рубеже XIX–XX вв.: неокантианство, эмпириокритицизм, философия жизни, ницшеанство, религиозные течения и др.). Все это способствовало повышенному интересу к идеалистической установке. В данном случае переход от материализма к идеализму ряда русских философов, в числе которых был Н. А. Бердяев, может быть оправдан.

В настоящей статье выделены четыре аспекта, которые могли сыграть существенную роль в формировании философской формации мыслителя. Во-первых, это значение его семьи и лично старшего брата С. А. Бердяева, во-вторых, роль философской атмосферы рубежа XIX – начала XX в. в Европе, в-третьих, степень воздействия П. Б. Струве на становление его методологического кредо, в-четвертых, отношение Н. А. Бердяева к Г. В. Плеханову как учителю ортодоксального марксизма. Данные аспекты позволяют лучше прояснить и обосновать противоречивые посылки их историко-философских концепций.

Факторы противоречивости историко-философской концепции Н. А. Бердяева

Поэт, публицист и революционер С. А. Бердяев был старшим братом Н. А. Бердяева. Литературно-публицистическое наследие С. А. Бердяева весьма обширно, но мало изучено, в нем можно обнаружить около 500 произведений разных жанров. Сегодня без внимания остается характер и степень его влияния на воззрения Н. А. Бердяева. Возникает вопрос: «Мог ли отразиться характер мировоззрения С. А. Бердяева на концепции Н. А. Бердяева и направить его по пути, согласно которому он будет солидаризироваться с ортодоксальным марксизмом (т. е. с Г. В. Плехановым), но осуществлять поиск истины сквозь идеалистическую призму?» По мнению автора настоящей статьи, это имело место быть в формировании философского кредо Н. А. Бердяева. «Огромное влияние оказал Сергей на брата Николая. "Я вышел из дворянской среды и порвал с ней, – пишет Н. А. Бердяев. – Разрыв с окружающей средой, выход из мира аристократического в мир революционный – основной факт моей биографии". То же самое, но ранее, совершил и Сергей. Поэтому понятными становятся слова Н. Бердяева: "Надлом в нашу семью внесли отношения между моими родителями и семьей моего брата. <…> Семья брата имела огромное значение в моей жизни и моей душевной формации"» (цит. по [3, с. 85]). Однако, как указывал М. А. Рыбаков, между братьями существовали и разногласия: «К философии, в отличие от брата, Сергей не питал пристрастия, его стихия – литература и искусство. Он критиковал брата за приверженность философскому идеализму, за "неохристианство" и симпатии к модернистской литературе. В одном из писем (1912) Сергей упоминает "отупевшего среди своего православного клерикализма брата Колю"» [3, с. 86].

Таким образом, С. А. Бердяев мог стать точкой отсчета философской составляющей Н. А. Бердяева, его соратником и главным критиком. Семья Н. А. Бердяева, в особенности его брат, имели непосредственное влияние на его судьбу и склонили философа к стремлению выработать оригинальную идейную систему.

Рубеж XIX и XX вв. в Европе стал этапом смены исследовательских парадигм, когда происходило становление Н. А. Бердяева как философа. В данный период игнорировать идеализм было невозможно. В то же время это был необходимый способ отразить востребованные социалистические идеи в рамках действительности конца XIX – начала XX в. Возрастал интерес к философским системам последователей И. Канта, а его концепции соединялись с социалистическими идеями. Во многом концепция Н. А. Бердяева складывалась под воздействием идей представителей неокантианства (А. Риль, Г. Коген, Р. Штаммлер, В. Виндельбанд, Л. Вольтман), что в дальнейшем также стало причиной, из-за которой он подвергся критике со стороны ортодоксальных марксистов и Г. В. Плеханова. Позднее Н. А. Бердяев написал: «В сущности, я стремился… к созданию своего особого мира» [2, с. 15]. Таким образом, этот мир следует обозначить как своевременную реакцию на все модные вызовы того времени, что роднит его с критической направленностью взглядов Г. В. Плеханова.

В таких случаях каждый философ хочет присоединиться к модной философской тенденции. Н. А. Бердяев испытывал идейное сомнение, а его попытки выбрать нужную сторону являлись способом устранения слабостей собственной историко-философской концепции. Отсюда и выход Н. А. Бердяева на идеализм – объективный, естественный путь, который отражал духовную атмосферу Европы начала XX в.

Знакомство мыслителя с марксистскими идеями, как было отмечено выше, произошло в студенческие годы. Именно тогда Н. А. Бердяев начал читать марксистки ориентированные статьи и попробовал осмыслить их суть. В данном контексте центральное место занимает следующий эпизод: первой работой, которая отражала его мировоззренческие убеждения, стала статья «Ф. А. Ланге и критическая философия в ее отношении к социализму» (*Friedrich Albert Lange und die kritische Philosophie in ihren Beziehungen zum Sozialismus*)[1], опубликованная в журнале К. Каутского «Die Neue Zeit» (1899–1900). Данный текст стал литературным дебютом молодого философа, после публикации которого завязалась переписка Н. А. Бердяева с К. Каутским, что могло послужить ключевым моментом при переходе с позиций ортодоксального марксизма в критическую плоскость. В письме к П. Б. Струве от 31 декабря 1899 г. Н. А. Бердяев сообщил: «Я получил очень приятное для себя известие, что моя статья о Ланге, которую я окончательно переделал, под несколько измененным заглавием послал Каутскому, принята с большим одобрением и появится в ближайшем номере "Neue Zeit"» [3, с.126].

Анализ этой ранней статьи и переписки Н. А. Бердяева с К. Каутским [4] показывает, что чем глубже он постигал философские доктрины, тем сильнее проявлялась его контраргументация. В вышеупомянутой статье излагается не столько точка зрения Ф. Ланге, сколько суть авторского философского миропонимания со ссылкой на Р. Авенариуса, В. Вундта, К. Маркса и Ф. Энгельса. Так, реагируя на постулат

[1]Позднее статья появилась в журнале «Мир Божий» (1900. № 7. С. 224–254) под заголовком «А. Ф. Ланге и критическая философия».

Ф. Ланге из книги «История материализма» о том, что «будущее не принадлежит ни субъективному идеализму Беркли или абсолютному идеализму Гегеля, ни агностицизму или даже неокантианству наших дней, но и не принадлежит также "диалектическому материализму"», Н. А. Бердяев парировал: «Мы считаем возможным только один призыв в философии, призыв *вперед*, к самостоятельной философской работе, так как мы прежде всего – люди будущего!» [5, с. 254]. Таким образом, в своих философских убеждениях он был склонен не столько к материализму и идеализму. Его взгляд – это взгляд прогрессивного философа, стремившегося заложить фундамент своей системы и своего особого мира.

На рубеже XIX–XX вв. Н. А. Бердяев переживал творческий перелом, который способствовал переходу его творчества в новую историко-философскую плоскость. Став сторонником течения легальных марксистов, он опубликовал ряд работ, в которых подверг критике марксистскую философию истории («Борьба за идеализм» (1901), «Критика исторического материализма» (1903) и др.). Лидером легальных марксистов был П. Б. Струве. Выражением идейной направленности этого течения в ранний период, на которую ориентировались его соратники, стала книга П. Б. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (1894). Сочинение получило огласку и спровоцировало конфликт в среде русских марксистов.

Взаимоотношения Н. А. Бердяева и П. Б. Струве повлияли на развитие Н. А. Бердяева как философа. Он считал П. Б. Струве важной фигурой в своем становлении: «…в своих философских взглядах я ближе всего стою к Канту и Фихте, а в социальном к Марксу и Лассалю… Я особенно дорожу мнением П. Б. Струве, самого крупного представителя того направления, к которому я и себя причисляю… более всего я дорожу соединением известных общественных взглядов с философским идеализмом – в этом мой личный вклад» (цит. по [6, с. 56]). Однако Н. А. Бердяев также имел с П. Б. Струве немало противоречий. В какой-то момент своего творчества Н. А. Бердяев настолько усомнился в верности и стройности взглядов П. Б. Струве, что написал: «Со Струве я разошелся радикально, и, в конце концов, мы перестали встречаться и прекратили всякое общение» [2, с. 138]. Несмотря на это, линия эволюции философских взглядов Н. А. Бердяева немыслима без П. Б. Струве[2].

При анализе ряда писем, например от 23 ноября 1899 г., 25 февраля 1900 г., 22 марта 1900 г., 7 октября 1900 г., 29 сентября 1901 г., 6 января 1902 г., 20 августа (2 сентября) 1903 г. и 23 августа (5 сентября) 1904 г., обнаруживаются моменты, на основании которых можно выстроить полную картину их творческого взаимодействия. Так, в письме Н. А. Бердяева к П. Б. Струве от 7 октября 1900 г. есть следующие слова: «…я очень чувствую, что недостаточно выяснил свою философскую точку зрения, и постараюсь это сделать в статье. Во всяком случае, у нас будут некоторые философские разногласия, но это не мешает появиться нашим работам под одной обложкой, общего у нас все-таки больше» (цит. по [3, с. 136]).

Стоит заметить, что одним из первых, кто вел активную борьбу с легальными марксистами в 1894 г., был В. И. Ленин, в то время как Г. В. Плеханов держал нейтралитет и даже поддерживал идеи, высказанные П. Б. Струве в его произведении «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». При этом В. И. Ленин заявлял: «…меня крайне удивляет, почему это автор "Beiträge zur Geschichte des Materialismus" («Очерки по истории материализма» Г. В. Плеханова. – *Н. К.*) не высказывался в русской литературе и не высказывается решительно против неокантианства, предоставляя Струве и Булгакову полемизировать о частных вопросах этой философии» [7, с. 8–9]. Реакция Г. В. Плеханова на философский дискурс П. Б. Струве действительно не была своевременной. Позднее под влиянием В. И. Ленина Г. В. Плеханов признался, что был неправ, и выпустил три статьи против философских взглядов П. Б. Струве под общим названием «Г-н П. Струве в роли критика Марксовой теории общественного развития». Также Г. В. Плеханов подмечал: «…г. П. Струве, не заражен "ортодоксией" и состоит "под знаком критики", или лаконическими замечаниями на ту тему, что вот в таком-то и таком-то вопросе "ортодоксальные" последователи Маркса ошибаются, а правду говорят "критические" марксисты» [8, с. 504]. Как видно из замечания В. И. Ленина, фигуру Н. А. Бердяева он также не выделил, полагая, видимо, что Н. А. Бердяев окончательно не перешел в русло критически настроенных против марксизма философов.

Для построения истории марксистской мысли в России отдельного рассмотрения заслуживают и интеллектуальные отношения Н. А. Бердяева с Г. В. Плехановым. Второй особенно остро ощутил неоднозначное видение реальности Н. А. Бердяевым. В многотомном собрании сочинений Г. В. Плеханова (24 тома) Н. А. Бердяеву принадлежит незначительное место. С одной стороны, это можно трактовать как слабость взглядов, с другой – как непопулярность идей Н. А. Бердяева в активные годы их социально-политической борьбы. Рецензию Н. А. Бердяева на работу Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» Г. В. Плеханов охарактеризовал следующими словами: «Рецензия г. Бердяева убедит только тех читателей, которые уже были убеждены и которых поэтому не нужно было и убеждать. А сами по себе мнения

[2]Их творческие связи заслуживают отдельного крупного исследования, где важным научным основанием станут письма Н. А. Бердяева к П. Б. Струве и Н. А. Струве за 1899–1905 гг., сохранившиеся в автографах в фонде П. Б. Струве в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории.

г. Бердяева внимания не заслуживают. Спиноза говорит о Бэконе, что тот *не доказывает* своих мышлений, *а только описывает их*. То же можно было бы сказать и о г. Бердяеве, если бы его способ изложения своих мыслей не характеризовался еще лучше словом *декретирует*. Но когда описывает или хотя бы декретирует свои взгляды такой мыслитель, как Бэкон, то в его декретах и описаниях встречается чрезвычайно много ценного. А когда декретировать принимается такая путанная голова, как голова г. Бердяева, то из этого решительно ничего поучительного не выходит» [9, с. 88]. Как видно из высказывания, отношение Г. В. Плеханова к взглядам Н. А. Бердяева в этот период носит негативный оттенок.

В отличие от Г. В. Плеханова Н. А. Бердяев уделял значительное место в своих воспоминаниях разногласиям с Г. В. Плехановым, что дает основания рассмотреть полярность их взглядов по ключевым сюжетам марксистского миросозерцания в начале XX в. более детально. Взаимоотношения между мыслителями представляют важный сюжет в истории русского марксизма. Н. А. Бердяев считал, что марксизм в России перестал быть той установкой, которую заложили его основатели, превратившись в самый заурядный продукт русской культуры. Русский характер и философский стиль мыслителей трансформировали классический марксизм, включив его в отечественную традицию, вследствие чего учение К. Маркса и Ф. Энгельса потеряло, по мнению Н. А. Бердяева, изначальные революционные черты. Сторонником европейской части был Г. В. Плеханов (данный статус он получил ввиду долгой эмиграции, что дало повод его современникам говорить об оторванности этого философа от русской реальности), а сторонником отечественной традиции – Н. А. Бердяев.

Н. А. Бердяев заявлял: «Мой марксизм не был тоталитарным, я не принимал всего. Это очень хорошо почувствовал Плеханов, с которым я в это время встретился в Цюрихе. Он мне сказал, что с такой философией, как моя, нельзя остаться марксистом» [2, с. 68]. В данном контексте интересен фрагмент из работы Н. А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма», где он писал о Г. В. Плеханове: «Он – западник, рационалист, просветитель и эволюционист. Ему чужды русские иррациональные мотивы» [10, с. 60]. На западный стиль мышления русского марксиста Н. А. Бердяев также указывал в сборнике «Из глубины» (1918) – третьем и последнем религиозно-философском сборнике XX в. Он характеризовал русский дух следующими словами: «Есть какая-то внутренняя болезнь русского духа. Болезнь эта имеет тяжелые отрицательные последствия, но в ней раскрывается и что-то положительное, недоступное западным людям более имманентного склада… Русская душа более чутка к мистическим веяниям, она встречается с духами, которые закрыты для забронированной западной души. И русская душа легко поддается соблазнам, легко впадает в смешение и подмену» [11, с. 76–77]. Г. В. Плеханов, как человек и мыслитель, опирающийся на западные стандарты, такой привилегии не имел, как и не имел склонности к мистическим умонастроениям. Как человек западной формации, другого поколения и общественной среды, он стоял на позиции строгого критика идеалистической системы и не отреагировать на набиравшего популярность русского идеалиста (на Н. А. Бердяева) позволить себе не мог. Исходя из данных размышлений, автор настоящей статьи согласен с ходом мысли Н. А. Бердяева. Он был прав, отстаивая свою точку зрения на развитие марксистской философии в России.

В работе «Истоки и смысл русского коммунизма» Н. А. Бердяев называл Г. В. Плеханова теоретиком именно марксизма, а не революции. В этом контексте, несмотря на критическую оценку деятельности Г. В. Плеханова и весьма однозначное отношение к его философскому творчеству, прослеживаются открытый интерес и идейная зависть к оригинальности его концепции, выстроенной на фундаменте работ К. Маркса и Ф. Энгельса. Как сообщал Н. А. Бердяев, «…за границей среди эмигрантов возникла группа “Освобождение труда”. Во главе ее стояли Г. Плеханов, П. Аксельрод, В. Засулич, Л. Дейч. Это было возникновение русского марксизма и социал-демократического движения. После Маркса и Энгельса Плеханов был одним из главных признанных теоретиков марксизма» [10, с. 78]. При этом сразу после признания заслуг Г. В. Плеханова Н. А. Бердяев критиковал как саму личность Г. В. Плеханова, так и весь русский марксизм, заявляя, что «…за годы жизни в Западной Европе Плеханов стал совсем западным человеком, очень рационалистического склада, довольно культурным, хотя и не высокого типа культуры, революционером более книжным, чем практическим. Он мог быть вожаком марксистской школы мысли, но не мог быть вожаком революции, как это и выяснилось в эпоху революции. Но на книжках Плеханова воспитывалось несколько поколений русских марксистов, в том числе Ленин и вожаки русского коммунизма. Первоначально марксизм на русской почве был крайней формой русского западничества» [10, с.78].

Будучи молодым философом, Н. А. Бердяев ориентировался в своих научных воззрениях в первую очередь на признанные авторитеты (одним из которых являлся Г. В. Плеханов), стремившись показать и доказать свой научный потенциал.

В этом контексте можно привести фрагмент, датируемый письмом Н. А. Бердяева от 3 (16) сентября 1904 г., в котором автор писал: «Был в Женеве на философском конгрессе, который был очень неинтересен. Демонстрировались почти столетние старцы Навиль и Лассон и рассказывали анекдоты из своего

прошлого. Там встретил Бельтова (один из псевдонимов Г. В. Плеханова. – *Н. К.*), который поразил меня своей любезностью. Я не хотел к нему даже подходить, но он первый подошел ко мне, очень приглашал к себе, выразил желание побеседовать со мной на философские темы и представил меня Людвигу Штейну в качестве своего "друга". Не понимаю, что сей сан означает» (цит. по [3, с. 114]). Подробнее Н. А. Бердяев описывал эту встречу в своей книге «Самопознание»: «Вспоминаю, что я был на международном философском конгрессе в Женеве в 1904 году. Я тогда встречался с Г. В. Плехановым, который был плохим философом и материалистом, но интересовался философскими вопросами. Мы ходили с ним по Женевскому бульвару и философствовали. Я пытался убедить его в том, что рационализм и особенно рационализм материалистов наивен, он основан на догматическом предположении о рациональности бытия и уж на особенно непонятном предположении о рациональности бытия материального. Но рациональный мир с его законами, с его детерминизмом и каузальными связями есть мир вторичный, а не первичный, он есть продукт рационализации, он раскрывается вторичному, рационализированному сознанию. Вряд ли Плеханов, по недостатку философской культуры, вполне понял то, что я говорил. Сам я недостаточно развил гносеологическую сторону своей философии» [2, с. 55].

Данный эпизод достаточно противоречив и неоднозначен ввиду сложного характера взаимоотношений между Г. В. Плехановым и легальными марксистами, сторонником которых в 1904 г. уже являлся Н. А. Бердяев. Личный интерес Г. В. Плеханова, авторитетного философа и одного из самых ярких критиков, к Н. А. Бердяеву, молодому мыслителю с неоднозначной мировоззренческой парадигмой и точкой зрения, согласно которой он гордился соединением материи и идеи, вызывает ряд вопросов. Как было сказано ранее, в сочинениях Г. В. Плеханова ему отводилось незначительное место, а те упоминания, которые имеются, носят оттенок строгой критики.

Это свидетельствует о том, что Г. В. Плеханов мог увидеть перспективу в Н. А. Бердяеве и стремился в дальнейшем утвердить его на почве исторического материализма. Однако вопрос о том, было ли это первостепенной задачей накануне социально-политических событий в России, остается открытым.

Заключение

Г. В. Плеханов и Н. А. Бердяев – это два взгляда на одну проблему, два идейных источника и полюса в истории марксистской философии для ее последующего развития. Первый был ортодоксальным марксистом, отстаивающим чистоту материалистического понимания истории. Второй отражал обладание марксистской истиной в контексте русской религиозной философии. Несмотря на методологические разногласия, взгляды мыслителей, стоявшие у истоков становления русского мира, который созревал в начале XX в., предстают как первые попытки к устранению всех научных предрассудков, сложившихся вокруг марксизма. Историко-философская концепция Г. В. Плеханова базируется на классических, западноориентированных постулатах К. Маркса и Ф. Энгельса, в то время как концепция Н. А. Бердяева стала выражением духа русской идеалистической мысли конца XIX – начала XX в.

Библиографические ссылки

1. Шумской АВ. Критический марксизм Николая Бердяева (1890-е – начало 1900-х гг.). *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии.* 2016;1(31):95–101.

2. Бердяев НА. *Самопознание (опыт философской автобиографии).* Москва: Мир книги; 2006. 416 с.

3. Лавров АМ, редактор. *Лица: биографический альманах. Том 3.* Москва: Феникс; 1993. 496 с.

4. Киейзик Л-Б. Критический марксизм Н. А. Бердяева – период формирования (в свете неопубликованной переписки с К. Каутским). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология.* 2018;34(2):177–181.

5. Бердяев НА. Ф. А. Ланге и критическая философия. *Мир Божий.* 1900;7:224–254.

6. Колеров МА. *Проблемы идеализма. История и контекст.* Москва: Три квадрата; 2002. 224 с.

7. Ленин ВИ. *Полное собрание сочинений. Том 46. Письма 1893–1904.* Москва: Государственное издательство политической литературы; 1970. 322 с.

8. Плеханов ГВ. Г-н П. Струве в роли критика Марксовой теории общественного развития. В: Плеханов ГВ. *Избранные философские произведения. Том 2*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1956. с. 504–633.

9. Плеханов ГВ. Предисловие переводчика ко 2-му изданию брошюры Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. В: Плеханов ГВ. *Избранные философские произведения. Том 3.* Москва: Государственное издательство политической литературы; 1957. с. 67–88.

10. Бердяев НА. *Истоки и смысл русского коммунизма.* Париж: YMCA Press; 1955. 160 с.

11. Аскольдов СА, Бердяев НА, Булгаков СА, Иванов В, Изгоев АС, Котляревский СА и др. *Из глубины. Сборник статей о русской революции.* Москва: Издательство Московского университета; 1990. 298 с.

References

1. Shumskoy AV. Critical Marxism of Nikolay Berdyaev (1890s – early 1900s). *Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies.* 2016;1(31):95–101. Russian.

2. Berdyaev NA. *Samopoznanie (Opyt filosofskoi avtobiografii)* [Self-knowledge (Experience of philosophical autobiography)]. Moscow: Mir knigi; 2006. 199 p. Russian.

3. Lavrov AM, editor. *Litsa: biograficheskii al'manakh. Tom 3* [Faces: biographical almanac. Volume 3]. Moscow: Feniks; 1993. 496 p. Russian.

4. Kiejzik L-B. The beginnings of Berdyaev's critical Marxism (in light of his unpublished correspondence with Kautsky). *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies.* 2018;34(2):177–181. Russian. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2018.204.

5. Berdyaev NA. [F. A. Lange and critical philosophy]. *Mir Bozhii.* 1900;7:224–254. Russian.

6. Kolerov MA. *Problemy idealizma. Istoriya i kontekst* [Problems of idealism. History and context]. Moscow: Tri kvadrata; 2002. 224 p. Russian.

7. Lenin VI. *Polnoe sobranie sochinenii. Tom 46. Pis'ma 1893–1904* [Complete works. Volume 46. Letters 1893–1904]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1970. 322 p. Russian.

8. Plekhanov GV. [Mr. P. Struve as a critic of the Marxian theory of social development]. In: Plekhanov GV. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya. Tom 2* [Selected philosophical works. Volume 2]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1956. p. 504–633. Russian.

9. Plekhanov GV. [Translator's preface to the 2nd edition of F. Engels' brochure Ludwig Feuerbach and the end of classical German philosophy]. In: Plekhanov GV. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya. Tom 3* [Selected philosophical works. Volume 3]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1957. p. 67–88. Russian.

10. Berdyaev NA. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Paris: YMCA Press; 1955. 160 p. Russian.

11. Askol'dov SA, Berdyaev NA, Bulgakov SA, Ivanov V, Izgoev AS, Kotlyarevskii SA, et al. *Iz glubiny. Sbornik statei o russkoi revolyutsii* [From the depth. Collection of articles about the Russian revolution]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 1990. 298 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 12.01.2022.
Received by editorial board 12.01.2022.

Социальные исследования

Social researches

УДК 316.74:27-184(476)

МАГИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В КОНФЕССИОНАЛЬНОМ ПОЛЕ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Е. В. ШКУРОВА[1)]***, Е. В. РЕУТ***[2)]

[1)]*Институт социологии НАН Беларуси,*
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь
[2)]*Белорусский государственный университет,*
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проанализированы особенности религиозных представлений в Беларуси. Показан краткий обзор приверженности представителей конфессий религиозным идеям. Исследована специфика восприятия различными категориями религиозного населения исповедных истин своей религии. Представлено соотношение магии и мистики в контексте религиозной системы. Выстроена гипотеза о том, что конфессиональная принадлежность не исключает склонности к магическим представлениям. Сделан вывод об особенностях конструирования и воспроизводства магического и религиозного мышления.

Ключевые слова: религиозные представления; магическое мышление; мистика; религиозные системы; мистический опыт; религиозные идеи; традиционные конфессии.

Образец цитирования:
Шкурова ЕВ, Реут ЕВ. Магические и религиозные представления в конфессиональном поле современного белорусского общества. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2022; 3:38–48.

For citation:
Shkurova AV, Reut EV. Magical and religious representations in the confessional field of modern Belarusian society. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;3:38–48. Russian.

Авторы:
Елена Валерьевна Шкурова – кандидат социологических наук, доцент; заведующий Центром оперативных исследований.
Елизавета Викторовна Реут – преподаватель кафедры социальной работы и реабилитологии факультета философии и социальных наук.

Authors:
Alena V. Shkurova, PhD (sociology), docent; head of the Operational Research Centre.
vogel_82@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-1214-0783
Elizaveta V. Reut, lecturer at the department of social work and rehabilitation, faculty of philosophy and social sciences.
liliiren6997@mail.ru

MAGICAL AND RELIGIOUS REPRESENTATIONS IN THE CONFESSIONAL FIELD OF MODERN BELARUSIAN SOCIETY

***A. V. SHKUROVA*[a], *E. V. REUT*[b]**

[a]*Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,*
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus
[b]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Corresponding author: A. V. Shkurova (vogel_82@mail.ru)

The article is devoted to analysing the peculiarities of religious beliefs in Belarus. A brief overview of the adherence of confessions' representatives to religious ideas is given. The specificity of the perception of the confessional truths by various categories of the religious population is analysed. In the process of analysis, the ratio of magic and mysticism in the context of the religious system is touched upon. A hypothesis that confessional affiliation does not exclude a tendency to magical ideas is built within the framework of the article, and a conclusion about the features of the construction and reproduction of magical and religious thinking is made.

Keywords: religious representations; magical thinking; mystic; religious systems; mystical experience; religious ideas; traditional denominations.

Введение

Мистическое откровение представляет собой один из факторов формирования мышления. Разумеется, это вовсе не означает, что каждый человек подвергается мистическому переживанию, на основе которого структура его мышления претерпевает изменения. Это значит, что люди, испытавшие мистический опыт и сумевшие передать его остальным, способны повлиять на дальнейшее развитие человеческого мышления. Мистический опыт – это своего рода импульс, на основе которого развивается та или иная форма мышления. Примером формирования подобной модели мышления является религия.

Причина, по которой религия, мистика и магия всегда были вплетены в историю развития друг друга, заключается в том, что религия базируется на вере в сверхъестественное. Иными словами, в основе религии лежит мистическое переживание, а ее дальнейшее развитие происходит за счет толкования и переработки первичного мистического опыта – сначала индивид переживает мистический опыт, после доносит его до остальных людей. В случае его успешной передачи за носителем мистического переживания закрепляются последователи и затем полученное мистическое откровение превращается в учение.

После окончательной трансформации религии запускается процесс влияния не только на мышление людей, переживших мистический опыт, но и на мышление индивидов, не испытавших подобного переживания, отчего религиозные истины начинают принимать за веру. Необходимо учесть и социокультурное многообразие мистического опыта, связанное с исторической изменчивостью самых устойчивых традиций и личной своеобразностью носителей данного опыта.

Магические и религиозные представления сосуществуют в конфессиональном пространстве Беларуси, как в любом другом социально-культурном поле. В каждом обществе складываются и действуют разные типы мышления (мифологический и критический, обыденный и магический (мистический), эмпирический и созерцательный, массовый и групповой (индивидуальный) и т. д.), зависящие от целей взаимодействия людей с реальностью. Религиозные представления вбирают в себя элементы разных типов, поскольку формируются в различных социально-культурных контекстах и используются представителями многих общественных слоев и групп. Соотношение разных типов мышления в религиозной традиции отражает ее устойчивость и тенденции развития в текущий период. Понятия, раскрывающие обозначенную тему, в связи с многозначностью требуют уточняющих определений. В словосочетании «магическое мышление» слово «мышление» понимается в самом широком значении, т. е. как синоним термина «восприятие» (способность отражать и перерабатывать содержание реальности). Слова «религия», «мистика» и «магия» частично перекрывают друг друга по содержанию. Из сущности термина «религия» может быть выделено значение, отражающее не сам религиозный комплекс и его традицию, а отношение к нему общества, группы и индивида, что понимается как религиозность. В таком случае у данного термина сохраняются значения «религиозный комплекс» и «религиозная система (традиция)», и это всегда имеет конфессиональную определенность и объективный статус. Мистика понимается как опытный, или субъективный, аспект религии, который часто реализуется вне строгого конфессионального поля. Магия

включает в себя две группы значений – собственные и теологически (христиански) окрашенные, которые наследуются от христианства. Она трактуется как совокупность символических действий, влияющих на реальность. Теологически (христиански) окрашенное значение противопоставляет притязание на символическое изменение миропорядка принятию объективного статуса человека в реальности. Слово «магия» в широком смысле означает практический символизм, или ритуальность, любой религии, а в узком – противопоставление дохристианских религиозных установок христианским и доконфессиональную (в привычной лексике языческую) религиозность.

Методология исследования

Эмпирической базой исследования служат данные проекта «Европейское исследование ценностей» (*European Values Study*), начавшегося в 1981 г. Он представляет собой масштабную кросс-национальную программу по изучению идей, убеждений, взглядов и предпочтений населения, связанных с жизнью, семьей, работой, религией, политикой и обществом. Последний этап проекта начался в сентябре 2017 г. В первом исследовании, проведенном в 2018 г., участвовали 1548 респондентов [1, с. 123–124].

Кроме того, методологической основой настоящей работы являются результаты опроса, проведенного в рамках конструирования типологии религиозности для выявления специфики включенности в компоненты религиозной системы [2]. Во втором исследовании приняли участие 2723 респондента из всех областей Беларуси соответственно численности зарегистрированных религиозных организаций в каждой из областей. Из них 2013 человек относят себя к представителям традиционных доминирующих конфессий (ошибка выборки составила 0,02, доверительная вероятность – 95 %), а 710 – к представителям других конфессий (ошибка выборки составила 0,04, доверительная вероятность – 95 %). Опрошенные являются последователями 20 конфессий (18 зарегистрированных конфессий и 2 незарегистрированные конфессии) [3, с. 69–76].

Результаты и их обсуждение

Вопросы переживания мистического опыта и формирования религиозных представлений не часто становятся предметом социологической и социально-психологической оценки. Однако понимание специфики проявления мистических и религиозных представлений возможно на основе изучения особенностей отношения к сакральным феноменам.

Об отдельных аспектах восприятия сакральных явлений можно судить на основе данных эмпирических исследований. Результаты проекта «Европейское исследование ценностей» позволяют сделать некоторые выводы. Сущность религиозных представлений выражается в первую очередь в отношении последователей конфессий к элементам содержания религиозной системы. Для оценки таких представлений респондентам задавался вопрос относительно веры в базовые религиозные идеи. Заметно, что люди, вовлеченные в религию, с большей уверенностью воспринимают ее ключевые позиции. Более 90 % представителей конфессиональных групп и 81 % населения в целом верят в Бога. В отношении других элементов позиции представителей традиционных конфессиональных групп отличаются: католики высказывают бóльшую приверженность религиозным идеям, нежели православные (табл. 1). Представители конфессиональных групп чаще, чем население в целом, верят в реинкарнацию. Это говорит о том, что религиозное сознание сопряжено с мистическими представлениями.

Отношение к религиозным вопросам, как правило, существенно зависит от возраста. Для молодежи характерны бóльшие сомнения относительно ее содержания, особенно это заметно в отношении веры в Бога. Примечательно, что идейная позиция представителей всех возрастных групп является устойчивой только по данному вопросу (вера в Бога), при оценке других религиозных идей мнения поляризуются. Кроме того, для молодежи особую актуальность имеет осмысление вопросов посмертного существования: большинство молодых людей верят в реинкарнацию и жизнь после смерти (табл. 2).

Очевидно, что в отношении базовой религиозной идеи веры в Бога общественное мнение сформировано, а оценка более сложных религиозных вопросов вызывает затруднения. Таким образом, интерес авторов настоящей статьи представляет специфика восприятия различными категориями религиозного населения исповедных истин своей религии.

Судить об этом можно на основе данных исследования особенностей религиозного населения Беларуси, которое осуществлялось в рамках конструирования типологии религиозности для выявления специфики включенности в компоненты религиозной системы. Знание исповедных истин своей религии отражает определенность религиозной позиции и строится на основе совокупности переменных, отражающих представления о высшем начале, возникновении мира, его функционировании, судьбе человека в мире и посмертном существовании [4].

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос об их приверженности религиозным идеям, %

Table 1

Distribution of respondents' answers to the question about their adherence to religious ideas, %

Вопрос	Ответ	*Население в целом*	Представители православной церкви	Представители католической церкви	Представители других конфессий
Верите ли Вы					
в Бога?	Да	*81,0*	93,8	94,8	93,8
	Нет	*19,0*	6,2	5,2	6,2
в жизнь после смерти?	Да	*46,7*	56,3	70,1	58,2
	Нет	*53,3*	43,7	29,9	41,8
в ад?	Да	*47,1*	57,7	78,1	60,2
	Нет	*52,9*	42,3	21,9	39,8
в рай?	Да	*49,7*	60,6	81,5	63,2
	Нет	*50,3*	39,4	18,5	36,8
в реинкарнацию?	Да	*32,5*	37,1	38,5	36,5
	Нет	*67,5*	62,9	61,5	63,5

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос об их приверженности религиозным идеям в зависимости от возраста, %

Table 2

Distribution of respondents' answers to the question about their adherence to religious ideas depending on age, %

Вопрос	Ответ	Возраст		
		до 29 лет	30–54 года	55 лет и старше
Верите ли Вы				
в Бога?	Да	72,5	81,2	84,9
	Нет	27,5	18,8	15,1
в жизнь после смерти?	Да	50,9	44,8	46,7
	Нет	49,1	55,2	53,3
в ад?	Да	47,3	45,4	49,1
	Нет	52,7	54,6	50,9
в рай?	Да	48,5	48,0	52,4
	Нет	51,5	52,0	47,6
в реинкарнацию?	Да	44,0	28,3	31,3
	Нет	56,0	71,7	68,7

Анализ результатов исследования показывает, что респонденты демонстрируют высокую степень согласия в определении высшего начала (табл. 3). Большинство считает, что таковым является Бог (90,3 %), при этом конфессиональная вовлеченность респондентов (в особенности католиков) повышает степень их согласия с данной идеей. Представители молодежи больше других опрашиваемых сомневаются в ответе на этот вопрос за счет смещения их позиций в сторону пантеистических идей о безличной высшей силе (5,2 %). Стоит обратить внимание на заметное число ответов представителей старшей возрастной группы о природе как высшем начале (3,0 %). Примечательно, что неверие в существование высшего начала высказали 0,9 % представителей религиозного населения и 0,2 % представителей православной церкви.

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Кто или что, по Вашему мнению, является высшим началом?» – в зависимости от их возраста и приверженности традиционной религии, %

Table 3

Distribution of respondents' answers to the question: «Who or what do you consider the highest principle?», depending on their adherence to traditional religion and age, %

Ответ	*Религиозное население в целом*	Представители православной церкви	Представители католической церкви	Возраст		
				до 29 лет	30–54 года	55 лет и старше
Бог	*90,3*	92,8	96,3	88,7	92,1	89,8
Безличная высшая сила (мировая душа, мировая воля, мировой закон, космический разум, космические энергии, судьба)	*4,3*	3,1	1,9	5,2	3,9	3,9
Духи мира и (или) предков	*0,2*	0,1	0,0	0,5	0,1	0,1
Природа	*1,7*	1,2	0,3	1,2	0,8	3,0
Морально-этические принципы (религиозные и нерелигиозные)	*0,4*	0,3	0,1	0,7	0,4	0,2
Я не верю в существование высшего начала	*0,9*	0,2	0,3	1,6	0,5	0,7
Затрудняюсь ответить	*2,2*	2,2	1,1	2,1	2,2	2,2

Преимущественно согласованы ответы респондентов на вопрос о происхождении мира: 86,1 % опрошенных указывают, что мир сотворен Богом. Выбор последователей христианских конфессий более устойчив (табл. 4). Для молодежи характерны представления о существовании мира в человеческом сознании (в два раза больше ответов, чем в других возрастных группах), а для людей старшего возраста заметно влияние светской культуры и присутствие материалистических представлений о том, что мир никем не сотворен и возник в результате природных процессов (4,6 %).

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как возник мир?» – в зависимости от их возраста и приверженности традиционной религии, %

Table 4

Distribution of respondents' answers to the question: «How did the world arise?», depending on their adherence to traditional religion and age, %

Ответ	*Религиозное население в целом*	Представители православной церкви	Представители католической церкви	Возраст		
				до 29 лет	30–54 года	55 лет и старше
Мир сотворен Богом	*86,1*	88,8	91,6	85,1	87,9	84,9
Мир порожден безличной высшей силой	*0,8*	0,7	0,6	1,0	0,6	0,8
Мир создан духами или богами	*0,5*	0,2	0,3	0,6	0,5	0,5
Мир возникает, существует и погибает, чтобы снова возникнуть	*4,6*	4,3	2,5	4,9	4,5	4,4
Мир вечен и неизменен в своей основе	*2,5*	2,6	1,4	2,9	2,0	2,6
Мир существует лишь в человеческом сознании	*1,0*	0,4	0,3	2,1	0,9	0,1
Мир никем не сотворен, он возник в результате природных процессов	*2,9*	2,0	1,1	2,2	2,0	4,6
Другое	*0,1*	0,0	0,0	0,1	0,1	0,0
Затрудняюсь ответить	*1,6*	1,0	2,3	1,0	1,6	2,1

Вопросы об инстанции, управляющей миром, и обусловленности судьбы человека в мире вызывают еще больше трудностей. Конфессиональная специфика в ответах на вопросы сохраняется.

Так, более половины религиозного населения говорят о единоначалии Бога, а более трети предполагают сочетание воли Бога и воли людей. Схожим образом распределяются мнения представителей православия. Ответы последователей католицизма в выборе этих вариантов поделились примерно пополам (табл. 5). Для молодежи ключевое значение имеет свобода воли, в связи с чем при оценке данного вопроса 41,5 % молодых людей указывают на единоначалие Бога и 44,4 % представителей младшего поколения– на сочетание воли Бога и воли людей. Заметно влияние секулярной культуры в виде материалистических представлений: одни респонденты считают, что миром управляют законы природы (характерно для старшей возрастной группы), другие – что миром управляет разум и воля людей (свойственно молодежи).

Таблица 5

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Кто или что управляет миром?» – в зависимости от их возраста и приверженности традиционной религии, %

Table 5

Distribution of respondents' answers to the question: «Who or what governs the world?», depending on their adherence to traditional religion and age, %

Ответ	*Религиозное население в целом*	Представители православной церкви	Представители католической церкви	Возраст		
				до 29 лет	30–54 года	55 лет и старше
Бог	*52,0*	57,2	48,6	41,5	50,5	63,3
Сочетание воли Бога и воли людей	*36,3*	35,1	44,5	44,4	39,4	25,3
Бог и другие силы	*0,5*	0,6	0,0	0,6	0,7	0,1
Бог и (или) дьявол (Сатана)	*1,0*	0,2	0,0	1,2	1,3	0,5
Безличная высшая сила (мировая душа, мировая воля, космический разум, космические энергии, судьба)	*2,0*	1,4	0,8	2,7	2,0	1,4
Духи природы и (или) предков, другие бестелесные силы	*0,3*	0,1	0,1	0,6	0,2	0,1
Законы природы	*4,5*	3,5	2,1	4,1	3,2	6,4
Разум и воля людей	*2,1*	1,2	2,4	3,3	1,3	1,8
Мир не управляется	*0,1*	0,0	0,0	0,2	0,2	0,0
Затрудняюсь ответить	*1,2*	0,9	1,5	1,2	1,3	1,1

В вопросе о самостоятельности (несамостоятельности) человека в управлении своей судьбой также проявляется конфессиональная специфика выбора респондентов. Больше 60 % всего религиозного населения и последователей христианских конфессий считают, что судьба человека в мире зависит как от Бога, так и от самого человека. Около 30 % религиозного населения в целом предоставляют человеческую судьбу целиком воле Бога (табл. 6). Свобода человеческой воли в данном вопросе важнее для представителей молодежи и среднего возраста. Ответов респондентов старшего поколения, считающих, что судьба человека зависит только от воли Бога, почти вдвое больше, чем ответов представителей других возрастов. Некоторые опрошенные имеют утверждения материалистического плана о том, что судьба человека в мире зависит от него самого или от стечения обстоятельств (особенно характерно для молодых людей). Кроме того, можно указать на присутствие в религиозно-мировоззренческом фоне Беларуси ориенталистских идей, способствующих формированию в нем эклектичных смыслов. Так, доля респондентов, считающих, что судьба человека в мире зависит от закона воздаяния за совершенные действия, составила 1, 8 %.

Наиболее разрозненны представления респондентов о перспективах посмертного существования. С вариантом о том, что после смерти человека ждет вечное пребывание души без тела в раю или аду, согласились 67,8 % последователей католицизма, 50,9 % религиозного населения и 53,5 % представителей православия. Уверены в телесном воскресении человека 24,1 % религиозного населения, 27,4 % представителей православия и 17,7 % последователей католицизма. Это соответствует типам декларируемых исповеданий (табл. 7). Также отмеченное выше количество ответов отражает заимствование из других религиозных систем (пантеизм, политеизм), например представления о многократном

перерождении души в другом теле и (или) других мирах, бесконечном совершенствовании души в высших сферах, продолжении существования души в материальном мире (для религиозного населения по совокупности позиций составило 13,7 %, для последователей православия – 9,2 %, католицизма – 8,6 %). Влияние этих идей более заметно для среднего возраста и менее – для старшего. Кроме того, данный вопрос (по сравнению с другими вероучительными вопросами) вызвал наибольшее количество затруднений у всех респондентов. Примечательно, что молодежь при этом была увереннее в своих оценках.

Таблица 6

Распределение ответов респондентов на вопрос: «От чего зависит жизнь (судьба) человека в мире?» – в зависимости от их возраста и приверженности традиционной религии, %

Table 6

Distribution of respondents' answers to the question: «What determines the life (fate) of a person in the world?», depending on their adherence to traditional religion and age, %

Ответ	*Религиозное население в целом*	Представители православной церкви	Представители католической церкви	Возраст		
				до 29 лет	30–54 года	55 лет и старше
От Бога и выбора человека	*61,8*	61,8	64,2	67,4	70,8	46,5
Только от Бога	*28,5*	32,1	31,8	20,4	22,0	43,2
От безличной высшей силы (мировая душа, мировая воля, космический разум, космические энергии, судьба)	*0,6*	0,4	0,1	0,2	0,6	0,8
От духов или богов	*0,5*	0,1	1,0	0,6	0,5	0,3
От закона воздаяния за совершенные действия	*1,8*	1,0	0,1	2,3	2,1	1,1
Только от человека	*3,3*	2,3	1,1	5,6	1,9	3,0
От стечения обстоятельств	*2,4*	1,5	1,2	2,5	1,3	3,6
От человека и обстоятельств	*0,5*	0,2	0,1	0,7	0,3	0,6
Затрудняюсь ответить	*0,5*	0,6	0,3	0,1	0,6	0,8
Другое	*0,1*	0,0	0,0	0,1	0,0	0,1

Таблица 7

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что происходит с человеком после его смерти?» – в зависимости от их возраста и приверженности традиционной религии, %

Table 7

Distribution of respondents' answers to the question: «What happens to a person after his death?», depending on their adherence to traditional religion and age, %

Ответ	*Религиозное население в целом*	Представители православной церкви	Представители католической церкви	Возраст		
				до 29 лет	30–54 года	55 лет и старше
Телесное воскресение	*24,1*	27,4	17,7	23,6	26,8	21,4
Вечное пребывание души без тела в раю или в аду	*50,9*	53,5	67,8	54,7	45,2	53,8
Вечная жизнь (с Богом)	*0,9*	1,7	0,1	0,5	1,4	0,8
Бесконечное совершенствование души в высших мирах	*4,7*	3,0	4,1	3,5	5,8	4,6
Многократное перерождение в другом теле и (или) в других мирах	*7,0*	4,3	2,8	8,9	7,8	4,5
Продолжение существования души в материальном мире	*2,0*	1,9	1,7	1,2	2,4	2,4
Полное прекращение существования тела и души	*4,0*	1,3	1,0	2,6	2,9	6,6

Окончание табл. 7
Ending table 7

Ответ	*Религиозное население в целом*	Представители православной церкви	Представители католической церкви	Возраст		
				до 29 лет	30–54 года	55 лет и старше
Зависит от человека и (или) от того, как он прожил свою жизнь	0,6	0,5	0,1	0,9	0,8	0,0
Затрудняюсь ответить	5,6	6,4	4,6	3,7	6,7	5,9
Другое	0,2	0,1	0,0	0,4	0,2	0,0

Приведенные данные отражают общий уровень понимания основных положений религиозной системы.

Специфика вовлеченности в религию проявляется и в системе религиозной деятельности, одним из показателей которой является использование культовых предметов в повседневной практике. Выявлено, что 93,9 % религиозного населения, 96,3 % последователей православия и 94,2 % приверженцев католицизма имеют или используют в домашних условиях культовые предметы разнообразного характера (табл. 8). Это превышает количество ответивших на любой другой из вопросов, определяющих степень религиозной активности и, с одной стороны, говорит о формальности такого поведения, с другой стороны, характеризует специфику принадлежности к конфессии. Так, большинство представителей католицизма имеют в быту статуэтки, репродукции, а большинство приверженцев православия – лампады, благовония.

Таблица 8

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какие предметы для использования при домашних молитвах, медитации, других культовых действиях имеются у Вас дома?», %

Table 8

Distribution of respondents' answers to the question: «What items to use for home prayers, meditation, and other cult activities?», %

Ответ	*Религиозное население в целом*	Представители православной церкви	Представители католической церкви
Иконы	*75,9*	98,7	96,8
Статуэтки	*18,6*	6,7	54,8
Репродукции, фотографии, изображения (богов, святых, духовных учителей)	*25,1*	18,5	50,1
Четки	*37,9*	22,7	77,6
Свечи	*66,2*	78,8	84,8
Подсвечники	*38,3*	46,5	46,2
Лампады	*27,7*	45,2	19,9
Благовония, кадильницы	*16,4*	25,9	6,7
Обереги	*4,4*	3,7	3,2
Амулеты	*1,7*	0,9	1,3
Музыкальные инструменты	*5,4*	1,8	4,5
Тексты Писания	*66,3*	61,9	76,3
Богословские книги, книги по религиозным вопросам	*62,6*	70,0	62,9
Книги по эзотерике, оккультизму (астрологии, хиромантии, гаданию, магии и др.)	*2,3*	1,7	1,5
Книги по истории религии	*29,0*	29,0	23,2
Другое	*2,4*	1,2	1,6
Не имею ничего подобного	*2,5*	0,4	0,0

Примечание. Вопрос предполагал возможность выбора нескольких вариантов ответа.

Результаты приведенных исследований демонстрируют, что конфессиональная принадлежность не исключает склонность ее приверженцев к магическим или мистическим представлениям, а специфика восприятия религиозных истин опосредуется потребностью смысложизненного поиска. Главная точка пересечения магии и религии расположена в способе их реализации. Она отражается в ритуале, который, в свою очередь, характеризуется символизмом. Это значит, что любые магико-религиозные действия, верования, ценности и установки представляют собой символическую систему, описывающую или выражающую социальные отношения групп или отдельного индивида. Британский социальный антрополог Э. Р. Лич говорил о том, что «веру и ритуальные действия можно одинаково понимать, как форму символического высказывания о социальном порядке» [5, с. 14]. Более того, магический смысл ритуального действия сохраняется в религии и в настоящее время. Как отмечал М. Вебер, и магические, и религиозные действия (или мышление) не выходят из сферы повседневной целенаправленной деятельности. Основное отличие заключается лишь в том, что в рамках нынешнего понимания мира люди способны на объективное разделение рациональных и иррациональных конструктов, комплектующих реальность. Следовательно, тот, кто эти действия совершает (исполнитель), разделяет их только по большей или меньшей повседневности. Носитель магического мышления, стремящийся к силе, или носитель религиозного мышления, ставящий себе цель добиться единения с Богом, – каждый из них ориентирован на получение доступа к трансцендентному источнику. А это предполагает совершение действий, составляющих практику культовой жизни.

Несмотря на то что мистическое начало присутствует во всех религиозных течениях, традиционно понятие «мистика», в отличие от слова «религия», носит более древний характер. Сущностное различие между ними заключается в специфике культовой деятельности: религиозный культ, как правило, публичен, а мистический осуществляется тайно. Если рассматривать цель религиозной жизни как загробное воздаяние, то мистика ориентируется на достижение непосредственного общения с трансцендентным началом (здесь и сейчас) и в перспективе на полное слияние с ним. Если вера в вечную жизнь требует признания полноты нравственной ответственности за свои деяния, то мистический опыт предполагает аскетизм, но не нравственные ограничения, так как для него приемлемы любые средства, если они приводят к заветной цели.

Религиозные убеждения формируются в процессе эволюции на стадии применения базовых установок мышления в несвойственных им формах. В результате распространения и укрепления (в рамках человеческого общества) определенных религиозных представлений стимулирование их развития в мышлении индивидов происходит путем периодической реализации ритуальных действий. Благодаря этому задействуются функции памяти, отвечающие за формирование целостных представлений индивида о мире и совмещающие в себе эпизодические и семантические моменты. В широком смысле религиозное мышление предполагает мировоззрение, базирующееся на поисках некого первоисточника, т. е. общего начала или первичной сущности вещей. Религиозное мышление основывается на предположении о том, что реальный мир, в котором мы пребываем, является производным от данного изначального источника в той или иной форме. Ключевой целью этого мышления является поиск изначального источника, определяющего все сущее, или приобщение к нему.

Если понимать мышление в широком смысле как восприятие, т. е. способность отражать и перерабатывать содержание реальности, главным отличием между религиозным мышлением и магическим является то, что даже в случаях, когда представители магического мышления обращаются к первоисточнику (при условии, что они действительно нашли его), они не устремляются к нему, а, напротив, лишь используют знание о нем в своих интересах. Если для носителя религиозного мышления основным ориентиром является нахождение и приобщение к трансцендентному началу, то основная цель магического мышления заключается в практическом управлении действительностью (воздействие на реальность в целях получения желаемых следствий), оно не обязательно предполагает наличие фундаментальных представлений.

Практикоориентированность магического мышления выводит его в повседневность и делает доступным. Примером такой доступности является возникновение «рынков магических услуг» [6, с. 136], которое провоцирует конструирование в общественном сознании специфических форм восприятия внешней действительности. В этих формах религия, магия и мистика являются частью единого целого, выстроенного в одну сплошную линию. Такая эклектичность свойственна и белорусскому религиозному населению, что показали эмпирические данные. Обусловлено это в первую очередь спецификой оформления религиозной сферы, когда в связи с приобретением страной суверенитета происходят слом идеологических систем и резкий скачок количества приверженцев различных религиозных традиций и движений. Наблюдаемые трансформации религиозного поля позволяют говорить о том, что современный индивид, успешно социализированный и рационально мыслящий, не теряет потребности в магических представлениях.

Важной особенностью любой религии является ее отношение к магии и своим представителям, а также саморепрезентация как идеального типа. Различные религиозные комплексы допускают разную степень присутствия магических элементов и (или) рационализации. Это можно описать веберовским термином «расколдовывание мира» [7, с. 732–733], связанным с усилением религиозной рационализации, которую он расценивал как общую тенденцию религиозной эволюции, что стало одной из причин, повлекших за собой упадок традиционных религиозных институтов [7]. Рациональное видение окружающего мира конструируется в рамках категорий целей и средств, необходимых для его воплощения. Протестантская идея возможности выстраивания отношений между человеком и трансцендентным началом без посредников гласит, что для индивида, проживающего в современном обществе, членство в каком-либо институте или какой-либо общине не является столь значимым условием, как для человека традиционного. Такая вера позволяет действовать в обход текущих социальных институтов и выстраивать собственную концепцию мира, т. е. не подстраиваться, а подстраивать.

Еще одним средством «расколдовывания мира» [7, с. 732–733] служит система научного знания. Но даже вопреки неоспоримым достижениям науки в области познания мира современное общество не прекращает свое вхождение в виртуальную (магическую) реальность, отличную от рациональной. Причина, по которой мир расколдовывается, заключается в том, что вне зависимости от результатов продвижения научных знаний в общество, иррациональные убеждения продолжают свое существование, подвергаясь видоизменениям, исходя из потребностей их субъектов. Этим и обеспечивается жизнеспособность магического мышления.

Особой чертой современного общества является развитие технологий, которые меняют социальный ландшафт. В нем складываются и распадаются социальные сети, обеспечивающие организацию общественной жизни. Одна из главных особенностей социальных сетей заключается в их непространственном характере, т. е. они, не находясь в подчинении физического пространства, способны упорядочить социальное пространство. Это влияет и на религиозные представления, которые вынужденно адаптируются к новым условиям реальности.

Повседневная деятельность индивида все больше сводится к потреблению, которое до недавнего времени считалось преимущественно экономической категорией. Сейчас потребительство создает свое символическое пространство, эффективно влияющее не только на окружающую действительность, но и на значимые сферы жизнедеятельности общества: экономическую, социальную, психологическую и даже традиционно консервативную (религия) сферы. Примером могут служить распространяющиеся в последнее время онлайн-ресурсы, дающие возможность получать информацию религиозного содержания и совершать религиозные практики – поставить свечу или посетить виртуальный храм. Цифровизация и потребление легализуют коммерциализацию тех сфер, в которых раньше господствовала этика служения.

Заключение

Религия, мистика и магия представляют собой одновременно и стороны любого религиозного комплекса, и разнородные включения в определенную религиозную традицию (конфессию) инорелигиозных (ино- или внеконфессиональных) элементов. В современной ситуации это объясняется глобальной открытостью информационного и культурного пространства, необходимостью выбора для современного человека религиозной позиции из множества сосуществующих в едином смысловом поле культуры. Устойчивость религиозной традиции в связи с этим определяется ее способностью интегрировать и перерабатывать привносимые разными последователями на основе конфессионального канона смысловые элементы.

Библиографические ссылки

1. Шкурова ЕВ. Религия. В: Булынко ДМ, Ротман ДГ, редакторы. *Ценностный мир современного человека: проект «Исследование европейских ценностей», волна-2018*. Минск: БГУ; 2019. с. 114–143.

2. Карасева СГ, Шкурова ЕВ. Многомерный кросс-конфессиональный подход к исследованию религиозности в Беларуси: актуальность и концептуализация. *Социология*. 2012;3:123–133.

3. Шкурова ЕВ. *Трансформация религиозности в социокультурном пространстве постсоветского общества*. Минск: БГУ; 2019. 223 с.

4. Карасева СГ, Шкурова ЕВ, Шатравский СИ. Значимость религии в белорусском обществе: оценка верующих. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2018;2:49–70.

5. Лич ЭР. *Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов*. Кожановская ИЖ, переводчик. Москва: Восточная литература РАН; 2001. 142 с.

6. Свечников ВС. Религиозность и магические мистификации в массовом сознании. *Социологический журнал*. 2003;1:136–145.

7. Вебер М. *Избранные произведения*. Давыдов ЮН, переводчик. Москва: Прогресс; 1990. 808 с.

References

1. Shkurova AV. [Religion]. In: Bulynko DM, Rotman DG, editors. *Tsennostnyi mir sovremennogo cheloveka: proekt «Issledovanie evropeiskikh tsennostei», volna-2018* [The world of values of modern man: the project «Research of European values», wave-2018]. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 114–143. Russian.

2. Karaseva SG, Shkurova EV. Multi-dimensional cross-confessional approach to the study of religiosity in Belarus: actuality and conceptualization. *Sotsiologiya*. 2012;3:123–133. Russian.

3. Shkurova AV. *Transformatsiya religioznosti v sotsiokul'turnom prostranstve postsovetskogo obshchestva* [Transformation of religiosity in the sociocultural space of the post-Soviet society]. Minsk: Belarusian State University; 2019. 223 p. Russian.

4. Karaseva SG, Shkurova AV, Shatravsky SI. Importance of religion in the Belarusian society based on the believers' assessments. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal*. 2018;2:49–70. Russian.

5. Leach ER. Culture and communication: the logic by which symbols are connected. Cambridge: Cambridge University Press; 1976. 105 p.

Russian edition: Leach ER. *Kul'tura i kommunikatsiya. Logika vzaimosvyazi simvolov*. Kozhanovskaya IZh, translator. Moscow: Eastern Literature of the Russian Academy of Sciences; 2001. 142 p.

6. Svechnikov VS. [Religiosity and magical hoaxes in the mass consciousness]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 2003;1:136–145. Russian.

7. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Davydov YuN, translator. Moscow: Progress; 1990. 808 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 13.06.2022.
Received by editorial board 13.06.2022.

УДК 316.334.22+316.324

РИСКИ УСКОРЕННОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Е. В. ЛЕБЕДЕВА[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Проведен социологический анализ рисков ускоренной цифровизации общества в условиях пандемии COVID-19. Описана общая роль цифровых технологий в жизни современных горожан. Выделены сферы, наиболее чувствительные к влиянию ускоренной цифровизации (труд, образ жизни, межличностная коммуникация). На основе результатов эмпирического исследования обозначены возможные технические, организационные и эмоционально-психологические сложности, с которыми сталкиваются горожане в процессе использования цифровых технологий. Предложены обобщенные риски ускоренной цифровизации (переформатирование социальных связей, появление новых измерений социального неравенства, информационная перегрузка и зависимость от технологий).

Ключевые слова: цифровая трансформация; пандемия COVID-19; цифровое неравенство; факторы цифрового неравенства; техностресс.

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант № Г21АРМ-020 от 1 октября 2021 г. «Конкурентоспособность систем высшего образования Армении и Беларуси в контексте ускорения процессов цифровизации, связанных с пандемией COVID-19»).

RISKS OF ACCELERATED DIGITALISATION OF SOCIETY DURING THE COVID-19 PANDEMIC: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

E. V. LEBEDEVA[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article is devoted to a sociological analysis of the accelerated social digitalisation's risks in the context of the COVID-19 pandemic. The general role of digital technologies in the modern citizen's life is described, the most sensitive to the impact of accelerated digitalisation areas (labour, lifestyle, interpersonal communication) are highlighted. Based on the results of an empirical study, possible technical, organisational, emotional and psychological difficulties that citizens face in the process of using digital technologies are indicated. In conclusion, generalised risks of accelerated digitalisation are proposed (reformatting of social connections, the emergence of new social inequality dimensions, information overload and dependence on technology).

Keywords: digital transformation; pandemic COVID-19; digital divide; factors of the digital divide; technostress.

Acknowledgements. The research was carried out with the support of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (grant No. Г21АРМ-020 dated 2021 October 1 «Competitiveness of higher education systems in Armenia and Belarus in the context of accelerating digitalisation processes associated with the COVID-19 pandemic»).

Образец цитирования:
Лебедева ЕВ. Риски ускоренной цифровизации общества в условиях пандемии COVID-19: социологический анализ. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2022;3:49–59.

For citation:
Lebedeva EV. Risks of accelerated digitalisation of society during the COVID-19 pandemic: a sociological analysis. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;3:49–59. Russian.

Автор:
Елена Викторовна Лебедева – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры технологий коммуникации и связей с общественностью факультета журналистики.

Author:
Elena V. Lebedeva, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of communication and public relations, faculty of journalism.
elena_lebedeva_bsu@tut.by

CC BY NC

Введение

Пандемия COVID-19, которая охватила мир в 2020–2021 гг., затронула практически все сферы общественной жизни. Одним из способов сдерживания данной коронавирусной инфекции выступило физическое дистанцирование, потребовавшее частичного или полного перевода многих привычных практик на дистанционный режим работы. В таких условиях существенно возросла роль цифровых технологий как связующего звена между человеком и внешним миром. В академическом дискурсе последних лет вопросы, связанные с цифровой трансформацией общества как последовательной осознанной перестройкой привычных повседневных и профессиональных практик, получили активное обсуждение [1–3]. Однако для цифровой трансформации недостаточно только наличия умных технологий как таковых. Согласно отчету Центра цифрового бизнеса Массачусетского технологического института «цифровая зрелость» (*digital maturity*) может быть представлена в качестве сочетания двух взаимосвязанных параметров: наличия цифровой активности (частота и интенсивность использования в повседневных городских практиках цифровых технологий) и условий для стимулирования изменений (отношение индивидов к цифровым технологиям, осознанное стремление к замене аналоговых действий цифровыми) [4, с. 62]. В ситуации, когда усвоение цифровых технологий происходит в ускоренном стрессовом режиме без подкрепления соответствующей положительной мотивацией (индивид использует их нехотя, не имея выбора), цифровизация может сопровождаться технострессом: чувством тревоги, страхом упустить что-то важное, навязчивым желанием следить за технологическими новинками. Очевидно, наибольшие трудности заключаются не только в процессе технологической модернизации (и даже не в процессе обучения индивидов использованию новых технологий), но и в процессе принципиальной перестройки образа жизни и мышления, интериоризации новых технологий, т. е. в осознанном, добровольном, внутренне инициированном их использовании для решения каждодневных прикладных задач и в профессиональной деятельности, и в быту. Кроме того, цифровую трансформацию городской среды нельзя рассматривать как одномоментный переход от старого состояния к новому. Это, скорее, эволюционный процесс, в который различные индивиды вовлекаются с разной скоростью. В то же время эмпирическими индикаторами цифровой трансформации могут быть соотношение цифровых и традиционных способов решения прикладных задач, выход цифровых технологий за пределы их утилитарного использования, а также мотивация освоения новых технологий (чем чаще индивиды осваивают вновь появляющиеся цифровые решения, руководствуясь интересом и желанием разнообразить свою жизнь, а не давлением внешних обстоятельств, тем более обоснованно можно говорить о появлении цифрового общества). Несмотря на то что глубина воздействия пандемии (и связанной с ней ускоренной цифровизации) на общество пока еще изучается, к наиболее чувствительным сферам могут быть отнесены труд, досуг, свободное время, образ жизни и межличностная коммуникация. Таким образом, основной исследовательской задачей данной статьи является анализ скрытых рисков, сопровождающих ускоренную цифровизацию общества в условиях пандемии COVID-19 (в разрезе ключевых сфер жизнедеятельности человека).

Теоретической базой исследования цифровой трансформации общества стали концепции информационно-коммуникационного общества М. Кастельса [5], цифровой среды Н. Негропонте [6], Д. Тапскотта и Э. Д. Уильямса [7], С. Дж. Палмизано [8], согласно которым ключевые изменения в современном мире обусловлены переходом от аналоговой техники к цифровой, от полупроводников к микропроцессорам, от централизованных вычислений к архитектуре клиент – сервер, от раздельного существования данных, текста, изображения и звука к мультимедиа и от специализированных систем к открытым. Происходит зарождение особой культуры, связанной с использованием информационных технологий, которые постепенно начинают превращаться в среду обитания. Анализ становления новых устойчивых цифровых институтов и возникающей цифровой информационной сферы общественной жизни опирается на принципы неоинституционального подхода к развитию общества (Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вейнгаст [9]). Данный подход предполагает сопоставление относительно самостоятельных социальных институтов и человеческого фактора, а также исследование активного соучастия людей и социальных групп в их возникновении и изменении. Осмысление системного развития общества с позиции синергии офлайн- и онлайн-взаимодействий осуществляется с учетом теории Н. Лумана [10].

Эмпирическую основу настоящей работы составили результаты двух опросов, организованных в Минске в 2021 г. Первый опрос – это автоматизированное телефонное интервью, проведенное в феврале 2021 г. среди занятого населения (номера из списка мобильных телефонов выбирались по методу случайных чисел). Всего в нем приняли участие 415 работающих минчан (57,8 % мужчин и 42,2 % женщин). На основании размера генеральной совокупности расчетная величина ошибки выборки составляет 4,81 %. По возрасту респонденты распределились следующим образом: 23,2 % опрошенных в возрасте от 18 до 29 лет, 42,7 % минчан в возрасте от 30 до 39 лет, 18,8 % горожан в возрасте от 40 до 49 лет, 12,4 % участников опроса в возрасте от 50 до 59 лет и 2,9 % респондентов в возрасте старше 60 лет. На момент проведения исследования 73,4 % жителей

имели высшее образование, 20,7 % горожан – среднее профессиональное (техникум или колледж), 2,2 % респондентов – начальное профессиональное, 2,4 % опрошенных – полное среднее, 0,2 % минчан – неполное среднее образование и 1,1 % жителей выбрали вариант ответа «другое». По сферам деятельности выборка соответствовала генеральной совокупности. Второе исследование – это анкетный опрос, проведенный в декабре 2021 г. по квотно-пропорциональной выборке. Квоты определялись по полу, возрасту и уровню образования. Участие в исследовании приняли 400 человек (43,0 % мужчин и 57,0 % женщин). По возрасту респонденты распределились следующим образом: 13,8 % опрошенных в возрасте от 17 до 25 лет, 21,8 % участников исследования в возрасте от 26 до 35 лет, 20,0 % респондентов в возрасте от 36 до 45 лет, 21,5 % горожан в возрасте от 46 до 60 лет и 23,0 % жителей в возрасте 61 год и старше. На момент проведения исследования 39,8 % респондентов имели оконченное высшее образование. Кроме того, 63,5 % опрошенных были трудоустроены, 6,3 % респондентов находились в отпуске по уходу за ребенком, 18,8 % горожан не имели работы (или были пенсионерами), 3,8 % участников исследования временно не работали и 7,8 % респондентов получали образование.

Результаты и их обсуждение

Сегодня с уверенностью можно отметить, что цифровые технологии прочно вошли в жизнь современных горожан (и речь идет не только о традиционных социальных сетях). Результаты анкетного опроса, проведенного в декабре 2021 г., показали, что 86,8 % минчан возрастной группы от 17 лет и старше используют в повседневной жизни различные мессенджеры (*Viber*, *Telegram*, *Skype* и др.), 83,5 % респондентов регулярно совершают интернет-платежи, 72,8 % горожан используют *Google*- и *Яндекс*-карты; 70,8 % участниокв исследования обращаются к социальным сетям и 68,0 % жителей прибегают к услугам онлайн-записи к врачу и заказу талонов в поликлинику через сайт (рис. 1).

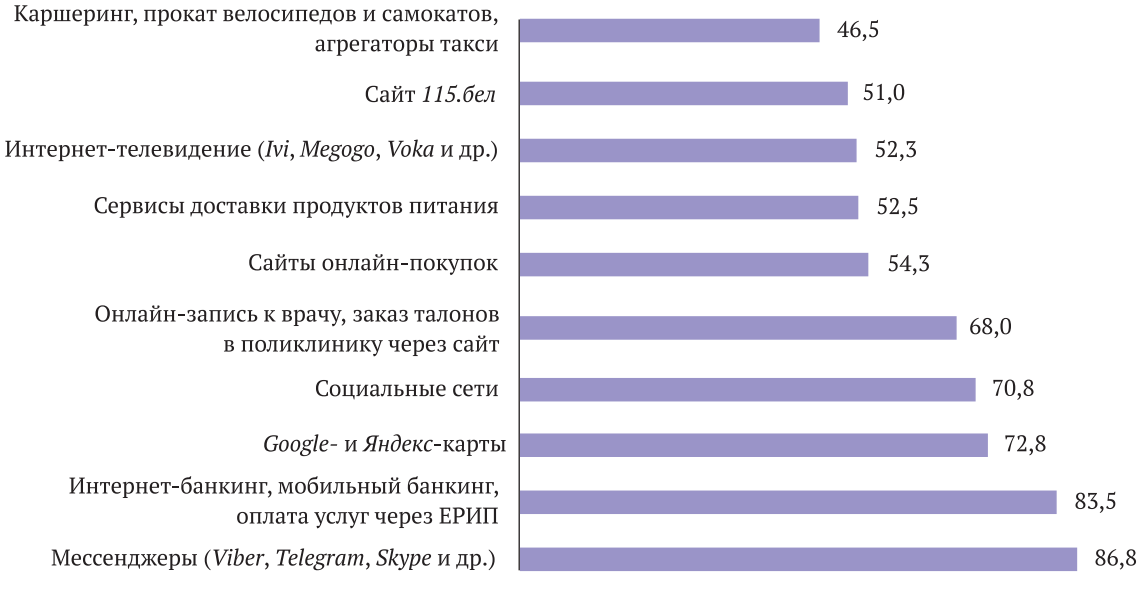


Рис 1. Доля ответов респондентов на вопрос: «Какие цифровые технологии Вы используете?», %
Fig. 1. Share of respondents' answers to the question: «What digital technologies do you use?», %

Мессенджерами, интернет-банкингом (мобильным банкингом, оплатой услуг через ЕРИП), единым интернет-порталом коммунальных услуг и онлайн-записью в поликлинику активно пользуются не только представители молодежи, как это принято понимать, но и люди среднего и старшего возрастов (табл. 1). Очевидно, одной из причин такого активного проникновения цифровых технологий в повседневную жизнь стала самоизоляция, в той или иной степени коснувшаяся жителей многих крупных городов, в том числе и минчан. Лишившись возможности совершать привычные действия традиционным способом, горожане были вынуждены в достаточно короткие сроки виртуализировать их. В этом смысле можно предположить, что такая цифровизация была не столько свободным выбором индивидов, сколько вынужденной мерой, попыткой защитить себя от опасного вируса.

Цифровизация привела к переформатированию многих устоявшихся моделей, практик и институтов (к моделированию постиндустриальной трансформации [11]). Фактически это означает столкновение традиционных иерархических структур, характерных для индустриального мира, самоорганизующихся субъектов, сообществ, горизонтальных и сетевых структур [12, с. 91]. Так, Н. Луман представлял социум как систему коммуникаций (виртуальных и реальных), когда окончание одной выступает условием

возникновения другой [10]. При этом по мере своего развития цифровая среда выходит за пределы повседневных коммуникаций (общение в социальных сетях и мессенджерах), но превращается в способ бытия индивида, позволяя ему решать задачи поиска многообразной информации, обучения, заработка, пользования услугами, совершения покупок, получения лечения и т. д. Исторически переход из одного состояния общества в другое – это всегда эволюционный процесс, занимающий не одно десятилетие. В ситуации пандемии COVID-19 принцип эволюционности не был соблюден. Следовательно, человечеству не хватило времени, чтобы адаптироваться к новым условиям, осознать и смягчить все риски (явные и латентные), связанные с происходящими кардинальными переменами. Опираясь на данные опросов, автор настоящей статьи предлагает рассмотреть возможные угрозы ускоренного внедрения цифровых технологий в таких сферах, как работа, коммуникация, образ жизни и досуг.

Таблица 1

Доля использующих цифровые технологии респондентов в зависимости от их возраста, %

Table 1

Share of respondents use of digital technologies by respondents depending on their age, %

Цифровые технологии	Возраст				
	17–25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46–60 лет	61 год и старше
Социальные сети	98,2	88,5	87,5	67,4	26,1
Мессенджеры (*Viber*, *Telegram*, *Skype* и др.)	94,6	90,8	91,3	94,2	67,4
Интернет-банкинг, мобильный банкинг, оплата услуг через ЕРИП	90,9	96,6	90,0	82,6	62,0
Онлайн-запись к врачу, заказ талонов в поликлинику через сайт	74,6	85,1	68,8	69,8	45,7
Google- и *Яндекс*-карты	89,1	85,1	91,3	75,6	32,6
Сервисы доставки продуктов питания	76,4	70,1	66,3	48,8	13,0
Сайты онлайн-покупок	74,6	71,3	70,0	50,0	16,3
Интернет-телевидение (*Ivi*, *Megogo*, *Voka* и др.)	63,6	66,7	58,8	52,3	26,1
Каршеринг, прокат велосипедов и самокатов, агрегаторы такси	58,2	65,5	63,8	43,0	9,8

Влияние цифровых технологий на сферу труда горожан. События последнего года, связанные со стремительным распространением вируса COVID-19, заставили многие компании и организации адаптировать внутренние процессы под условия новой реальности. Одним из наиболее популярных шагов стал частичный или полный перевод сотрудников в формат удаленной работы там, где это было технически возможно. Телефонное интервью, проведенное в феврале 2021 г., показало, что 47,1 % минчан на протяжении 2020 г. в той или иной мере меняли традиционный режим труда на дистанционный. В публичной риторике такой шаг был обозначен как «вынужденный социальный эксперимент»[1]. И если этот режим работы сокращает вредные выбросы, офисные расходы и способствует возможности совмещения рабочих и семейных обязанностей, то его обратной стороной является негативный эффект на продуктивность управления персоналом, профессиональный рост и социально-психологическое самочувствие работников. Исследования, проведенные в Минске на выборке работающих респондентов, также показали двойственность влияния цифровизации на сферу труда. Для общего развития цифровых компетенций это стало несомненным плюсом. Больше 50,0 % опрошенных за последний год стали значительно лучше владеть персональным компьютером, ноутбуком или смартфоном, 49,8 % горожан улучшили свои навыки поиска нужной информации в интернете, 43,0 % респондентов научились уверенно пользоваться пакетом *Microsoft Office* (*Word*, *Excel*, *Power Point*) (табл. 2). Хотя более 80 % минчан считают, что цифровые технологии делают жизнь более легкой, упрощают работу, позволяют экономить время, быстрый переход в удаленный формат вызвал серьезные проблемы. Так, 41,0 % опрошенных отметили, что из-за новых технологий им при-

[1]Цифровые технологии и кибербезопасность в контексте распространения COVID-19 // Счет. палата Рос. Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://ach.gov.ru/upload/pdf/Covid-19-digital.pdf (дата обращения: 24.02.2022).

ходится работать больше либо выполнять прежний объем работы за более короткий срок; 24,0 % участников исследования признались, что они постоянно отвлекаются на мессенджеры, почту, из-за чего выполнение необходимой работы отнимает больше времени. Около 18 % респондентов подчеркнули, что зачастую для выполнения поставленных задач им не хватает навыков работы с новым оборудованием или программным обеспечением (возможно, за пределами столицы этот показатель был бы еще выше).

Таблица 2

Доля ответов респондентов на вопрос: «Навыки использования каких информационных технологий Вы усовершенствовали за прошедший год?», %

Table 2

Share of respondents' answers to the question: «Which information technology skills have you improved over the last year», %

Цифровые технологии	Доля ответов респондентов
Персональный компьютер (ноутбук, смартфон)	57,1
Поисковые системы	49,8
Пакет *Microsoft Office* (*Word*, *Excel*, *Power Point*)	43,0
Профессиональные программы (*AutoCAD*, *Adobe Photoshop*) и информационно-аналитические системы (*1С: Бухгалтерия*, *Консультант Плюс*)	41,5
Приложения для видеоконференций (*Zoom*, *Webex*)	40,5
Электронная почта	39,9
Облачные хранилища	32,4

Кроме того, анкетный опрос горожан, проведенный в январе 2022 г. (т. е. спустя год после активных изменений, связанных с пандемией), показал достаточно сдержанное отношение пользователей к образовательным и творческим возможностям новых технологий (табл. 3). Иными словами, по мнению респондентов, цифровые технологии являются лишь инструментом, способом сделать определенную работу быстрее, с меньшими затратами, однако их роль в общем развитии личности неочевидна.

Таблица 3

Доля положительных ответов респондентов на вопросы-утверждения об образовательных и творческих возможностях новых технологий , %

Table 3

Share of positive responses of respondents to questions-statements about the educational and creative possibilities of new technologies, %

Вопрос-утверждение	Доля ответов респондентов
Цифровые технологии делают жизнь более легкой, упрощают работу, позволяют экономить время	82,3
Благодаря цифровым технологиям появилось больше возможностей для карьерного роста, образования и развития	58,0
Цифровые технологии дают свободу, обеспечивают возможность творчества, самореализации и самовыражения	49,3

Наибольшую сложность составляет не столько отсутствие инфраструктуры или неготовность работников к освоению тех или иных цифровых технологий, сколько то, что сложившаяся ситуация радикально меняет устоявшиеся модели социального взаимодействия. Цифровизация сферы труда привела к появлению таких негативных явлений, как техноэйджизм (недопонимание между сотрудниками разного возраста, предвзятое отношение к представителям старших возрастных групп), техническое неравенство (существенные различия в технических возможностях обустройства собственного домашнего офиса), ослабление или полная утрата корпоративной идентичности (формализированный характер общения (без эмоциональной составляющей) между руководителями и подчиненными, а также

между сотрудниками) и технострессе (эмоциональное выгорание, чувства тревоги и усталости). Более того, переход на удаленную работу оказал влияние и на внутрисемейные взаимоотношения, особенно в тех случаях, когда на домашний режим перешли несколько членов семьи.

Пандемия и связанная с ней ускоренная цифровизация привели к возникновению нового измерения социального расслоения. Заведующий научно-учебной лабораторией социальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» О. Н. Запорожец называла это появлением киберэлит и киберпролетариата[2]. Под киберэлитами понимаются люди, которые создают цифровую архитектуру либо владеют ей, могут распоряжаться персональными данными своих сотрудников в личных или корпоративных целях и задавать исходные условия взаимодействия всех со всеми, позволяющие существовать обществу. Киберпролетариат – все остальные работники, жизнь и благосостояние которых напрямую зависит от действий киберэлиты. Цифровой высший класс состоит из IT-специалистов, создающих системы слежения, хранения персональных и больших данных, систем искусственного интеллекта для управления массами людей, транспортом, государственными и медицинскими услугами, а также имеющих доступ к цифровым данным и системам чиновников и менеджеров крупных частных IT-корпораций (цифровые интернет-платформы производителей смартфонов, интернет-провайдеров, мобильных операторов). Само по себе неравенство и социальное расслоение – проблемы далеко не новые, однако цифровое неравенство несет в себе множество незнакомых рисков, которые предстоит изучить. В данном случае уместно вспомнить тезис американского экономиста Б. Милановича о неравенстве как социальном холестерине, хорошая форма которого стимулирует инвестиции в человеческий капитал, развитие общества и экономики, а плохая форма закупоривает социальные лифты и препятствует преодолению бедности [13]. Возможно, что обострившееся после пандемии цифровое неравенство как раз и представляет собой плохую форму, которая не стимулирует конкуренцию и развитие, а частично либо полностью ограничивает для части населения возможность совершенствоваться.

Влияние цифровых технологий на образ жизни горожан. Активное внедрение цифровых технологий привело к диверсификации пространств труда, отдыха, социальной жизни, досуга. Современный человек может с помощью соответствующих приложений и сайтов взаимодействовать с государственными структурами и получать их услуги, учиться, любоваться достопримечательностями, путешествовать по городу, выстраивая оптимальные маршруты своего движения, виртуально посещать экскурсии, тренинги, мастер-классы, а также магазины и рестораны, заказывая еду и покупки на дом [14]. Мегаполис (вслед за корпорациями) постепенно превращается в онлайн-пространство, а некоторые его жители частично или полностью переселяются за город. Складывается достаточно парадоксальная ситуация, когда индивид может работать, не выходя из дома, и жить в городе, территориально находясь за его пределами. Городская инфраструктура (особенно в крупных городах) в целом оказалась достаточно развитой, чтобы справиться с подобными вызовами. Об этом свидетельствует активное использование минчанами цифровых технологий. То, насколько за это время изменился образ жизнь горожан, еще предстоит изучить.

В доковидных условиях конфигурацию городского образа жизни определяли рекреативные и социально-культурные функции городской среды. Сегодня же исследователи говорят о необходимости пересмотра самого понятия «города́» [15]. Поскольку городские территории долгое время были закрыты, горожане научились обходиться без них, перемещая свои повседневные практики в виртуальный мир. Однако, как отмечал канадский урбанист Ч. Монтгомери, «город – это образ жизни» [16, с. 13], именно он определяет то, как часто горожане занимаются спортом, ходят пешком, бывают на природе и где предпочитают проводить выходные. Очевидно, что вводимые в период пандемии ограничения значительно снизили досуговый потенциал городской среды. Последствиями этого стали проблемы со здоровьем, вызванные снижением двигательной активности, нарушением привычного распорядка дня и высоким уровнем психологического напряжения. Частично цифровые технологии позволили смягчить введенные ограничения. Появились компьютерные программы и мобильные приложения, позволяющие компенсировать снижение подвижности, сокращение контактов с другими людьми, преодолеть тревожные состояния, а также заниматься самообразованием и культурным развитием [17]. Отчасти горожане обратили вынимание на эти возможности: 49,0 % минчан согласились с утверждением о том, что цифровые технологии делают жизнь более яркой и насыщенной и позволяют интересно проводить время. Однако этот показатель очень сильно зависит от возраста респондента. Как показал анкетный опрос, проведенный в январе 2022 г., среди минчан младше 25 лет с этим согласились 80,0 % респондентов, а среди тех, кому за 60, – только 21,7 % (табл. 4).

[2]Сетевой город на фоне пандемии. Как технологии и коронавирус изменили жизнь горожан // Науч.-образоват. портал IQ [Электронный ресурс]. URL: https://iq.hse.ru/news/559559252.html (дата обращения: 25.02.2022).

Таблица 4

Доля положительных ответов респондентов на вопросы-утверждения о влиянии цифровых технологий на их образ жизни в зависимости от возраста, %

Table 4

Share of positive answers of respondents to the questions-statements about the impact of digital technologies on their lifestyle depending on age, %

Вопрос-утверждение	Возраст					Доля от общего числа респондентов
	17–25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46–60 лет	61 год и старше	
Цифровые технологии делают жизнь более яркой и насыщенной, позволяют интересно проводить время	80,0	59,8	57,5	39,5	21,7	49,3
Цифровые технологии делают человека зависимым и управляемым	14,5	29,9	31,3	29,1	54,3	33,5
Цифровые технологии могут быть опасны для здоровья человека и окружающей среды	18,2	27,6	35,0	29,1	43,5	31,8
Цифровые технологии отнимают много сил и времени, делают жизнь беспокойной	18,2	25,3	31,3	30,2	45,7	31,3

Примечание. Вопросы-утверждения предполагали возможность выбора нескольких вариантов ответа.

Иными словами, на фоне пандемии ускорилось развитие технологий и расширился диапазон их применения во всех сферах жизни. «Стремительный цифровой прогресс помог спасти экономику и социальную жизнь в период локдаунов, но одновременно стал и вызовом правам, свободам и безопасности горожан»[3].

Вопросы улучшения качества жизни горожан ушли на второй план, тогда как на первом месте остался технологический детерминизм. К негативным последствиям этих перемен следует отнести в первую очередь появление нового вида неравенства, а именно цифрового неравенства, особенно в разрезе различных возрастных групп. Некоторые минчане старше 60 лет (43,5 %) согласились с тем, что цифровые технологии могут быть опасны для здоровья человека и окружающей среды, примерно такое же количество респондентов данной возрастной группы полагали, что цифровые технологии отнимают много сил и времени и делают их жизнь беспокойной. Кроме того, обратной стороной цифровых технологий может стать их навязанность, когда использование цифрового перестает быть личным выбором человека, а становится вынужденной мерой. Около трети минчан (33,5 %) полагали, что цифровые технологии делают человека зависимым и управляемым, и по мере увеличения возраста эта цифра растет (в возрастной группе старше 60 лет с этим утверждением согласны уже 54,3 % респондентов).

Влияние цифровых технологий на межличностную коммуникацию горожан. Как и в предыдущих вопросах, роль ускоренной цифровизации в изменении характера межличностной коммуникации горожан можно охарактеризовать двояко. Произошло уплотнение коммуникационных потоков, переход их в сетевой формат. По мере того как менялась городская социальность, неподвижные горожане перенаправили свое внимание на социальные сети и локальные чаты. Проводимые исследования показали, что режим самоизоляции поспособствовал значительному росту объемов потребления цифрового контента (к примеру, в апреле 2020 г. 71,0 % россиян ежедневно использовали интернет для общения с друзьями и родственниками[4]). Спустя несколько лет высокий уровень вовлечения горожан в цифровую коммуникацию сохраняется – социальные сети и мессенджеры остаются привычным инструментом общения для 70,8 % и 86,8 % респондентов соответственно. Высокая доля использования мессенджеров отмечается во всех возрастных группах – от 67,4 % среди респондентов 61 года и старше до 94,6 % среди горожан 17–25 лет.

К положительным эффектам этого случая можно отнести укрепление локальных соседских сообществ и общий рост солидарности горожан. По данным исследования, проведенного в январе 2022 г., 64,3 % опрошенных полагали, что в случае необходимости они смогут найти единомышленников в Минске; примерно такое же количество респондентов были уверены, что минчане могут объединяться для решения какой-либо общей проблемы; 58,3 % жителей были готовы прийти на помощь своим соседям, когда те окажутся в трудных жизненных ситуациях; чуть более 47,0 % горожан доверяли своим соседям и ощущали поддержку с их стороны (табл. 5).

[3]Сеть как спасение // ВЦИОМ новости [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10221 (дата обращения: 20.01.2021).
[4]Там же.

Таблица 5

Доля ответов респондентов на вопросы-утверждения о влиянии цифровых технологий на их межличностную коммуникацию, %

Table 5

Share of respondents' answers to the questions-statements about the impact of digital technologies on their interpersonal communication, %

Вопрос-утверждение	Ответ		
	Да	Нет	Трудно сказать
Я могу найти единомышленников в Минске	64,3	25,5	10,3
Минчане могут объединяться для решения какой-либо общей проблемы	63,3	17,8	19,0
Я готов прийти на помощь своим соседям в трудных жизненных ситуациях	58,3	14,3	27,5
Я ощущаю поддержку со стороны своих соседей в трудных жизненных ситуациях	47,5	30,5	22,0
Я доверяю людям, с которыми живу по соседству	47,3	29,8	23,0

Однако можно отметить и негативный эффект активизации цифровых инструментов коммуникации горожан. Медийное воздействие на потребителей часто осуществлялось в режиме перенасыщения противоречивой и непроверенной информацией. На фоне напряженной эпидемиологической ситуации это привело к появлению феномена инфодемии – активному распространению через социальные сети и мессенджеры недостоверной, ложной информации (фейков), слухов, страхов, панических настроений, некомпетентных советов и др. Инфодемия значительно усилила негативные последствия пандемии, в том числе путем стигматизации и дискриминации горожанами друг друга. Рассматривая каждого находящегося рядом человека как потенциального переносчика вируса и возможную угрозу, индивид перемещал его из позитивно окрашенной категории (сограждане, соседи, друзья) в негативную (источник эпидемиологической угрозы). В результате к уже существующим в больших городах инструментам стигматизации добавились новые (ковид-диссидент, ковид-террорист, ковидиот и др.).

В итоге складывается достаточно противоречивая ситуация, когда при увеличении интенсивности коммуникационных потоков их сила, наоборот, снижается («быть на связи, но быть в одиночестве»[5] [18, p. 13]). Американский социолог Ш. Теркл полагала, что за последние несколько лет общество стало разобщеннее, а каждый человек оказался чуть более одинок [18]. Об этом говорят и результаты опроса. Всего 38,3 % минчан согласились с тем, что цифровые технологии позволяют людям быть ближе друг к другу, повышают уровень сплоченности и доверия; 31,8 % горожан отвергли эту мысль; 30,3 % участников исследования и вовсе затруднились ответить на данный вопрос. С возрастом уверенность в связующей способности цифровых технологий и их положительном влиянии на межличностное взаимодействие только снижается (рис. 2).

Рис. 2. Доля положительных ответов респондентов на вопрос: «Позволяют ли цифровые технологии людям быть ближе друг к другу, повышают ли уровень сплоченности и доверия?» – в зависимости от их возраста

Fig. 2. Shares of positive answers of respondents to the question: «Do digital technologies allow people to be closer to each other, do they increase the level of cohesion and trust?», depending on their age

[5]Здесь и далее перевод наш. – *Е. Л.*

При обобщении рисков ускоренной цифровизации общества можно сделать вывод о том, что основой в этом отношении является уровень развития цифровой культуры индивидов – «понимание современных информационных и цифровых технологий, их функциональных возможностей, а также возможность их грамотного использования в работе и в быту» [19, с. 31]. Освоение цифровой культуры (как и любой другой) – длительный процесс, предполагающий регулярное, осознанное и систематическое взаимодействие с миром цифровых технологий. Если же погружение в новую культурную среду происходит слишком быстро, без соответствующей подготовки, то индивиды могут испытывать культурный шок – «следствие тревоги, которая появляется в результате потери всех привычных знаков и символов социального взаимодействия» [20, p.180].

Заключение

Цифровизация общества может быть представлена в следующих ракурсах: как формирование новой социальной среды путем развития современных способов коммуникации и взаимодействия; как появление новых видов деятельности, продуктов и услуг, а также модернизации традиционных социальных практик на основе использования цифровых технологий; как развитие цифровой культуры в ходе адаптации индивидов и социальных групп к новым технологиям. Наибольшую сложность часто составляет не столько отсутствие необходимой цифровой инфраструктуры, сколько то, что сложившаяся ситуация радикально меняет устоявшиеся модели социального взаимодействия. В этой связи, помимо технических и организационных сложностей процесса ускоренной цифровизации общества (отсутствие необходимого технического оснащения, скоростного интернета, подходящего физического пространства, недостаточные развитие цифровых компетенций и координация различных направлений и технологических решений), можно также выделить и негативные эмоционально-психологические аспекты. К ним относятся проявления техностресса (страх, беспомощность, неуверенность в себе), эмоциональное выгорание, усталость, сложности самоконтроля, самоорганизации и управления собственным временем и трудности, связанные с коммуникацией и взаимодействием индивидов как в вертикальной, так и в горизонтальной плоскости. Таким образом, к основным рискам ускоренной цифровизации общества в условиях пандемии COVID-19 можно отнести следующие:

• глубокое переформатирование существующих социальных связей, за которым может следовать рост солидарности и сплоченности, усиление изоляции и одиночества, а также отсутствие устойчивых социальных связей, обеспечивающих социальную интеграцию и нравственное регулирование;

• появление новых измерений социального неравенства (цифровое неравенство, техноэйджизм) и углубление существующих разрывов (между центром и периферией, между поколениями, между социально-профессиональными группами и др.);

• риски информационной перегрузки и зависимости от технологий: высокая подверженность манипуляциям в социальных сетях, а также феномен культуры отмены (*cancel culture* [21]), когда отдельный индивид или социальная группа лишаются поддержки (или даже подвергаются осуждению) сначала в онлайн-среде (в социальных медиа), а после в реальном мире.

Безусловно, современное общество существует и развивается в том числе благодаря цифровым технологиям. Однако до сих пор нет единого мнения относительно роли человека в интенсивно цифровизирующейся среде. С одной стороны, он является пассивным генератором данных, послушным пользователем, объектом информационного воздействия и источником сверхприбыли для цифровой элиты. Но, с другой стороны, индивиды сегодня активно включаются в переопределение цифровых инструментов, они не только осваивают преимущества социальных сетей, но и обнаруживают их уязвимости, начинают все более сложным и непредсказуемым образом влиять на протекающие социальные процессы. Отчасти эти мысли уже отражаются в исследовательском интересе. Можно отметить постепенный переход от темы умных городов к умным горожанам, от цифрового оптимизма к цифровому реализму, от техноцентризма к цифровой антропологии. Однако ряд вопросов все еще нуждаются в детальной проработке. Среди них анализы возможностей и рисков цифрового города, участия горожан в управлении его ресурсами и экологией, а также особенностей формирования и функционирования цифрового города (сетевых, соседских, социально-профессиональных), иными словами, роль человеческого фактора в цифровой трансформации, проблема человека не как объекта, а как субъекта социальных действий и преобразований цифрового общества.

Библиографические ссылки

1. Марков АН, Мигалевич СА. Готовность учреждений высшего образования к цифровой трансформации процессов. *Цифровая трансформация*. 2021;2:64–68.

2. Титаренко ЛГ, Карапетян РВ. Цифровая трансформация трудовой сферы: сравнительный анализ показателей России и Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2021;1:52–69.

3. Томашевский КЛ. Цифровизация и ее влияние на рынок труда и трудовые отношения (теоретический и сравнительно-правовой аспекты). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право.* 2020;11(2):398–413. DOI: 10.21638/spbu14.2020.210.

4. Ильина ЕМ, Ильин МВ. Политико-управленческие аспекты процесса цифровой трансформации в Республике Беларусь. В: Гайсёнок ВА, редактор. *Философско-гуманитарные науки.* Минск: РИВШ; 2017. с. 61–70.

5. Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. Шкаратан ОИ, переводчик. Москва: ВШЭ; 2000. 608 с.

6. Negroponte N. *Being digital*. New York: Vintage; 1996. 272 p.

7. Тапскотт Д, Уильямс ЭД. *Викиномика. Как массовое сотрудничество изменяет все*. Василенко Г, Миронов ПВ, переводчики. Москва: Альпина Паблишер; 2020. 456 с.

8. Palmisano SJ. A smarter planet: the next leadership agenda [Internet; cited 2018 April 8]. Available from: www.ibm.com/ibm/cioleadershipexchange/us/en/pdfs/SJP_Smarter_Planet.pdf.

9. Норт Д, Уоллис Дж, Вейнгаст Б. Концептуальный подход к объяснению истории человечества. Курманова Л, Васильева Е, переводчики. *Эковест*. 2007;6(1):4–11.

10. Луман Н. *Общество как социальная система*. Антоновский А, переводчик. Москва: Логос; 2004. 232 с.

11. Любецкий М. *Моделирование постиндустриальной трансформации экономических систем*. Кишинёв: Lambert Academic Publishing; 2012. 164 с.

12. Коршунов ГП. Пандемия и цифровизация: опыт социологического анамнеза. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2020;2:88–91.

13. Миланович Б. *Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации*. Шестаков Д, переводчик. Москва: Издательство Института Гайдара; 2017. 336 с.

14. Гефнер ОВ. Цифровизация и социокультурная среда современного города (на материалах городов Западной Сибири). *Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ* [Интернет]. 2021 [процитировано 24 февраля 2022 г.];1. Доступно по: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-i-sotsiokulturnaya-sreda-sovremennogo-goroda-na-materialah-gorodov-zapadnoy-sibiri.

15. Лапина-Кратасюк Е, Запорожец О, Возьянов А, редакторы. *Сети города. Люди. Технологии. Власти*. Москва: Новое литературное обозрение; 2021. 576 с.

16. Монтгомери Ч. *Счастливый город. Как городское планирование меняет нашу жизнь*. Константинова Ю, переводчик. Москва: Манн, Иванов и Фербер; 2019. 368 с.

17. Лебедева ЕВ, Шушунова ТН. Цифровой город в эпоху пандемии: «старые» социальные практики в разрезе новых информационных технологий. В: Данилов АН, Мамедов АК, редакторы. *Цифровой город: новый социальный транзит*. Минск: РИВШ; 2021. с. 108–132.

18. Turkle Sh. *Alone together: Why we expect more from technology and less from each other.* New York: Basic Books; 2011. 360 p.

19. Паньшин БН. Цифровая культура как фактор эффективности и снижения рисков цифровой трансформации экономики и общества. *Цифровая трансформация*. 2021;3:26–33.

20. Oberg K. Cultural shock: adjustment to new cultural environments. *Practical Anthropology*. 1960;7:177–182.

21. Филиппович ЮС, Стрекалов ГС. О некоторых особенностях феномена «культура отмены». *Коллекция гуманитарных исследований.* 2021;1:36–41.

References

1. Markov AN, Migalevich SA. Readiness of higher education institutions for digital transformation of processes. *Digital Transformation*. 2021;2:64–68. Russian.

2. Titarenko LG, Karapetyan RV. Digital transformation of the labour sphere: a comparative analysis of indicators in Russia and Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2021;1:52–69. Russian.

3. Tomashevski KL. Digitalisation and its impact on the labour market and labour relations (theoretical and comparative legal aspects. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2020;11(2):398–413. Russian. DOI: 10.21638/spbu14.2020.210.

4. Ilyina EM, Ilyin MV. [Political and managerial aspects of the digital transformation process in the Republic of Belarus]. In: Gaisenok VA, editor. *Filosofsko-gumanitarnye nauki* [Philosophical and humanitarian sciences]. Minsk: Republican Institute of Higher Education; 2017. p. 61–70. Russian.

5. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Information age: economy, society and culture]. Shkaratan OI, translator. Moscow: Higher School of Economics; 2000. 608 p. Russian.

6. Negroponte N. *Being digital*. New York: Vintage; 1996. 272 p.

7. Tapscott D, Williams AD. *Vikinomika. Kak massovoe sotrudnichestvo izmenyaet vse* [Wicinomics. How mass collaboration changes everything]. Moscow: Alpina Publisher; 2020. 456 p. Russian.

8. Palmisano SJ. A smarter planet: the next leadership agenda [Internet; cited 2018 April 8]. Available from: www.ibm.com/ibm/cioleadershipexchange/us/en/pdfs/SJP_Smarter_Planet.pdf.

9. Nort D, Wallis J, Weingast B. [A conceptual approach to explaining the history of mankind]. Kurmanova L, Vasil'eva E, translators. *Ecowest.* 2007;6(1):4–11. Russian.

10. Luman N. *Obshchestvo kak sotsial'naya sistema* [Society as a social system]. Antonovskii A, translator. Moscow: Logos; 2004. 232 p. Russian.

11. Lyubetsky M. *Modelirovanie postindustrial'noi transformatsii ekonomicheskikh sistem* [Modelling of post-industrial transformation of economic systems]. Kishinev: Lambert Academic Publishing; 2012. 164 p. Russian.

12. Korshunov GP. Pandemic and digitalisation: the experience of sociological anamnesis. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2020;2:88–91. Russian.

13. Milanovich B. *Global'noe neravenstvo. Novyi podkhod dlya epokhi globalizatsii* [Global inequality. A new approach for the era of globalisation]. Shestakov D, translator. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute; 2017. 336 p. Russian.

14. Gefner OV. Digitalisation and sociocultural environment of a modern city (on the materials of the cities of Western Siberia). *Electronic scientific and methodical journal of the Omsk State Agrarian University* [Internet]. 2021 [cited 2022 February 24];1. Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-i-sotsiokulturnaya-sreda-sovremennogo-goroda-na-materialah-gorodov-zapadnoy-sibiri. Russian.

15. Lapina-Kratasyuk E, Zaporozhets O, Voz'yanov A, editors. *Seti goroda. Lyudi. Tekhnologii. Vlasti* [Networks of the city. People. Technology. Authorities]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2021. 576 p. Russian.

16. Montgomery C. *Schastlivyi gorod. Kak gorodskoe planirovanie menyaet nashu zhizn'* [Happy city. How urban planning is changing our lives]. Konstantinova Yu, translator. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2019. 368 p. Russian.

17. Lebedeva EV, Shushunova TN. [Digital city in the era of a pandemic: «old» social practices in the context of new information technologies]. In: Danilov AN, Mamedov AK, editors. *Tsifrovoi gorod: novyi sotsial'nyi tranzit* [Digital city: new social transit]. Minsk: Republican Institute of Higher Education; 2021. p. 108–132. Russian.

18. Turkle Sh. *Alone together: why we expect more from technology and less from each other.* New York: Basic Books; 2011. 360 p.

19. Panshin BN. Digital culture as a factor in the effectiveness and risk reduction of digital transformation of the economy and society. *Digital Transformation*. 2021;3:26–33. Russian.

20. Oberg K. Cultural shock: adjustment to new cultural environments. *Practical Anthropology*. 1960;7:177–182.

21. Filippovich YuS, Strekalov GS. Some features of cancel culture. *The Collection of Humanitarian Researches*. 2021; 1:36–41. Russian.

Статья поступила в редколлегию 17.03.2022.
Received by editorial board 17.03.2022.

Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2022;3:60–66
Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2022;3:60–66

УДК 101:1+009+304

ФЕНОМЕН РАСИЗМА И КОНЦЕПТ РАСЫ: ОПЫТ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ[1]

О. В. НОВИКОВА[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

В последние десятилетия в развитии научного и философского знания актуальным становится трансдисциплинарный подход, связанный с комплексным исследованием сложных природных или социальных явлений. Примером такого явления служит расизм, изучаемый, как правило, социологией и исторической наукой. В статье предлагается осуществить трансдисциплинарное исследование расизма, предусматривающее комплексное обращение к философии, истории, социологии и другим дисциплинам. Особое внимание уделяется философской концептуализации расизма и связи расизма с категорией расы. Исследуется эволюция концепта расы в философии, науке и социально-политических практиках от истоков до XX–XXI вв., когда понятие расы объявлялось искусственно сконструированным и начинало вытесняться из философского и научного дискурса. Биоантропологи критикуют концепт расы за неточность, интеллектуалы видят в оперировании расовыми классификациями признак расизма. Проблематичность концептуализации расизма связана не только с вариабельностью концепта расы, но и со сменой его исторических типов – от традиционного к современному. Традиционный (классический, биологический) расизм основан на использовании категории расы и идеи непреодолимости биологических различий между представителями различных рас. Современный расизм включает в себя классовый (институциональный) и культурный (дифференциальный или «тонкий») расизм. Классовый расизм связан с социально-политическими практиками неявной сегрегации в сфере занятости населения и, соответственно, с неравным распределением доходов. Культурный расизм смещает фокус внимания с биологического на культурное, акцентирует непреодолимость культурных различий.

Ключевые слова: социальная философия; философская антропология; расовая таксономия; биологический расизм; классовый расизм; культурный расизм.

THE PHENOMENON OF RACISM AND THE CONCEPT OF RACE: A TRANSDISCIPLINARY RESEARCH

O. V. NOVIKOVA[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

In recent decades, with development of scientific and philosophical knowledge, the transdisciplinary approach has become relevant, as it aims at comprehensive study of complex natural and social phenomena. Racism belongs among such phenomena, and it it is usually studied in sociology and historical science. The article presents a transdisciplinary study of racism, involving a complex appeal to philosophy, history, sociology, and other disciplines. Special attention is paid to the philosophical conceptualisation of racism and the relationship of racism with the category of race. The article follows

[1]Перевод статьи: *Novikova O. V.* The phenomenon of racism and the concept of race: a transdisciplinary research // Филос. науки. 2021. Т. 64, № 5. С. 140–150 (на англ.). DOI: 10.30727/0235-1188-2021-64-5-140-150. Публикуется с разрешения редакции журнала «Философские науки».

Образец цитирования:
Новикова ОВ. Феномен расизма и концепт расы: опыт трансдисциплинарного исследования. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2022;3:60–66.

For citation:
Novikova OV. The phenomenon of racism and the concept of race: a transdisciplinary research. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;3:60–66. Russian.

Автор:
Ольга Владимировна Новикова – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:
Olga V. Novikova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
novikovaov@bsu.by

the evolution of the concept of race in philosophy, science and social and political practices from its origins to the 20th and 21st centuries, when this concept is declared to be artificially constructed and is gradually ousted from philosophical and scientific discourse. Bioanthropologists criticise the concept of race as inaccurate, while intellectuals see racial classifications as a sign of racism. The difficulty of the conceptualisation is associated not only with the variability of the concept of race but also with the change in its historical types, from traditional to contemporary ones. Traditional (classical, biological) racism is based on the use of the category of race and the idea of insurmountable biological differences between representatives of different races. The article concludes that present-day racism exists in two forms: class (institutional) racism and cultural (differential or «subtle») racism. Class racism is associated with social and political practices of implicit segregation in employment and, accordingly, with unequal distribution of income. Cultural racism shifts the focus from biology to culture and emphasises the insurmountability of cultural differences.

Keywords: social philosophy; philosophical anthropology; racial taxonomy; biological racism; class racism; cultural racism.

Один из ключевых трендов в развитии современного социально-гуманитарного знания связан со становлением трансдисциплинарности – феномена, который в самом широком понимании можно обозначить как тенденцию к созданию универсальной методологии познания, способной исследовать сложные многообразные природные и социальные явления. Востребованность трансдисциплинарного подхода в социально-гуманитарных науках во многом связана со спецификой объектов исследования, представляющих собой комплексные феномены, полное раскрытие сущности которых невозможно в рамках одной или нескольких дисциплин и требует синтеза методологических стратегий из различных сфер научного знания.

В данной статье рассматривается феномен расизма, который в последнее столетие выступал предметом исследования в исторических, социологических, политических науках и философии. Расизм интересен тем, что он является примером так называемого трансдисциплинарного объекта, полная экспликация сущности которого невозможна в отдельных дисциплинах. Расизм определяется как холистическое понятие, и его суть сводится к аристотелевскому парафразу о том, что целое больше суммы своих частей.

Эскалация межкультурных конфликтов и сопутствующая ей проблема расово-этнической дискриминации в последние годы проявляет себя с новой остротой не только в политике, но и в академических кругах, особенно в связи с утверждением в современном социогуманитарном дискурсе существования нового типа расизма, который обычно квалифицируется как безрасовый, или культурный, расизм. В этом контексте интересна связь феномена расизма и концепта расы. Возникают вопросы: «В какой степени расовые таксономии формируют расистский дискурс? Или, напротив, идея расы является продуктом расистского мировоззрения?»; «Определяется ли раса спектром биологических параметров или она выступает как референт идентичности человека?»; «Как связаны проблема концептуализации расизма и его исторические типы?» В поисках ответа на них необходимо обратиться к истории вопроса и проследить, как эволюционировали трактовки концепта расы в философии и науке.

Слово «раса» встречается в европейских языках (начиная с эпохи Возрождения) и восходит к итальянским лексемам «род», «порода» (*razza*), которые, в свою очередь, связаны с латинским словом «поколение» (*generatio*), древнегреческим словом «корень» (ῥίζα) и т. д. В российском философском энциклопедическом словаре 2010 г. раса определяется как группа людей, «…в которой характерный внешний облик обусловлен общими наследственными конституционными признаками (цветом кожи, формой головы, лица и носа, формой и цветом волос, размерами тела и т. д.). В широком смысле слова раса представляет собой форму, в которой характер человека находит выражение в его внешних признаках, в частности в форме головы и лица»[2]. Однако такая классическая дефиниция для современного социально-гуманитарного знания выглядит анахроничной. В энциклопедии «Britannica», в которой раса трактуется в качестве идеи о разделении человеческого вида на отдельные группы на основе унаследованных физических и поведенческих различий, уточняется, что в современном мире расы рассматриваются как «культурные интервенции, отражающие особые взгляды и убеждения, которые были навязаны разным группам населения после западноевропейских завоеваний, начиная с XV века»[3]. Следует уточнить, каким образом происходит трансфер понимания расы от материального феномена к идее.

Несмотря на то что дифференциация людей по цвету кожи возникала еще в древности (к примеру, потомки Сима, Хама и Иафета), первые расовые классификации разрабатывались только в Новое время в работах К. Линнея, Ж.-Л. Бюффона, И. Ф. Блуменбаха и др. Термин «расы» в язык науки ввел Ж.-Л. Бюффон, который использовал это

[2]Раса // Филос. энцикл. словарь [Электронный ресурс]. URL: http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/philosophy/fc/slovar-208-1.htm#zag-2294 (дата обращения: 19.09.2021).

[3]Race (human) // Encycl. Britannica [Electronic resource]. URL: https://www.britannica.com/topic/race-human (date of access: 31.08.2021). (Здесь и далее перевод наш. – *О. Н.*)

слово в значении линнеевских *varieties* – «разновидностей» человеческого вида [1].

Философское осмысление проблемы расы продемонстрировали И. Кант и Г. В. Ф. Гегель, причем последний рассматривал расовые различия как «самим понятием определенные различия всеобщего природного духа», которые в дальнейшем «распадаются на многообразие местных, или национальных, духов», поэтому «национальное различие столь же прочно, как и расовое различие людей» [2, с. 66]. Исследованием специфики этих различий, с точки зрения Г. В. Ф. Гегеля, должны заниматься естественная история, описывающая «обусловленное самой природой предрасположение национального характера» [2, с. 66], и философия истории, рассматривающая всемирно-историческое значение народов, в то время как исследование рас – это удел физиологии. Рассуждения о специфике рас и наций Г. В. Ф. Гегель предварил пояснением о том, что «из факта происхождения нельзя извлечь никакого основания для признания или непризнания за людьми права на свободу или господство» [2, с. 59]. Это важный момент, снимающий с немецкого философа подозрения в склонности к расизму, которые могли бы возникнуть при беглом изучении некоторых его радикальных цитат.

Во второй половине XIX – начале XX в. стала популярной расовая теория, а также начала формироваться так называемая расово-антропологическая школа (Ж.-А. де Гобино, Ж. В. Лапуж, Л. Вольтман и др.). Представители этой школы использовали расу как фундаментальную категорию для построения социологических концепций, объясняющих неравенство людей природными особенностями, и нередко тяготели к полигенизму, в котором отрицалась общность происхождения человечества, а расы рассматривались как отдельные виды. Эта школа была подвергнута резкой критике, быстро приобрела статус псевдонаучной и стала примером того, как расизм использует категорию расы в качестве естественно-природного фундамента для декларации социального неравенства и выстраивает расовую иерархию, которая необходима ему для самообоснования.

К рубежу XX–XXI вв. понятие «раса» стало использоваться осторожно. Как писал Э. Балибар, «вовсе не "раса" является биологической или психологической "памятью" людей, но именно расизм представляет собой одну из наиболее устойчивых форм исторической памяти современных обществ» [3, с. 56]. Подобную мысль высказывал Ж. Деррида, утверждавший, что расизм конструирует концепт расы: «Обычно мы думаем, что расизм – это понятие, созданное и оформившееся на основе понятия расы. Вначале вы узнаете, что такое "раса", ну а расизм – это способ иметь дело с расой, то есть изобретать или поддерживать иерархию… Но на самом деле все наоборот, совсем наоборот. Мы знаем, что понятие расы не имеет никакого научного или философского содержания. Следовательно, это расизм производит или конструирует концепт расы» [4]. В этом контексте любые расовые таксономии являются средством для утверждения доминанты своей референтной группы. Расовые различия подчеркиваются и преувеличиваются в пользу той группы, которая занимается расовой классификацией [5], поэтому природа таких классификаций изначально заражена расизмом.

Эта точка зрения совпадает с тенденцией к отказу от использования понятия расы в современной естественной науке. По мнению генетиков М. Юделла и Д. Робинса, в научных исследованиях не стоит оперировать понятием «биологические расы», так как оно «в лучшем случае проблематично, а в худшем – опасно» [6, p. 565]. В 2019 г. Американская ассоциация биологических антропологов приняла декларацию о расе и расизме[4], в которой заявлялось, что «понятие расы не дает точного представления о биологической изменчивости человека»[5]. Иными словами, как писал историк Б. Айзек, «расы не существует в отличие от расизма» [7, p. 33]. В качестве альтернативы для концепта расы в социальных исследованиях предлагается использовать термины «население», «происхождение» или «расовые группы» [8; 9].

Концептуальная нестрогость смысла расы связана с амбивалентностью его прочтения. Во-первых, раса рассматривается как набор биологических параметров и как социальный конструкт одновременно. Во-вторых, существует большое количество варьирующихся расовых классификаций. К примеру, в советской антропологии использовались классификации Я. Я. Рогинского, М. Д. Левина, Н. Н. Чебоксарова, В. П. Алексеева и др. Акцент в них был сделан, как правило, на больших расовых группах или стволах (условное деление на европеоидов, негроидов, монголоидов и австралоидов), которые включали в себя разветвленную систему малых расовых групп и различались преимущественно биологически (фенотипически). Тот же принцип использовался европейскими и американскими антропологами до 1970-х гг. В-третьих, эти классификации слабо коррелируют с актуальными бытовыми и политическими импликациями идеи расы. Так, фактически ни в одной научной классификации не выделяют-

[4]Изначально она называлась «Американская ассоциация физических антропологов» (*American Association of Physical Anthropologists*, AAPA). В 2018 г. название изменилось на «Американская ассоциация биологических антропологов» (*American Association of Biological Anthropologists*, AABA), но большинство документов на их сайте опубликованы от имени AAPA, как и эта декларация (*AAPA Statement on Race & Racism*).

[5]AABA Statement on Race & Racism // AABA [Electronic resource]. URL: https://www.vie-publique.fr/catalogue/281108-la-lutte-contre-le-racisme-lantisemitisme-et-la-xenophobie-annee-2020 (date of access: 12.08.2021).

ся чистые номинации белой и черной рас. Исторически в разные периоды к белой расе европейцы причисляли не только себя, но и арабов, берберов и индусов. В XVI–XVII вв. арабов называли маврами, к которым относили и чернокожих. Оппозиция белая раса – черная раса формируется в Новое время (в Северной Америке) вследствие законодательного закрепления рабского труда за африканскими иммигрантами и превращения белой кожи в привилегию, дающую право на гражданство. Любопытно, что в связи с массовой иммиграцией XIX в. в США расовый вопрос был пересмотрен в сторону ужесточения и до 1924 г. славяне, итальянцы и некоторые другие выходцы из Европы не считались «полноценными белыми» [10, с. 113]. Белая раса в полиэтнических США долгое время представляла собой гомогенную этносоциальную группу, право включения в которую нужно было завоевать. Однако это право, как подчеркивал Р. Дайер, означало принадлежность не столько к одной из конкретных рас, сколько к человеческому роду как таковому: небелые являются в первую очередь представителями других рас, белые – просто людьми [11]. Расовый вопрос в североамериканской традиции вплоть до настоящего времени означал цветной вопрос.

Принадлежность к черной расе в США определялась не только цветом кожи. Потомки от смешанных браков автоматически причислялись к чернокожим согласно так называемому правилу одной капли: если человек наполовину чернокожий, значит, он чернокожий. В настоящее время из-за тенденции отказа от использования категории расы в естественно-научном дискурсе и смещения акцентов в сторону ее социального аспекта на первый план выходят вопросы расовой самоидентификации и раса рассматривается как референт идентичности. Однако если представители белой расы в США, как правило, идентифицируют себя с какой-либо этнической группой (английской, немецкой и т. д.), то люди смешанной расы (к примеру, мулаты) идентифицируют себя просто как черные, и, «когда их просят объяснить эту идентичность чернокожих, они описывают то, как и черные, и белые считают их черными» [12, p. 96].

В свою очередь Национальная консультативная комиссия Франции по правам человека публикует ежегодные отчеты, отражающие (по результатам социологического опроса) уровень расизма, антисемитизма и ксенофобии в стране. В отчете за 2020 г. было отмечено следующее: менее 7 % опрошенных разделяют убежденность в существовании иерархии рас; 59 % участников исследования считают, что все расы равны; 34 % респондентов отмечают, что человеческих рас в принципе не существует. Как уточнялось в резюме, хотя «многие миллениалы и особенно представители предшествующих поколений продолжают думать, что все человеческие расы равны (и это позиция, которая опровергает принципы биологического расизма), но все же тот факт, что они не выбирают (из предложенных вариантов. – *О. Н.*) ответ, отрицающий само существование рас, должен побуждать к бдительности»[6]. Одно лишь убеждение в существовании расы как материального феномена в современном мире является признаком расизма.

Таким образом, идея расы, отвергаемая современным научным дискурсом, в социально-политических практиках выступает как фундамент для обоснования дифференциации, характеризующейся абсолютизацией социокультурных различий. Раса остается в социально-гуманитарном знании в значении общественного конструкта и начинает коррелировать с этнической или культурной принадлежностью, вокруг которых новый расизм выстраивает непреодолимые противоречия.

Возникает вопрос: «Что же представляет собой этот современный тип расизма и чем он отличается от предшествующих?»

В справочной научной литературе объяснения термина «расизм», как правило, сводятся к идеям дискриминации представителей определенной социальной группы по расовому или этническому признаку. Классик в исследовании темы расизма Дж. Фредриксон указывал, что расизм «часто используется в широком значении для описания враждебных или негативных чувств к представителям иной этнической группы (или народа) и связанных с этими чувствами действий» [13, p. 1]. В международной энциклопедии социальных и бихевиоральных наук расизм трактуется как «система убеждений в том, что одни расовые группы имеют природное превосходство над другими или имеют больше прав на материальные или символические ресурсы»[7]. В новой философской энциклопедии предлагается более широкое определение этого слова: расизм есть «доктрина и политико-идеологическая практика, исходящая из представлений, что человеческий род не является единым, но состоит из принципиально отличных друг от друга видов, как правило, иерархически соподчиненных между собой»[8]. Данная дефиниция представляется наиболее удачной как

[6]Rapport sur la lutte contre le racisme, l'antisemitisme et la xenofobie. Annee 2020 // Commiss. nationale consultative des droits de l'homme. Republic Francaise [Ressource électronique]. URL: https://www.cncdh.fr/sites/default/files/rapport_racisme2020_basse_def.pdf (date de la demande: 12.08.2021).

[7]*Clair M., Denis J. S.* Sociology of racism // Intern. Encycl. of the Social & Behavioral Sciences. New York : Elsevier; 2015. P. 859.

[8]*Малахов В. С.* Расизм // Новая филос. энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH754aa85845962f63080a75?p.s=TextQuery (дата обращения: 26.03.2022).

минимум потому, что не оперирует категорией расы и тем самым позволяет избежать уклона в биологизацию расизма, оставаясь пригодной для описания его современных небиологических форм.

Объектом естественно-научного и философского внимания расовый вопрос стал только ко второй половине XVII–XVIII вв. Именно в это время на американском континенте утверждалась идея превосходства белой расы над черной, и к рубежу XIX–XX вв. появился первый исторический тип расизма – традиционный расизм. Этот тип, фундамент которого составляет идея непреодолимости биологических различий между представителями разных рас, также можно обозначить как классический, или биологический, расизм. Он представлен многими формами: от псевдонаучной (расово-антропологическая школа, нацистские расовые теории Х. Гюнтера и др.) до колониальной. Большинство форм традиционного расизма были ликвидированы к 1970-м гг., однако в настоящее время его отзвуки можно обнаружить в псевдонаучном течении расологии [14].

Современный, или новый, расизм отличается от традиционного и феноменологически, и концептуально. Если в старом расизме в качестве фундамента для обоснования идеологии природного неравенства рассматриваются расовый фенотип и другие биологические детерминанты, то в современном расизме затрагиваются в первую очередь сферы культуры и экономики. Новый расизм сложно концептуализировать, потому что под ним нередко понимают ксенофобию, этноцентризм, национализм и различные проявления социальной нетерпимости. Он включает в себя классовый (также обозначаемый как экономический, или институциональный) и культурный (также называемый дифференциальным, или символическим, расизмом или культурным фундаментализмом) расизм [15; 16].

Осознание классового расизма началось с 1970-х гг. и было связано с социально-экономической и политической ситуацией эпохи позднего модерна, в первую очередь с потоками иммигрантов и трудовых мигрантов в экономически благополучные страны. Этот вид расизма предполагает дискриминацию конкретных этнических групп, представителям которых работодатели предоставляли трудовые места за меньшую оплату. Тем самым в странах первого и второго мира формировался рынок труда, в котором этническая стратификация встраивалась в классовую (китайские прачечные в США и т. д.). Институциональный расизм, описанный С. Кармайклом и Ч. Гамильтоном применительно к реалиям США, – это скрытая форма расизма, являющаяся наследием социальных практик сегрегации. Например, черные районы американских городов с низким уровнем школьного образования автоматически означали для их обитателей низкооплачиваемую работу в будущем [17]. Так, при декларируемой политике мультикультурализма выстраивался внутренний дискурс социальной конфронтации, обусловленный экономическими причинами. Этот тип расизма, иногда еще обозначаемый как гегемонистский, характерен и для современных США наряду с декларируемой идеологией «цветной слепоты» [18, p. 14].

Термин «культурный расизм» впервые употребил Ф. Фанон. Так, если старый расизм тяготел к рационализации, индивидуализации и фенотипическому детерминизму, то новый тип расизма обращен уже не на индивида, а на «определенную форму сущего» [19, p. 32], под которой подразумеваются культурные ценности, образ жизни, язык и иные феномены, маркирующие различия культур.

Становление культурного, или дифференциального, расизма связано с миграционными процессами эпохи глобализации. Он возникает, «когда чужое оказывается в опасной близости от своего» [20, с. 61], а политика мультикультурализма сталкивается с бытовой ксенофобией. Этот тип расизма развертывается на стыке биологического, культурного и политического и декларирует непреодолимость различий между представителями своей и чужой социальной группы, только маркером различий вместо расы уже выступает более политкорректная культура. В отчете Национальной консультативной комиссии Франции по правам человека этот новый тип расизма обозначается как тонкий (*déguisé*, *subtle*), состоящий в преувеличении культурных различий между своей и другой группами, а также в подавлении положительных эмоций представителей другой группы[9]. Концепт расы для дифференциального типа расизма не нужен, роль расы начинает играть культурная принадлежность, поэтому данный тип расизма квалифицируется как культурный фундаментализм: если апелляции к расовым различиям более неприемлемы и автоматически расцениваются в качестве расистских, то проблемы в межкультурной коммуникации можно объяснять «чисто человеческой» неспособностью культур к общению [21, p. 470]. Некоторые авторы, однако, склонны рассматривать культурный фундаментализм как самостоятельный, отличный от расизма феномен.

Специфика культурного расизма основана на присвоении права маркировать *Другого* (предста-

[9]Rapport sur la lutte contre le racisme, l'antisemitisme et la xenofobie. Annee 2020 // Commiss. nationale consultative des droits de l'homme. Rep. Francaise [Ressource électronique]. URL: https://www.cncdh.fr/sites/default/files/rapport_racisme2020_basse_def.pdf (date de la demande: 12.08.2021).

вителя другой культуры) как несоответствующего критериям нормативности. *Другой* в данном случае выступает в качестве продукта абсолютизации культурных противоречий и реификации различия. Здесь проблема заключается не в том, что логика культурного расизма выстраивает связь между бинарными оппозициями *свой – чужой* и *норма – аномалия*, в которых свое предстает как норма, а чужое – как аномалия, а в идее того, что социальная дифференциация существует только в форме соперничества и конфронтации.

В философских и научных исследованиях расы и расизма указывается историческая связь между этими явлениями. В трудах антропологов XVII – середины XX в. раса квалифицировалась как биологический феномен и подкатегория человеческого вида. Такую трактовку можно рассматривать в качестве основы для становления первого исторического типа расизма – биологического, или традиционного. Современный подход указывает на существование обратной связи: именно становление расистского дискурса способствовало обоснованию биологического фундамента расовой идеи.

В последние годы для генетики и биоантропологии характерен отказ от использования термина «раса» и расовых классификаций в связи с их вариабельностью и неточностью. Понятие расы остается в поле зрения социально-гуманитарных наук, в которых она рассматривается как социальный конструкт, а также указывается, что спекуляции на идее расовых различий неизбежно становятся фундаментом для развития расизма.

Интенсификация миграционных процессов в эпоху глобализации способствовала формированию новых типов расизма: классового (институционального) расизма, связанного с неравномерным распределением экономических благ между различными этническими группами, и культурного (дифференциального) расизма. Последний смещает акцент с расы на этнокультурную принадлежность, эссенциализируя и фактически биологизируя ее.

Современный расизм, сущность которого заключается в абсолютизации культурных различий между представителями разных этнокультурных групп, постепенно утрачивает связь с референтным понятием расы и в этом смысле оказывается более устойчивым феноменом, чем раса.

Библиографические ссылки

1. Jackson JP, Weidman NM. *Race, racism, and science: social impact and interaction*. New Brunswick: Rutgers University Press; 2005. 424 p.

2. Гегель ГВФ. *Энциклопедия философских наук. Том 3. Философия духа*. Ситковский ЕП, Кедров БМ, Розенталь ММ, редакторы. Москва: Мысль; 1977. 471 с.

3. Балибар Э, Валлерстайн И. *Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности.* Глущенко И, переводчик; Скопин Д, Кагарлицкий Б, Скуратов Б, редакторы. Москва: Логос-Альтера; 2003. 272 с.

4. Derrida J. tRACEs: Race, deconstruction, and critical theory [Internet]. 2003 [cited 2021 September 13]. Available from: https://uchri.org/events/traces-race-deconstruction-and-critical-theory/.

5. Sarich V, Miele F. *Race. The reality of human differences*. New York: Routledge; 2019. 304 p.

6. Yudell M, Roberts D, DeSalle R, Tishkoff S. Taking race out of human genetics. *Science Magazine*. 2016;351:564–565.

7. Isaak B. *The invention of racism in classical Antiquity*. Princeton: Princeton University Press; 2006. 592 p.

8. Hochman A. Race and reference. *Biology and Philosophy* [Internet]. 2019 [cited 2021 August 12];34(2):32. Available from: https://philpapers.org/archive/HOCRAR-3.pdf.

9. Hochman A. Janus-faced race: is race biological, social, or mythical? *American Journal of Physical Anthropology*. 2021;175(2):453–464.

10. Шнирельман ВА. *«Порог толерантности»: идеология и практика нового расизма. Том 1*. Москва: Новое литературное обозрение; 2011. 576 с.

11. Dyer R. *White*. London: Routledge; 2017. 304 p.

12. Khanna N. «If You're half black, you're just black»: reflected appraisals and the persistence of the one-drop rule. *The Sociological Quarterly*. 2010;51(1):96–121.

13. Fredrickson GM, Camarillo A. *Racism: a short history*. Princeton: Princeton University Press; 2015. 232 p.

14. Mondry H. Censorship and intellectual freedom: reflections 30 years after Chernobyl and glasnost (1986–2016). *Continental Thought & Theory*. 2016;1:7–17.

15. Weidinger B. Equal before God, and God alone: cultural fundamentalism, (anti-)egalitarianism, and Christian rhetoric in nativist discourse from Austria and the United States. *Journal of Austrian-American History*. 2017;1:40–68.

16. Stolcke V. Talking culture: new boundaries, new rhetorics of exclusion in Europe. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. 2021;11(1):221–239.

17. Ture K, Hamilton ChV. *Black power. The politics of liberation in America*. New York: Vintage Books; 1992. 256 p.

18. Bonilla-Silva E. «Racists», «class anxieties», hegemonic racism, and democracy in Trump's America. *Social Currents*. 2019;6(1):14–31.

19. Fanon F. *Toward the African revolution: political essays*. New York: Groove Press; 1994. 208 p.

20. Бодрийяр Ж. *Америка*. Калугин Д, переводчик. Санкт-Петербург: Владимир Даль; 2000. 208 с.

21. Siebers H, Dennissen MH. Is it cultural racism? Discursive exclusion and oppression of migrants in the Netherlands. *Current Sociology*. 2015;63(3):470–489.

References

1. Jackson JP, Weidman NM. *Race, racism, and science: social impact and interaction*. New Brunswick: Rutgers University Press; 2005. 424 p.

2. Hegel GWF. *Enciklopediya filosofskih nauk. Tom 3. Filosofiya duha* [The encyclopedia of the philosophical sciences. Volume 3. The philosophy of spirit]. Sitkovskii EP, Kedrov BM, Rozental' MM, editors. Moscow: Mysl'; 1977. 471 p. Russian.

3. Balibar E, Wallersteinn I. *Rasa, natsiya, klass. Dvusmyslennye identichnosti* [Race, nation, class. Ambigious identities]. Glushchenko I, translator; Skopin D, Kagarlitskii B, Skuratov B, editors. Moscow: Logos-Al'tera; 2003. 272 p. Russian.

4. Derrida J. tRACEs: race, deconstruction, and critical theory [Internet]. 2003 [cited 2021 September 13]. Available from: https://uchri.org/events/traces-race-deconstruction-and-critical-theory/.

5. Sarich V, Miele F. *Race. The reality of human differences*. New York: Routledge; 2019. 304 p.

6. Yudell M, Roberts D, DeSalle R, Tishkoff S. Taking race out of human genetics. *Science Magazine*. 2016;351:564–565.

7. Isaak B. *The Invention of racism in classical Antiquity*. Princeton: Princeton University Press; 2006. 592 p.

8. Hochman A. Race and reference. *Biology and Philosophy* [Internet]. 2019 [cited 2021 August 12];34(2):32. Available from: https://philpapers.org/archive/HOCRAR-3.pdf.

9. Hochman A. Janus-faced race: is race biological, social, or mythical? *American Journal of Physical Anthropology*. 2021; 175(2):453–464.

10. Shnirel'man VA. *«Porog tolerantnosti»: ideologiya i praktika novogo rasizma. Tom 1* [The «threshold of tolerance»: ideology and practice of new racism.Volume 1]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2011. 576 p. Russian.

11. Dyer R. *White*. London: Routledge; 2017. 304 p.

12. Khanna N. «If you're half black, you're just black»: reflected appraisals and the persistence of the one-drop rule. *The Sociological Quarterly*. 2010;51(1):96–121.

13. Fredrickson GM, Camarillo A. *Racism: a short history*. Princeton: Princeton University Press; 2015. 232 p.

14. Mondry H. Censorship and intellectual freedom: reflections 30 years after Chernobyl and glasnost (1986–2016). *Continental Thought & Theory*. 2016;1:7–17.

15. Weidinger B. Equal before God, and God alone: cultural fundamentalism, (anti-)egalitarianism, and Christian rhetoric in nativist discourse from Austria and the United States. *Journal of Austrian-American History*. 2017;1:40–68.

16. Stolcke V. Talking culture: new boundaries, new rhetorics of exclusion in Europe. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. 2021;11(1):221–239.

17. Ture K, Hamilton ChV. *Black power. The politics of liberation in America.* New York: Vintage Books; 1992. 256 p.

18. Bonilla-Silva E. «Racists», «class anxieties», hegemonic racism, and democracy in Trump's America. *Social Currents*. 2019;6(1):14–31.

19. Fanon F. *Toward the African revolution: political essays*. New York: Groove Press; 1994. 208 p.

20. Baudrillard J. *Amerika* [America]. Kalugin D, translator. Saint Petersburg: Vladimir Dal'; 2000. 208 p. Russian.

21. Siebers H, Dennissen MH. Is it cultural racism? Discursive exclusion and oppression of migrants in the Netherlands. *Current Sociology*. 2015;63(3):470–489.

Статья поступила в редколлегию 26.03.2022.
Received by editorial board 26.03.2022.

УДК 316.42

АКТОРНО-СЕТЕВАЯ ТЕОРИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЯ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Д. А. МОЗАЛЕВСКАЯ[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Исследованы акторно-сетевая теория (АСТ) и ее концептуальный вклад в осмысление изменений современного общества. Определены такие ключевые понятия и методологические принципы АСТ, как обобщенная симметрия, плоская онтология, демонстрирующие сложность социального мира и новое гибридное понимание реальности. Выявлены характерные черты АСТ, в том числе ее акцент на неразделимости человеческих и нечеловеческих акторов в гибридных сетях. Рассмотрен категориальный аппарат данной программы и процесс перевода. Приведены критические замечания в отношении АСТ, а также представлен эвристический потенциал теоретического подхода в контексте междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: акторно-сетевая теория; актор – сеть; концепция обобщенной симметрии; процесс перевода; понятие плоской онтологии.

ACTOR-NETWORK THEORY AS A METHODOLOGY OF MODERN SOCIAL RESEARCH

D. A. MOZALEVSKAYA[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article presents an investigation of the actor-network theory (ANT) and its conceptual contribution to the understanding of changes in modern society. The key concepts and methodological principles of ANT are defined, such as generalised symmetry, flat ontology, demonstrating the complexity of the social world and a new hybrid understanding of reality. The characteristic features of ANT are revealed, including its emphasis on the inseparability of human and non-human factors in hybrid networks. The categorical apparatus of this program and the process of translation are considered. Critical remarks on the ANT are given and the heuristic potential of the theoretical approach in the context of interdisciplinary research is presented.

Keywords: actor-network theory; actor – network; concept of generalised symmetry; process of translation; concept of flat ontology.

Введение

За последнее десятилетие наблюдается особый интерес к сетевой проблематике в области естественных и социальных наук. Динамичное развитие современного общества неизбежно сосредоточивает внимание исследователей на сложных социальных явлениях и процессах, во многом усиленных возникновением цифровых технологий и организационных изменений. Создается возможность для междисциплинарных поисков, включая методологическое взаимообогащение между различными аналитическими подходами. Метафора сети становится объединяющим действенным инструментом анализа сложных социальных отношений и взаимодействий в современном социуме.

Образец цитирования:
Мозалевская ДА. Акторно-сетевая теория как методология современных социальных исследований. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2022;3:67–75.

For citation:
Mozalevskaya DA. Actor-network theory as a methodology of modern social research. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;3:67–75. Russian.

Автор:
Даниэла Андреевна Мозалевская – аспирантка кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент Д. Г. Доброродний.

Author:
Daniela A. Mozalevskaya, postgraduate student at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social science.
daniela_mozalevskaya@mail.ru

Методологические принципы акторно-сетевой теории

Акторно-сетевая теория (АСТ) была разработана в 1980-х гг. как часть более крупного научного движения под названием *Science and Technology Studies* (исследования науки и технологии или наука, технология, общество). Это направление, призванное сфокусировать внимание социологического исследования на производстве научных фактов и технологических артефактов. Главные представители (Б. Латур, М. Каллон и Д. Ло) считали свои интеллектуальные наработки будущим социологической теории. Действительно, с появлением новых информационно-коммуникационных технологий возрастает интерес к АСТ. В чем же заключена революционность и прогрессивность подхода данных мыслителей?

В АСТ описывается социальный мир, построенный на реляционной сети акторов, которые могут быть человеческой и нечеловеческой природы. Основатель АСТ, социолог науки, лауреат премии Киото в области искусства и философии Б. Латур подчеркивал, что социальные отношения не следует рассматривать изолированно, поскольку они всегда представлены сетью людей и вещей [1]. Сторонники АСТ отказываются от понятия «общество» как специфической сферы бытия, состоящей исключительно из отношений между человеческими субъектами, поскольку эти отношения всегда опосредованы, трансформированы и даже поддерживаются нечеловеческими формами существования (материалы, экосистемы и технологии).

С появлением цифровых технологий стремительно изменяются многие сферы жизнедеятельности людей, моральная сторона жизни общества и повседневные практики. Современный человек не раз оказывался в ситуации отсутствия интернета, когда необходимо оперативно воспользоваться электронными средствами коммуникации, или в ситуации недостатка денежных средств на лицевом счете в момент важного звонка. Жизнь людей – это множество взаимодействий и связей не только друг с другом, но и с вещами.

Сторонники АСТ стремятся преодолеть современный образ мышления, опирающийся на такие дихотомии, как культура – природа, субъект – объект или человеческие факторы – нечеловеческие факторы, поскольку эти дихотомии не способны объяснить сложный и гибридный характер реальности. Важно переописать объект, включив в сети отношений равноправных субъектов действия – человеческие и материальные объекты. В работе «Нового времени не было» [1] Б. Латур определял гибридизацию (построение все более сложных сетей между различными сущностями) как главную характеристику современности и ключ к ее особому динамизму.

Вышеупомянутое гибридное понимание реальности базируется на идее обобщенной симметрии, которая становится основной концепцией АСТ. Все действующие акторы оказывают одинаковое влияние (способность изменять сеть) независимо от того, люди они или вещи. Субъект уже идентифицируется не по своей сущности, а по его отношениям с другими акторами. В АСТ предоставляется возможность раскрыть цепочку действий или влияний различных факторов, которые выполняются для достижения определенной цели.

Следствием обобщенной симметрии является то, что знание и смысл не рассматриваются как единственное свойство людей. Опираясь на семиотику литовского ученого А. Ж. Греймаса [2], Б. Латур и М. Акрич утверждали, что если значение является реляционным свойством упорядочения терминов в сети, то гетерогенные сети создают собственные значения как часть материального процесса организации собственных отношений [3]. Данный аргумент иногда называют материальной семиотикой – знаки, созданные с помощью вещей, и вещи, созданные с помощью знаков. В рамках этого подхода идентичности (сущности), возникающие в гетерогенной сети, именуются акторами независимо от того, являются ли они людьми или вещами.

Таким образом, в контексте акторно-сетевого подхода осознанность действий не представляется ключевым моментом, акцент переносится на само действие как социальный факт. Употребление в речи понятий субъекта и объекта становится некорректным, и поэтому они оба заменяются на более абстрактное понятие актора – действующего, совершающего (опосредующего) действие [4, с. 165]. Люди и вещи – равноправные акторы, связанные вместе в сети, сформированные и поддерживаемые для достижения определенной цели. Данная теория использует специализированный словарь, поэтому для лучшего ее понимания стоит уточнить основные понятия: актор, актант, сеть, перевод и черный ящик.

Один из центральных принципов АСТ заключается в том, что нечеловеческие объекты также становятся участниками сетей акторов. Термин «актор» в АСТ не трактуется традиционным определением как «дискретные индивидуальные, корпоративные или коллективные социальные единицы»[1] [5, p. 17]. Актор – это понятие, снимающее различие между социальным и материальным действием, активным субъектом и пассивным объектом. По Б. Латуру, «действовать – значит опосредовать действия другого» (цит. по [6, с. 66]). Социолог В. С. Вахштайн отмечал, что подобная семиотическая интерпретация приводит к следующему: нечеловеческие объекты

[1]Здесь и далее перевод наш. – *Д. М.*

понимаются как «ансамбли отношений» (Б. Латур) или «эффекты сети отношений» (Дж. Ло) [7, с. 104].

Актант – «любая сущность, которая изменяет других акторов посредством ряда действий» [8, p. 75]. Это не просто элемент в гетерогенной сети отношений, а конститутивная основа уникальности каждой сети взаимодействий. Понятие «актант» акцентирует внимание на вовлеченности равноправных участников таким образом, что все актанты, которые совместно выполняют какое-либо действие, составляют актора этого действия. Данное определение становится более ясным на конкретном примере из труда Б. Латура «On technical mediation». Полет человека в воздушном пространстве не ограничивается деятельностью отдельно взятого индивида (актора), поскольку планирование и осуществление полета – это неразрывное объединение организаций, которые включают аэропорты, самолеты, стартовые площадки и билетные кассы [9, p. 35].

Второстепенные роли актантов на самом деле подразумевают открытую возможность для действий, обмена и создания новых целей и функций в сети. Как указывал Б. Латур, допустимо использовать синонимичные термины «агент», «посредник». Тем не менее ученый отдавал предпочтение именно слову «актант» как более нейтральному определению.

Сети образуются из союзов актантов, в которых их идентичности оказываются предельно взаимосвязаны. Отношения между равноправными акторами нестабильны и требуют их постоянного поддержания за счет испытаний сил (в противном случае акторы могут вовсе исчезнуть). По Б. Латуру, сеть – «ряд действий, каждый участник которых рассматривается как полноценный посредник» [10, с. 181]. Она может быть повсеместной, не становясь при этом универсальной.

Таким образом, в рамках отношений актор – сеть интересы различных актантов воплощаются и отражаются в технических и социальных механизмах. В акторно-сетевом подходе нет открытого противопоставления акторов и сетей. Любой актор может рассматриваться как сеть, а сеть при желании может быть упрощена до актора. В понятии «сеть» (*network*) акцент ставится на слово *work*, следовательно, подчеркиваются динамические характеристики сети и ее связь с актантами.

Акторы являются не отдельными сущностями, а, скорее, частями сети, которые достигли определенной степени топологической сложности, причем множество отношений распознаются в сети как единый объект. Это происходит посредством процесса перевода, когда актанты вовлекаются (иногда через принуждение) в отношения для создания новых реляционных свойств. Успешный перевод создает общее пространство, эквивалентность и соизмеримость в сети участников. И, наоборот, неудачные процессы перевода ослабляют сеть акторов.

Перевод включает в себя четыре отдельных подпроцесса: проблематизацию, механизм заинтересовывания, зачисление и мобилизацию [11]. Они являются различными фазами общего процесса перевода, в ходе которого обсуждается и определяется идентичность акторов, возможности их взаимодействия и границы трансформаций, в результате создается ограничивающая сеть отношений (сеть акторов), но этот консенсус и выстроенный союз могут быть оспорены в любой момент.

Проблематизация – это начальный этап построения сети, в которой определенные акторы позиционируют себя как незаменимые ресурсы для решения обозначенных ими проблем. Инициаторы пытаются навязать свое определение проблемы и предлагаемое решение другим участникам (человеческие (нечеловеческие) акторы, институты и технологии), а также устанавливают их роли и идентичности в сети. Посредством проблематизации инициаторы позиционируют себя как «обязательный переходный пункт» для решения проблем [12, p. 26].

По мнению профессоров Университета имени Эразма Роттердамского Т. Броера, А.-П. Нибур и Р. А. Баля, использование термина «проблематизация» вместо «проблема» обосновано следующими причинами: во-первых, это означает, что проблема является продуктом производительности, а не перспективы; во-вторых, это подразумевает, что проблематизация не является единичным событием, а происходит с течением времени, поскольку ее составляют динамические практики [13].

Определение акторов вовлекает наиболее значимые заинтересованные стороны, которые не могут достичь своих целей самостоятельно из-за соответствующих препятствий, поэтому для полноценного сетевого сотрудничества необходимо согласовать собственные интересы с другими акторами. Основной участник пытается утвердиться в качестве обязательного связующего звена между иными участниками и сетью, что делает его незаменимым.

Механизм заинтересовывания относится к ряду процессов, в которых координационный актор пытается закрепить других участников за позицией, предложенной им в сети, и согласовывает условия их участия. Заинтересованность также означает группу действий, посредством которых основной субъект стремится навязать и стабилизировать идентичность других субъектов. Зачисление может состояться только в том случае, если механизм заинтересовывания сработает успешно.

Зачисление – это набор стратегий. Главные акторы стремятся определить и увязать различные роли, которые они отводят другим. Таким образом, как отмечал М. Каллон, зачисление – группа

многосторонних переговоров, испытания на прочность и хитрости, которые сопровождают интерес и позволяют акторам добиться успеха [12]. Роли, принятые при зачислении, должны быть включены в сеть акторов.

Мобилизация – это набор методов, которые используют инициаторы, чтобы союзных субъектов побудить действовать, а представителей – должным образом представлять своих избирателей. Мобилизовав союзников, сеть акторов стремится к стабильности. Успешная стабилизация сети подразумевает, что ее содержимое находится в черном ящике, т. е. больше не подвергается сомнению, а со временем даже институционализируется и принимается как должное.

Черные ящики – это целая система союзов (человеческих и нечеловеческих акторов), закрытые сети участников, в которых согласование достигнуто, интересы вписаны в стабильную ассоциацию и больше не вызывают сомнений. Как констатировал Б. Латур, чем успешнее результаты научно-технических исследований, тем непонятнее они становятся. Когда технология работает исправно, особое внимание уделяется ее производству, а не внутренней сложности. Изобретение можно рассматривать как черный ящик, который должен быть открыт с точки зрения теории сетей, в которой раскрываются сетевые субъекты, а также их сети взаимодействия.

Черными ящиками могут быть и нетехнические объекты (организации, институты, законы и т. д.). Например, юридический закон на стадии своего становления – это совокупность возможностей для выстраивания отношений между элементами сети (спорный набор открытых конкурирующих предложений, вокруг которых выстраиваются крупные союзы, влияющие на их конкретную форму). Как только закон принят, оспариваемые приговоры превращаются в черный ящик, запечатывающий все элементы, какими бы произвольными они ни были, в фиксированные и стабильные отношения, которые не могут быть легко оспорены. Подобные процессы происходят с любым продуктом, как только он переходит от стадии разработки к стадии производства. Чем больше ящик прикрыт, тем больше сетей, которые он включает, считаются надежными и стабильными. По сути, черный ящик содержит запечатанную сеть людей и вещей. Исследователи могут использовать АСТ для повторного открытия черных ящиков и изучения их онтологии – акторов и сетей акторов, которые привели к их созданию [11].

Терминологическая сложность АСТ, понимание современного мира как гетерогенной и гибридной сети акторов, отказ от дихотомии субъект – объект и методологического различения между микро- и макромиром трансформируют методы социально-философского исследования и приводят к переосмыслению онтологической проблематики.

В рамках АСТ меняется представление о социальном мире, который понимается как множественный, изменчивый, включающий самостоятельных и равноправных с людьми нечеловеческих акторов. АСТ созвучна идее плоской онтологии, ориентированной на представление о сложности всякого объекта, равной способности акторов к действию и установлению новых сетевых связей. Данная модель фиксирует внимание исследователя на отношениях между акторами через схему актор – сеть, в которой сеть не означает пространственные или технические характеристики, а указывает на отношения связи и силы их соединений.

Принципы плоской онтологии характерны для философии американского исследователя М. Деланда, который опирался в своей теории на понятие «ассамбляж», восходящее к французским философам Ж. Делезу и Ф. Гваттари. Ассамбляжи – это конструкции, или динамические отношения, существующие в виде автономных целостностей, которые состоят из гетерогенных частей любой природы, в свою очередь, также являющихся ассамбляжами [14, с. 30]. Таким образом, М. Деланда фиксировал не онтологическое различие объектов или заданную между ними иерархию, а их функциональную зависимость друг от друга. Однако дело не в том, что мир лишен уровней, а в том, что иерархии являются не результатом субстанциональной природы, а способом организации разрозненных субстанций. В плоском мире все уровни находятся на одном поле действий.

Ассамбляжи имеют по меньшей мере четыре составляющих признака:

• реляционность (структуры различных сущностей соединяются вместе и образуют новое целое);

• продуктивность (ассамбляжи создают новые территориальные организации, модели поведения, реалии и новых акторов);

• неоднородность (нет никаких предположений относительно того, что может быть связано (люди, животные, вещи и идеи) или что является доминирующей сущностью в совокупности; можно сказать, что эти субъекты (объекты) являются социально-материальными, избегая разрыва между природой и культурой [15]);

• детерриториализация (ассамбляжи создают территории взаимодействия, но также постоянно мутируют, трансформируются и распадаются).

Теоретики АСТ и концепции ассамбляжей предлагают плоскую онтологию, в которой все акторы размещаются на одном уровне. Человеческие и нечеловеческие сущности наделены одинаковым чувством бытия с точки зрения их способности создавать и порождать отношения. АСТ выдвигает определенный постулат – никакая наука о социальном не может

заниматься исследованием продуктивно, если вопрос о том, кто и что участвует в действии, не будет тщательно изучен (даже если это означает включение нечеловеческих элементов в наблюдения и отчеты). Именно отсутствие предвзятости между человеческими и нечеловеческими сущностями подчеркивается в АСТ. На данном этапе уместно сосредоточиться на эвристическом поиске АСТ.

Эвристический потенциал АСТ в междисциплинарных исследованиях

Выше последовательно проанализированы теоретические положения АСТ – от базовых концептов и методологических оснований до близких по содержанию концепций ассамбляжей. Тем не менее отдельного внимания заслуживают эвристические возможности АСТ, которые реализуются в различных областях исследования. В настоящей статье рассмотрены примеры, затрагивающие вопросы существования маркетинга, взаимодействия человека и робота, развития информационных технологий и социальных процессов с целью продемонстрировать широкий потенциал АСТ для решения исследовательских задач.

В рамках маркетинговых исследований вместо изучения прямых и изолированных отношений потребителя с объектом потребления или брендом сторонника АСТ отношения воспринимают как переплетенные между отдельными лицами и объектами во время потребления. Как отмечали Л. Л. Прайс и Э. М. Эпп [16], в этой новой перспективе потребитель формируется в отношениях между людьми, объектами и значениями внутри сетей. В АСТ преодолевается субъектно-объектная двойственность, предлагаются новые перспективы онтологической симметрии для исследований, касающихся истории индивидов и объектов потребления, не отдавая предпочтение только одному из них. Эта точка зрения прослеживается в работах профессоров Университета Джорджа Вашингтона Д. Л. Хофман и Т. П. Новака [17], которые определяли при исследовании новых реалий потребления уместность данного подхода, основанного на цифровых технологиях и концепции интернета вещей.

АСТ применяется также в исследованиях взаимодействия человека и робота. В ней анализируются сложные взаимодействия, возникающие в системе здравоохранения в результате внедрения технологических инноваций. В этом контексте образуется единая сеть, которая охватывает не только медицинских роботов и их конструктивные особенности, но и пользователей, врачей, медсестер, а также другие инструменты и технологии. В АСТ объясняется, как возникают и действуют эти сетевые отношения. Социальные роботы, встроенные в сети (объединения) с людьми, другими формами технологий или объектами, обладают способностью действовать, т. е. являются акторами. Робот вступает в коалиции с различными участниками сети здравоохранения (медицинские работники, пациенты, IT-специалисты и инженеры), устанавливая процедуры перевода.

Социальный робот становится субъектом межличностных отношений. Он способен поддерживать общение, делиться информацией, ухаживать за больными и пожилыми людьми и оказывать социальную поддержку в сложных ситуациях. Такому роботу делегирована роль актора, оказывающего существенное влияние на человека. Подобные девайсы способствуют усилению социальных связей и поддержанию безопасных и комфортных условий для пациентов. Безусловно, возникают этические соображения, связанные с влиянием действий робота на деятельность человека, которого он обслуживает, и на окружающих. Социальный робот может вызывать у людей различные эмоциональные состояния: чувство привязанности или отторжения, эмпатии или безразличия. Не ограничиваясь социальными связями между людьми, человек способен оживлять материальные объекты и в ходе взаимодействия формировать новые социотехнические отношения.

В 2017 г. гонконгские специалисты разработали первого в мире человекоподобного робота «София», которому предоставлено официальное гражданство Саудовской Аравии. На этом основании возможно расширение правоотношений и понимания политического участия. Возникает вопрос не только о том, кто действует, но и что действует. Могут ли роботы стать полноправными субъектами политики и быть привлеченными к ответственности за свои действия? Пока этот вопрос остается открытым, а ответ чаще сводится к необходимости распределения ответственности между производителем и владельцем робота.

Профессора философии Я. Парвиайнен и М. Кекельберг [18] обозначили, что политическая роль робота «София» заключается в формировании вокруг себя общего коммуникативного пространства заинтересованных участников, включая представителей общественности, журналистов и научные сообщества. В процессе обмена знаниями, комментариями и медиаресурсами происходит вовлечение новых участников в сеть акторов, которая координирует ключевые научно-исследовательские ресурсы и инвестиции по всему миру.

В ракурсе социальных исследований АСТ рассматривают в качестве техники изучения контроверз, которые обычно понимаются как противоречие, спор и полемика. Однако в контексте программы АСТ – это, скорее, кейс, вокруг которого собираются разные группы акторов для изучения неопределенных процессов. Существует технологическое реше-

ние для исследования контроверз. Это проект *Digital Methods Initiative*, возглавляемый Р. Роджерсом (Амстердам), а также метод картографирования контроверз, разработанный ученицей Б. Латура Н. Марес в медиалаборатории Массачусетского технологического института (Кембридж) [19].

Как отмечал научный сотрудник Центра исследований науки и технологии Н. И. Руденко, суть метода изучения контроверз состоит в том, что люди с помощью анализа гиперссылок могут обнаруживать сеть веб-сайтов, которые сконцентрированы вокруг определенных ключевых слов [19]. Предполагается, что каждый веб-сайт – это некоторый актор, выражающий свое видение ситуации. Далее анализируется посещаемость страниц, выявляется степень влияния акторов и с помощью технологических средств и программного обеспечения фиксируется, насколько тот или иной объект проявлен в ключевых словах, представленных на сайте. В результате выстраивается сеть разных акторов, собранных вокруг определенной проблемы, в связи с чем изучается вовлеченность и влиятельность каждого актора.

Исследовательский интерес вызывает анализ взаимосвязи методологии АСТ и социальной этнографии. Фундаментальной связью между АСТ и социальной этнографией является их сосредоточенность на практиках, т. е. повседневных высказываниях, действиях и отношениях с объектами, которые составляют то, что люди делают в своей повседневной жизни. Практики сами по себе многослойны и неоднородны, способны объединять различных акторов и придавать смысл человеческой деятельности, поэтому их правильное понимание требует тщательного отслеживания большого количества акторов. Существует множество точек зрения на повседневную практику, однако общее убеждение заключается в том, что практики «по своей сути случайны, материально опосредованы и не могут быть поняты без привязки к конкретным местам, времени и историческому контексту» [20, p. 1044]. В дополнение к корректному пониманию повседневных практик стоит отметить, что одной из наиболее значительных сильных сторон социальной этнографии, основанной на АСТ, является ее способность выходить за рамки таких традиционных методов, ориентированных на человека, как интервью, фокус-группы и опросы. В этнографических подходах, опирающихся на АСТ, требуется, чтобы исследователи приспосабливались к обыденному – учитывали повседневные предметы и практики, которые в противном случае могли бы остаться без внимания ученого.

Существуют центральные эпистемологические проблемы, связанные с позиционированием исследователя в этнографии. Предубеждения исследователя, как описано в большинстве этнографических подходов, формируют анализ, описание и интерпретацию многих историографических подходов, поскольку имеется четкая грань между участником и наблюдателем. Опираясь на положения АСТ, деятельность этнографа предполагает исследовательскую открытость, учет разнородных акторов, стремление к глубокому и всестороннему пониманию отношений, построение структуры социально-научного объяснения. В итоге задача состоит в том, чтобы создать последовательное описание сложной совокупности исторических событий, не отделяя естественное от социального, экономическое от политического [21, p. 112].

Таким образом, эвристический потенциал АСТ обусловлен в первую очередь тем, что для АСТ материальные элементы не являются нейтральным фоном человеческой деятельности, а имеют полноценное значение и переплетаются с этой деятельностью, а также способствуют созданию новых смыслов и знания. Тем не менее, как и любой концепции, акторно-сетевой теории адресуются критические замечания.

Критические замечания в отношении АСТ

Общая критика связана с наличием описательного характера теории и отсутствием подробных предложений о том, как следует рассматривать акторов, анализировать и интерпретировать их действия. Профессора Эдинбургского и Оксфордского университетов Р. Уильямс и Д. Эдж высказали предположение о том, что АСТ лучше всего использовать в сочетании с другими теоретическими подходами, особенно в отношении анализа и интерпретации [22].

Далее профессора Кембриджского университета К. Мунир и М. Джонс [23] отметили, что в плоской онтологии мало внимания уделяется существованию контекста и тому, как он действует в качестве фона, формирующего локальные явления. Принятие этой позиции подразумевает, что процессы перевода (рассмотренные выше) должны пониматься исключительно как процессы, которые сформированы отношениями, сложившимися в течение конкретного времени. Эта точка зрения может привести к недооценке событий, произошедших до наблюдаемых в настоящее время процессов перевода. Действительно, в АСТ предполагается не существование исторического контекста, а, скорее, стремление объяснить его наличие ссылкой на возникающие отношения.

Британский антрополог Т. Ингольд критиковал АСТ за отсутствие в ней различения между объектом и вещью, которое приводит к тому, что «вместо противопоставления субъектов и объектов, ограниченных соответствующими областями общества

и природы, Б. Латур устанавливал ассоциации людей и нелюдей, навсегда собирающихся в коллективы» [24, p. 436]. С этой точки зрения в АСТ отсутствует различие между целенаправленной деятельностью людей и физическими последствиями материальных объектов, что предполагает механическое понимание социальных процессов, движимых не волевыми актами, а бездумным импульсом различных интерактивных эффектов.

Профессор университета де Поля Дж. Л. Боргерсон [25] поддерживал утверждение, что АСТ провоцирует сложность сетевых эффектов, которые губят уникальность человеческого существования, восприятия, выбора и культурных ценностей. Использование сложных символических систем – это то, что определяет специфику человеческого поведения и усилия гуманитарных наук и социальных теорий.

Обозначенные спорные моменты теоретического подхода имеют под собой основание и являются адекватным признанием его ограничений. Тем не менее важность АСТ неоспорима для обновления научного взгляда, учитывая сложность взаимодействий между человеком и нечеловеком, природой и социальной системой.

Заключение

Таким образом, данное исследование демонстрирует широкий круг вопросов, обозначенных в АСТ, которые затрагивают проблему выбора методологии для понимания сложности социальной онтологии и необходимости построения социально-философского знания в сотрудничестве с естественными науками. В АСТ исследуется многоуровневая и гибридная социальная реальность, построенная на реляционной сети равноправных акторов, которые могут быть человеческими и нечеловеческими сущностями. В этой связи исследователю важно занимать открытую позицию в отношении акторов и преодолеть традиционные дихотомии мышления (природного и естественного, объективного и субъективного, материального и культурного). В контексте акторно-сетевого подхода осознанность действий не представляется ключевым моментом, акцент переносится на само действие как социальный факт – исследуются возможности взаимодействия акторов и границы трансформаций, которые поэтапно прослеживаются в процессе перевода и механизме формирования онтологии черных ящиков. Социальный мир предстает множественным, изменчивым, где всякий объект понимается как сложный, способный к действию и установлению новых сетевых связей. При этом сеть указывает на отношения связи и силы соединений. Критические замечания, высказанные в отношении АСТ, подтверждают важность уточнения используемых понятий, подчеркивают необходимость исторического контекста в ходе социального исследования. Учитывая сложность и динамику развития современного мира, методология АСТ демонстрирует высокую эффективность для нахождения новых ракурсов рассмотрения научно-исследовательских проблем. АСТ обогащает социально-философское знание и раскрывает потенциал междисциплинарного сотрудничества.

Библиографические ссылки

1. Латур Б. *Нового времени не было.* Калугина ДЯ, переводчик. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета; 2006. 240 с.

2. Греймас АЖ, Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка. В: Степанов ЮС, редактор. *Семиотика*. Москва: Радуга; 1983. с. 483–550.

3. Latour B, Acrich M. A summary of a convenient vocabulary for the semiotics of human and nonhuman assemblies. In: Bijker WE, Law J, editors. *Shaping technology / building society: studies in sociotechnical change*. Cambridge: The MIT Press; 1992. p. 259–264.

4. Сивоконь АС. Акторно-сетевой подход и перспективы в социально-философском дискурсе. *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2015;157(1):162–169.

5. Wasserman S, Faust K. *Social network analysis: methods and applications.* Cambridge: Cambridge University Press; 1994. 825 p. DOI: 10.1017/CBO9780511815478.

6. Ерофеева МА. О возможности акторно-сетевой теории действия. *Социология власти*. 2015;27(4):51–71.

7. Вахштайн ВС. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потоки» в акторно-сетевой теории. *Социологическое обозрение*. 2005;4(1):94–115.

8. Latour B. *Politics of nature: how to bring the sciences into democracy.* Porter C, translator. Cambridge: Harvard University Press; 2004. 320 p.

9. Latour B. On technical mediation. *Common Knowledge.* 1994:3(2):29–64.

10. Латур Б. *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. Полонская И, переводчик; Гавриленко С, редактор. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2014. 384 с.

11. Каллон М. Некоторые элементы социологии перевода: одомашнивание морских гребешков и рыбаков залива Сен-Бриё. Корбут А, переводчик. *Социология власти*. 2015;1:196–231.

12. Callon M. The sociology of an actor-network: the case of the electric vehicle. In: Callon M, Law J, Rip A, editors. *Mapping the dynamics of science and technology.* London: Macmillan; 1986. p. 19–34. DOI: 10.1007/978-1-349-07408-2_2.

13. Broer T, Nieboer AP, Bal RA. Opening the black box of quality improvement collaboratives: an actor-network theory approach. *BMC Health Services Research*. 2010;10:1–9.

14. Деланда М. *Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность.* Майорова К, переводчик. Пермь: Гиле Пресс; 2018. 170 с.

15. Bennett J. *Vibrant matter: a political ecology of things.* Durham: Duke University Press; 2010. 200 p. DOI: 10.1215/9780822391623.

16. Epp AM, Price LL. The storied life of singularised objects: forces of agency and network transformation. *Journal of Consumer Research*. 2010;36(5):820–837. DOI: 10.1086/603547.

17. Hoffman DL, Novak TP. Building consumer trust online. *Communications of the ACM.* 1999;42(4):80–85. DOI: 10.1145/299157.299175.

18. Parviainen J, Coeckelbergh M. The political choreography of the Sophia robot: beyond robot rights and citizenship to political performances for the social robotics market. *AI & Society.* 2020;36:715–724. DOI: 10.1007/s00146-020-01104-w.

19. Юлдашев Л. *Как изучать историю интернета? Методы, подходы, идеи*. Москва: Литрес; 2020. 178 с.

20. Bearman M, Ajjawi R. Actor-network theory and the OSCE: formulating a new research agenda for a post-psychometric era. *Advances in Health Sciences Education: Theory and Practice*. 2018;23(1):1037–1049. DOI: 10.1007/s10459-017-9797-7.

21. Nimmo R. Actor-network theory and methodology: social research in a more-than-human world. *Methodological Innovations.* 2011;6(3):108–19. DOI:10.4256/MIO.2011.010.

22. Williams R, Edge D. The social shaping of technology. *Research Policy.* 1996;25:865–899. DOI: 10.1016/0048-7333(96)00885-2.

23. Munir K, Jones M. Discontinuity and after: the social dynamics of technology evolution and dominance. *Organization Studies*. 2004;4:561–581. DOI: 10.1177/0170840604040676.

24. Ingold T. Toward an ecology of materials. *Annual Review of Anthropology*. 2012;41:427–442. DOI: 10.1146/annurev-anthro-081309-145920.

25. Borgerson JL. The flickering consumer: new materialities and consumer research. *Consumer Culture Theory*. 2014; 15:125–144. DOI: 10.1108/S0885-2111(2013)0000015009.

References

1. Latour B. *Nous n'avons jamais été modernes.* Paris: La Découverte; 1991. 204 p.
Russian edition: Latour B. *Novogo vremeni ne bylo*. Kalugina DYa, translator. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta; 2006. 240 p.

2. Greimas AI, Courtes J. [Semiotics. Explanatory dictionary of language theory]. In: Stepanov YuS, editor. *Semiotika* [Semiotics]. Moscow: Raduga; 1983. p. 483–550. Russian.

3. Latour B, Acrich M. A summary of a convenient vocabulary for the semiotics of human and nonhuman assemblies. In: Bijker WE, Law J, editors. *Shaping technology / building society: studies in sociotechnical change*. Cambridge: The MIT Press; 1992. p. 259–264.

4. Sivokon' AS. [Actor-network approach and perspectives in socio-philosophical discourse]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki.* 2015;157(1):162–169. Russian.

5. Wasserman S, Faust K. *Social network analysis: methods and applications.* Cambridge: Cambridge University Press; 1994. 825 p. DOI: 10.1017/CBO9780511815478.

6. Erofeeva M. On the possibility of actor-network theory of action. *Sociology of Power*. 2015;27(4):51–71. Russian.

7. Vakhshtayn VS. [The return of the material. «Spaces», «networks», «flows» in actor-network theory]. *Russian Sociological Review*. 2005;4(1):94–115. Russian.

8. Latour B. *Politics of nature: how to bring the sciences into democracy*. Porter C, translator. Cambridge: Harvard University Press; 2004. 320 p.

9. Latour B. On technical mediation. *Common Knowledge*. 1994:3(2):29–64.

10. Latour B. *Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory*. Oxford: Oxford University Press; 2005. 301 p.
Russian edition: Latour B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu.* Polonskaya I, translator; Gavrilenko S, editor. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki; 2014. 384 p.

11. Callon M. [Some elements of the sociology of translation: the domestication of scallops and the fishermen of the Gulf of Saint-Brieuc]. *Sociology of Power*. Korbut A, translator. 2015;1:196–231. Russian.

12. Callon M. The sociology of an actor-network: the case of the electric vehicle. In: Callon M, Law J, Rip A, editors. *Mapping the dynamics of science and technology*. London: Macmillan; 1986. p. 19–34. DOI: 10.1007/978-1-349-07408-2_2.

13. Broer T, Nieboer AP, Bal RA. Opening the black box of quality improvement collaboratives: an actor-network theory approach. *BMC Health Services Research*. 2010;10:1–9.

14. Delanda M. *Novaya filosofiya obshchestva. Teoriya assamblyazhei i sotsial'naya slozhnost'* [A new philosophy of society. assemblage theory and social complexity]. Mayorova K, translator. Perm: HylePress; 2018. 170 p. Russian.

15. Bennett J. *Vibrant matter: a political ecology of things*. Durham: Duke University Press; 2010. 200 p. DOI: 10.1215/9780822391623.

16. Epp, AM, Price LL. The storied life of singularised objects: forces of agency and network transformation. *Journal of Consumer Research*. 2010;36(5):820–837. DOI: 10.1086/603547.

17. Hoffman DL, Novak TP. Building consumer trust online. *Communications of the ACM.* 1999;42(4):80–85. DOI: 10.1145/299157.299175.

18. Parviainen J, Coeckelbergh M. The political choreography of the Sophia robot: beyond robot rights and citizenship to political performances for the social robotics market. *AI & Society.* 2020;36:715–724. DOI: 10.1007/s00146-020-01104-w.

19. Yuldashev L. *Kak izuchat' istoriyu interneta? Metody, podhody, idei* [How to study the history of the Internet? Methods, approaches, ideas]. Moscow: Litres; 2020. 178 p. Russian.

20. Bearman M, Ajjawi R. Actor-network theory and the OSCE: formulating a new research agenda for a post-psychometric era. *Advances in Health Sciences Education: Theory and Practice*. 2018;23(1):1037–1049. DOI: 10.1007/s10459-017-9797-7.

21. Nimmo R. Actor-network theory and methodology: social research in a more-than-human world. *Methodological Innovations*. 2011;6(3):108–19. DOI:10.4256/MIO.2011.010.

22. Williams R, Edge D. The social shaping of technology. *Research Policy*. 1996;25:865–899. DOI: 10.1016/0048-7333(96)00885-2.

23. Munir K, Jones M. Discontinuity and after: the social dynamics of technology evolution and dominance. *Organization Studies*. 2004;4:561–581. DOI: 10.1177/0170840604040676.

24. Ingold T. Toward an ecology of materials. *Annual Review of Anthropology*. 2012;41:427–442. DOI: 10.1146/annurev-anthro-081309-145920.

25. Borgerson JL. The flickering consumer: new materialities and consumer research. *Consumer Culture Theory*. 2014; 15:125–144. DOI: 10.1108/S0885-2111(2013)0000015009.

Статья поступила в редколлегию 24.03.2022.
Received by editorial board 24.03.2022.

Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2022;3:76–82
Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2022;3:76–82

УДК 16:316.774:808.5:174.4

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛОГИКО-КОММУНИКАТИВНОЙ МОДЕЛИ АРГУМЕНТАЦИИ

О. А. ВАШКО[1)]

[1)]*Белорусский государственный экономический университет,*
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

Проведен системный анализ сущности многомерного феномена аргументации как логико-коммуникативной модели. Обоснована значимость ее логической и коммуникативной составляющих. Установлены этико-психологические, риторические и общеметодологические компоненты в коммуникативном уровне аргументации. Выявлены, перечислены и охарактеризованы основные приемы оптимизации аргументации и используемые в этих целях уловки, а также ошибки, возникающие при нарушении логических правил ведения спора. Представленный материал может применяться в преподавании логики, теории аргументации и делового общения и быть полезным для специалистов в сферах управления, бизнеса, менеджмента, экономики, политики, права, коммуникаций и др.

Ключевые слова: аргументация; логико-коммуникативная модель аргументации; логические приемы аргументации; риторические приемы аргументации; психолого-этические приемы аргументации; общеметодологические приемы аргументации; логические ошибки; логические уловки; оптимизация аргументации.

RECONSTRUCTION OF THE LOGICAL AND COMMUNICATIVE ARGUMENTATION MODEL

O. A. VASHKO[a]

[a]*Belarus State Economic University,*
26 Partyzanski Avenue, Minsk 220070, Belarus

In the article is provided a systematic analysis of the essence of multidimensional phenomenon of argumentation as a logical-communicative model, is substantiated the significance of its logical and communicative components. Based on the analysis, the author identifies ethical-psychological, rhetorical and general methodological components in the communicative level of argumentation. There is offered conventional classification of the optimisation methods of argumentation procedure, used tricks and occurred errors in case of violation of logical rules the conducting an argument under the given components. Based on scientific and educational literature the main techniques, tricks and errors of argumentation are identified, listed and characterised. The provided material will be useful and practically applicable for specialists in the fields of administration, business, management, economics, politics, law, communications and many others, as well as in lecturing logic, argumentation theory and business communication for students and future professionals.

Keywords: argumentation; logical-communicative model of argumentation; logical techniques of argumentation; rhetorical methods of argumentation; psychological and ethical methods of argumentation; general methodological tools of argumentation; logical errors; logical tricks; optimisation of argumentation.

Образец цитирования:
Вашко ОА. Реконструкция логико-коммуникативной модели аргументации. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2022; 3:76–82.

For citation:
Vashko OA. Reconstruction of the logical and communicative argumentation model. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;3:76–82. Russian.

Автор:
Оксана Александровна Вашко – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии Института социально-гуманитарного знания.

Author:
Oksana A. Vashko, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy, Institute of Social Science and Humanities Education.
oksanavashko@mail.ru

Введение

В последнее время в профессиональных сферах у специалистов в областях управления, бизнеса, менеджмента, экономики, политики, права и многих других отраслей, связанных с коммуникацией, возрастает интерес к теории аргументации, которая в учебной литературе традиционно рассматривается как формально-логическая процедура. Однако в социальной деятельности аргументация выступает важнейшим инструментом, средством и механизмом мыслеречевой формы коммуникации и способом трансляции информации. Так, в беседе-диалоге и публичных выступлениях используются живое слово, мимика, жесты и приемы ораторского и актерского мастерства, а в отчетах и статьях применяется письменная аргументационная речь. Следует отметить, что результативность аргументации заключается в качестве общения с собеседником, ведения спора и дискуссии, отстаивания аргументационной позиции, а также в умении убеждать.

Весомый вклад в разработку основ теории аргументации внесли российские логики (С. И. Поварнин, А. А. Ивин, Ю. В. Ивлев, Г. И. Рузавин, А. Д. Гетманова, Н. В. Михалкин, М. М. Новосёлов и др.) и белорусские философы (Я. С. Яскевич, В. И. Чешов, В. Ф. Берков, Г. И. Малыхина, М. Н. Трушко и др.). Они рассматривали аргументацию прежде всего как логико-формальную процедуру. Различные приемы и тактики оптимизации аргументации анализировали С. И. Поварнин, Ю. В. Ивлев, А. Д. Гетманова, Н. В. Михалкин, М. Н. Трушко, В. Ф. Берков, Г. И. Малыхина и др. Однако ни у одного из этих авторов не представлена целостная комплексная система приемов, уловок и ошибок аргументации.

Целью данного исследования является реконструкция модели аргументации, в том числе рассмотрение логических, социокультурных и коммуникативных параметров процедуры аргументации. Соответственно, задачи исследования предполагают, во-первых, всестороннее комплексное изучение феномена аргументации как с логической, так и с коммуникативной стороны; во-вторых, выявление, описание и систематизацию способов и приемов оптимизации аргументации, возможных ошибок и уловок, которые влияют на конечный результат спора.

Применялись методы реконструкции, моделирования, системного и структурного анализа, аналогии, классификации и логической дедукции.

Результаты и их обсуждение

В наиболее общем смысле аргументация является интеллектуально-речевой деятельностью, формой рационально-логического убеждения. В учебной литературе по логике аргументация отождествляется с доказательством и определяется как логический процесс, в ходе которого истинность какого-то положения выводится из истинности аргументов. Например, согласно Ю. В. Ивлеву под аргументацией понимается «полное или частичное обоснование какого-либо утверждения с использованием других утверждений» [1, с. 182]. В свою очередь, В. Ф. Берков отмечал, что термин «аргументация» имеет более широкое значение. По мнению ученого, в объем рассматриваемого понятия наряду с доказательством включаются другие виды обоснования, в связи с чем выделяется доказательственная и недоказательственная аргументация [2, с. 25]. Теория аргументации, выходящая за рамки чисто логических рассуждений, но не отрывающаяся от них, выступает составной частью теории коммуникации. Исследуя логическую аргументацию в контексте юриспруденции, Н. В. Михалкин определял ее как «целенаправленный логико-психологический процесс утверждения в сознании и деятельности субъекта воздействия модели или системы ценностей "активной стороны"» [3, с. 205]. Между тем Т. Н. Савчук, рассматривая феномен аргументации в дискурсе социогуманитарных наук, дала следующую дефиницию данного понятия: «Аргументация – универсальная лингвокогнитивная категория, содержание которой составляет производимая в определенном социокультурном контексте интеллектуально-коммуникативная деятельность, направленная на обоснование некоторого положения» в целях «принятия его адресатом как истинного» [4, с. 53].

Ю. В. Ивлев, М. М. Новосёлов и А. С. Бергман определяли аргументацию как «логико-коммуникационный процесс, предполагающий субъект-субъектные отношения, поэтому она всегда диалогична и тем самым становится шире логического доказательства (которое по существу безлично и монологично), поскольку ассимилирует в себе не только "технику мышления" (собственно логику), но и "технику убеждения" (искусство воздействия на мышление, чувство и волю человека)» [5]. Таким образом, аргументация является намного более сложным феноменом, чем логический конструкт.

Будучи частью коммуникативного дискурса, аргументация способствует укоренению определенных социальных и духовных ценностей в сознании собеседника. Еще Аристотель рассматривал убеждение как трехкомпонентную структуру, где *logos* – апелляция к разуму, последовательность доводов, построенных по законам логики, *ethos* – убеждение посредством апелляции к ценностным предпочтениям, а *pathos* – эмоциональное воздействие на слушателей. Очевидно, что, кроме формально-логического содержания, в аргументации учитывается интеллек-

туальный потенциал участников коммуникации, их психофизические возможности и социальный опыт, выражаемые в характере сопричастности субъектов к проблеме, конкретные социокультурные условия взаимодействия, формы и приемы изложения сторонами аргументов, а также смысловое наполнение используемых сигналов [3, с. 203; 6, с. 7]. Помимо этого, в процедуре убеждения значимую роль играют психологические, эмоциональные, интенционально-волевые и иные действия, которые принято относить к психологическим и прагматическим факторам. По словам В. Ф. Беркова, на убеждение заметно влияют нравственные установки личности, ее социальные ориентации, индивидуальные склонности, привычки, предпочтения, а также мнения и убеждения адресата, совокупность которых называется коммуникативно-эпистемическим полем [2, с. 27].

М. М. Новосёлов выделял логический (форма, последовательность и взаимосвязанность аргументов), фактуальный (данные о фактах, которые предоставляются в качестве аргументов), риторический (способы эмоционального влияния, форма и стиль речи), аксиологический (ценностно-мировоззренческие идеалы) и этический (нравственные регулятивы) аспекты аргументации[1], которые влияют на ее результативность. В свою очередь, Е. П. Подкопаева акцентировала внимание на значимости риторического аспекта аргументации в коммуникационном дискурсе и выявила в его составе предметно-объективную и субъективную стороны [7, с. 219]. Предметно-объективной стороне соответствует логико-методологический аспект, а субъективной стороне – тактический (оптимальное применение схем, приемов, правил и методик построения процедуры аргументации) и коммуникативный аспекты. Между тем О. Г. Слизанова выделяла контекстный аспект аргументации (предполагает учет конкретных ситуативных особенностей аргументативного процесса, зависимость от коммуникативной компетентности адресата и отражает процессуальность аргументативного дискурса) и тактический (обозначает гибкость аргументативных стратегий в целедостижении, осуществляет оптимизацию и трансформацию этих тактик) [8, с. 225–226]. Достаточно убедительной является точка зрения Г. И. Малыхиной, которая вычленяет коммуникативный уровень аргументации (процесс формирования у аудитории убеждения в правильности точки зрения аргументатора) и логический (процесс обоснования одного положения с помощью других) [9, с. 264].

Интерес современных исследователей к изучению аспектов аргументации обусловлен актуальностью этого вопроса и необходимостью ее целостного и системного анализа, однако плюрализм взглядов в интерпретации данного вопроса свидетельствует о том, что единого подхода к классификации аспектов аргументационной процедуры пока нет. Автор данной статьи рассматривает аргументацию как логико-коммуникативную процедуру и выделяет в ее структуре логический и коммуникативный компоненты.

Следует проанализировать аспекты логического и коммуникативного компонентов аргументации, а также комплексно систематизировать приемы оптимизации процедуры аргументации, возможные ошибки и уловки.

Логическая аргументация связана с рациональным мышлением и основывается на логических правилах и законах трансляции информации, рациональных механизмах обоснования, а также на приемах опровержения ценностей активной стороны. Логический компонент аргументации представлен ее классической структурой (тезис – аргумент – демонстрация), процедурами доказательства (прямое и косвенное доказательство) и опровержения, а также правилами, применяемыми по отношению к тезису, аргументам и демонстрации. Суждение, истинность которого требуется доказать, является тезисом. Аргументами выступают истинные суждения, используемые при доказательстве тезиса. Демонстрацией называется форма доказательства, т. е. способ логической связи между тезисом и аргументами.

Традиционно аргументы логической аргументации делятся на те, которые касаются дела (*ad rem*), и те, которые апеллируют к человеку (*ad hominem*). Аргументы *ad rem* являются объективными, корректными и касаются сути доказываемого тезиса. К ним относятся аксиомы, теоремы, законы, суждения о фактах и определения.

Правила доказательного рассуждения подразделяются на правила тезиса, правила аргументов *ad rem* и правила демонстрации (форма обоснования тезиса). Их нарушение (использование спекулятивных приемов аргументации) приводит к появлению определенных логических ошибок. Стоит отметить, что спекулятивные приемы аргументации (применение хитростей и уловок, стремление ввести собеседника в заблуждение, навязать ему необходимые мысли, ценности и установки) следует отличать от риторических приемов аргументации.

К нарушению правил тезиса относятся следующие ошибки: *подмена тезиса*, или *логическая диверсия* (переключение внимания оппонента и слушателей на рассмотрение и доказательство другого утверждения) [3, с. 258; 6, с. 23; 10], *потеря тезиса* (постепенный переход от обсуждения одного вопроса к обсуждению иного вопроса) и *неясная формулировка тезиса* (неточность и двусмысленность

[1] *Новосёлов М. М.* Аргументация // Филос. энцикл. словарь / под ред. Л. Ф. Ильичева, П. Н. Федосеева, С. М. Ковалева и др. М. : Сов. энцикл., 1989. С. 36.

того, что доказывается или опровергается) [9, с. 283; 11, с. 123–124].

К спекулятивным приемам нарушения правил аргументов *ad rem* принадлежат прием *ложность оснований* (специальное либо непреднамеренное использование в качестве истинных аргументов ложных суждений[2]), прием *предвосхищения оснований* (наталкивание бездоказательных аргументов на тезис), уловка *порочного, или ложного, круга в доказательстве* (обоснование тезиса через аргументы, которые доказываются этим же тезисом), прием *не следует* (отсылка к аргументам, из которых логически не вытекает тезис[3]) и ошибка *лживого аргумента* (приведение преднамеренно ложных суждений в качестве доводов) [3, с. 259–260; 10; 11, с. 125–126; 12, с. 299].

Лживый аргумент представляет собой одну из разновидностей софизма. Видами данной уловки могут быть *шуточный лживый*, *тактический лживый* (выдвижение в качестве аргумента суждения, отрицающего то, что имеется в виду) и *неприкрытый лживый* (использование в качестве аргумента явно ложного утверждения в расчете на то, что оппонент промолчит) *аргументы*, *неправомерный аргумент к науке* (ссылка на несуществующие научные данные), *лживый аргумент в качестве предпосылки вопроса* (представление довода в виде вопроса), *вовсе не высказанный ложный аргумент* (умалчивание активной стороной ложного аргумента и выведение его собеседником), «*бабий*» *аргумент* (усиление аргумента оппонента до такой степени, что довод оказывается ложным), уловка *двойная бухгалтерия* (наличие у довода истинной и ложной трактовок, которые зависят от ситуации), уловка *аргумент в связке* (отсылка к предметам, к которым уже сформировано негативное отношение), уловка «*адвокатский*» *довод* (выдвижение в качестве аргумента якобы изначально ложного тезиса собеседника) и «*свинский*» *аргумент* (повторное обвинение оппонента в ошибке, которую он уже признал) [1, с. 210–213]. С. И. Поварнин был одним из первых, кто еще в 1918 г. подробно с примерами проанализировал *ложный* и *лживый доводы* («*бабий*», «*свинский*» и «*адвокатский*» *доводы*, уловку *двойная бухгалтерия* и др.) [10].

Аргументы *ad hominem* апеллируют к ссылкам на авторитет и чувствам (жалость, тщеславие и эгоизм), игре на публику, угрозам, намекам, обещаниям, т. е. касаются черт личности и психологии человека и считаются некорректными. При их использовании дискуссия превращается в эристический спор, в котором применяются всевозможные средства для достижения цели. К аргументам *ad hominem* (согласно С. И. Поварнину, В. Ф. Беркову, Г. И. Малыхиной и др.) традиционно относятся *ссылка на авторитет*, *довод к личности*, *довод к публике*, *игра на чувствах* (*аргумент к тщеславию*), *палочные доводы* (*апелляция к силе*), *чтение в сердцах*, *довод к выгоде* (*довод к карману*) и *аргумент «у них»*.

Ссылка на авторитет апеллирует к мнению авторитетной личности, которое необходимо доказать, так как известные люди не могут быть компетентны во всем. Доводы к авторитетам носят вероятностный характер. Считается нечестным приводить цитаты, изъятые из контекста. *Довод к личности* отсылает к обсуждению личных качеств собеседника, а не аргументов. Его хвалят либо критикуют, указывают на отрицательные качества индивида с целью вызвать недоверие у слушателей. *Довод к публике* предполагает влияние на чувства аудитории и эмоциональное воздействие на них. Такие эристические приемы, как *довод к личности*, *довод к публике* и *довод к авторитету*, не являются достаточными аргументами, но, дизъюнктивно присоединяясь к процессу аргументации, усиливают ее убеждающий эффект. *Игра на чувствах*, или *аргумент к тщеславию*, основывается на выражении похвалы и комплиментов, вызове зависти, жалости, сочувствия и других чувств у собеседника [9, с. 283–284; 10; 11, с. 126–127; 13, с. 245–246]. В свое время С. И. Поварнин выявил и охарактеризовал существование в спорах *палочных доводов*, которые представляют собой убеждение силой, угрозу неприятными последствиями или насилием. В. Ф. Берков назвал их *апелляциями к силе* (угроза прямым применением средств принуждения) [13, с. 246]. Уловка *чтение в сердцах* заключается в том, что софист не столько разбирает слова собеседника, сколько обрисовывает скрытые мотивы, благодаря которым что-либо высказывается [10]. Ю. В. Ивлев выделил такие аргументы, как *довод к выгоде* и *довод к карману*, т. е. к материальной выгоде [1, с. 215–216]. Подобный аргумент С. И. Поварнин назвал *переводом вопроса на точку зрения пользы или вреда* [10]. В. Ф. Берков отмечал частое использование *аргумента «у них»*.

Таким образом, авторы-логики статей и учебных пособий органично дополняют друг друга в перечислении аргументов *ad hominem*.

В рамках коммуникативного аспекта аргументации можно выделить психолого-этический, риторический, общеметодологический и лингвистический компоненты, а также систематизировать характерные для них ошибки и уловки. Обычно данные составляющие аргументационной процедуры не рассматриваются в учебниках по логике, потому что они относятся к содержанию делового общения и этикета.

Психолого-этический компонент аргументации представлен психологическими приемами воздействия на оппонента, психологическими способами оптимизации аргументации, ценностно-этическими

[2] В данном случае ложные суждения являются видом паралогизмов.
[3] С. И. Поварнин именует такие доводы произвольными. Они могут выступать и скрытыми произвольными доводами (приводятся не все мысли, нужные для того, чтобы сделать тот или иной вывод).

регулятивами и уловками. В социальном дискурсе психологические приемы аргументации могут ослаблять либо усиливать логические доводы. К психолого-этическим способам оптимизации взаимодействия между субъектами, по Н. В. Михалкину, относятся следующие: этический регулятив *уважительное и конкретное отношение к оппоненту*, согласно которому не рекомендуется прямо говорить оппоненту о его неправоте; правило коммуникации *об избегании преувеличений в изложении фактов*, т. е. об адекватном отражении события, не допускающем ложь и лицемерие; правило коммуникационной процедуры аргументации *о соответствии формы аргументов характеру оппонента*, т. е. о привлечении внимания предметом обращения и мотивировании к активному восприятию; необходимость *избегать наукообразных и общих выражений* в процессе аргументации, чтобы она была понята другими; психологический регулятив оптимизации взаимодействия между субъектами, или правило *о соответствии темпа и формы аргументации темпераменту оппонента*, т. е. об учете способности восприятия информации пассивной стороной. Как подтверждает практика, точно расставленные паузы оказывают большее воздействие, чем поток слов [3, с. 220–223]. В данную группу также можно включить выявленные и охарактеризованные С. И. Поварниным психологические приемы аргументации: уловку *ложный стыд* (намерение пристыдить собеседника в незнании чего-либо), *подмазывание аргумента* (запутанная и туманная форма недоказательного довода), уловку *внушение* (спокойная, отчетливая, самоуверенная, авторитетная речь, обладающая внешней убедительностью) [10].

Следующий блок регулятивов представлен риторическими приемами, которые позволяют оппоненту создать более эффектный по структуре и форме процесс передачи аргументации, и предполагает порядочные и честные взаимоотношения между собеседниками, базирующиеся на логически обоснованных суждениях. К таким способам оптимизации процесса передачи сведений оппоненту относятся *прямое обращение к оппоненту* (определяются социальные установки собеседника и его типаж), способ *противоречия* (выявляются рассогласованность и несоответствие в цепочке фактов и аргументов, подчеркивается положительное и значимое в аргументации собеседника), прием *сравнение* (сопоставляются предложенные аргументы с значимыми и ценными предметами для противника), способ *да…, но…* (используются позитивные и отрицательные моменты любой информации), прием *соединение частей* (очевидные сведения разделяются на отдельные блоки, оппонент самостоятельно соединяет их в единое целое и воспринимает передаваемую информацию как значимую), способ *видимая поддержка* (предварительно и тщательно изучается собеседник, его доводы включатся в аргументацию, например, соглашаясь для видимости с аргументами противника, можно раскрыть их несостоятельность в целом либо продемонстрировать свои аргументы, опровергая утверждения оппонента) [3, с. 224–229], а также прием *образность и наглядность в изложении аргументов*, являющийся дидактическим приемом оптимизации (используется строго индивидуально в зависимости от уровня подготовленности оппонента и его социокультурного контекста).

Комплекс вышеназванных риторических приемов аргументации эффективен как при непосредственном контакте с оппонентом, например в судебных заседаниях, так и при опосредованной коммуникации.

Следующие популярные риторические приемы рекомендуется применять при непосредственном (личном) взаимодействии с оппонентом. Способ *извлечение выводов* построен на сократическом методе аргументации и основан на знании причинно-следственных связей, в рамках которого активная сторона формулирует промежуточные выводы и принуждает собеседника следовать за ними. В результате создаются условия для принятия противником позиции аргументатора. Прием *бумеранг* используется только в диалоге, предполагает эффект внешнего воздействия и опасен при применении его противником. Способ *игнорирование* является и риторическим, и психологическим приемом, так как рассчитан на людей сильной воли, проявляющих сдержанность и гибкость ума, владеющих мимикой и интонацией голоса. Он заключается в игнорировании сказанного даже при наличии сильного аргумента. Прием *потенцирование* предполагает смещение акцента с рассматриваемого вопроса на тот, который интересен активной стороне. Способ *опрос* направлен на выяснение позиции собеседника с помощью заранее подготовленных вопросов, их последовательности, темпа, интонации и формы. Грамотно подобранные вопросы могут расположить к принятию тезиса либо к его полному отторжению [3, с. 230–232].

Общеметодологическим компонентом аргументации является совокупность тактических приемов аргументационного процесса. Данную группу приемов выделил Ю. В. Ивлев [1], а некоторые из них подробно описал С. И. Поварнин. Уловка *оттягивание возражения* рассчитана на выигрыш во времени, т. е. при наличии времени на обдумывание, например перерыв в дискуссии, могут быть найдены новые аргументы либо требуемые возражения [10]. Прием *сокрытие тезиса* направлен на первоначальное изложение аргументов и последовательное выведение тезиса из них. Он актуален тогда, когда оппонент не испытывает интереса к доказательству тезиса. Уловка *затягивание спора* используется при невозможности ответить на возражение или непра-

воту оппонента. Способ *разделяй и властвуй* применяется для вызова спора внутри группы и направлен на создание разногласий в коллективе. Суть приема *истина в молчании* заключается в критике аргументации противоположной стороны, а не в обосновании собственного тезиса. Способ *медлительности*, или *кунктации*[4], ориентируется на выжидание в споре для проверки своих аргументов и применение более сильных в конце аргументации. Некорректным с точки зрения этики является прием *игнорирование интеллектуалов*, заключающийся в неточном изложении фактов и материала. Применение *простой речи* предполагает наличие упрощенных рассуждений, житейских примеров и отсутствие иностранных слов речи. Оно направлено на малообразованную аудиторию [1, с. 193–197]. Прием *хаотическая речь* используется в ситуации, когда аргументатор не может обосновать оспариваемые тезисы. Способ *уловка Фомы* подразумевает, что применяющий его актор должен ни с чем не соглашаться [10].

Очевидно, что среди общеметодологических приемов есть явно выраженные риторические и психологические уловки, поэтому предложенная классификация носит достаточно условный характер.

К лингвистическому компоненту аргументации можно отнести языковые механизмы убеждающего воздействия и языковые средства организации аргументации. Они являются предметом изучения теории языка и подробно проанализированы в исследовании Т. Н. Савчук [4].

Заключение

Таким образом, многомерность феномена аргументации в социальном дискурсе проявляется в том, что аргументацию можно рассматривать как сложную модель, представленную логическим и коммуникативным компонентами. В свою очередь, в последней можно выделить психолого-этическую, риторическую, общеметодологическую и лингвистическую составляющие. В рамках каждого компонента функционируют свои правила аргументационной процедуры, используются соответствующие способы и приемы оптимизации аргументации, а также имеются характерные логические и спекулятивные уловки и ошибки. Успех аргументатора в социальном дискурсе зависит не только от внутренней логики построения аргументации и убежденности в истинности своих высказываний, но и от других обстоятельств, в том числе от применения психолого-этических, риторических, общеметодологических и лингвистических приемов оптимизации аргументационного процесса, уловок и совершаемых ошибок, знание которых важно для компетентной аргументации профессионала.

Библиографические ссылки

1. Ивлев ЮВ. *Логика для юристов*. Москва: Дело; 2003. 264 с.
2. Берков ВФ. Аргументация и вопрос. *Веснік Беларускага дзяржаўнага універсітэта. Серыя 3. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права.* 1992;3:25–29.
3. Михалкин НВ. *Логика и аргументация для юристов*. Москва: Юрайт; 2011. 363 с.
4. Савчук ТН. *Аргументация в дискурсе гуманитарных наук (на материале русско- и белорусскоязычных текстов)*. Минск: БГУ; 2019. 343 с.
5. Ивлев ЮВ, Новосёлов ММ, Бергман АС. Аргументация. Гуманитарный портал: концепты [Интернет]. 2022 [процитировано 14 февраля 2022 г.]. Доступно по: https://gtmarket.ru/concepts/7226.
6. Котельникова ЛА, Рузавин ГИ. Системный подход к процессу убеждения и аргументации. В: Герасимова ИА, редактор. *Теория и практика аргументации*. Москва: ИФ РАН; 2001. с. 7–27.
7. Подкопаева ЕП. Аргументация в структуре риторической коммуникации. В: *Сборник работ 60-й научной конференции студентов и аспирантов БГУ. Часть 3; 14–16 мая 2003 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2003. с. 217–220.
8. Слизанова ОГ. Аргументация как структурный компонент риторической коммуникации. В: *Сборник работ 62-й научной конференции студентов и аспирантов БГУ. Часть 2; 17–20 мая 2005 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2005. с. 225–229.
9. Малыхина ГИ. *Логика*. Минск: Вышэйшая школа; 2021. 384 с.
10. Поварнин СИ. Спор: о теории и практике спора [Интернет]. 1996 [процитировано 15 февраля 2022 г.]. Доступно по: https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/books/povarnin_spor.pdf.
11. Трушко МН. *Логика*. Минск: БГЭУ; 2004. 131 с.
12. Гетманова АД. *Логика для юристов*. Москва: Омега-Л; 2005. 424 с.
13. Берков ВФ. *Философия и методология науки*. Москва: Новое знание; 2004. 336 с.

References

1. Ivlev YuV. *Logika dlya yuristov* [Logic for lawyers]. Moscow: Delo; 2003. 264 p. Russian.
2. Berkov VF. [Argumentation and question]. *Vesnik Belaruskaga dzjarzhawnaga universitjeta. Seryja 3. Gistoryja. Filasofija. Palitalogija. Sacyjalogija. Jekanomika. Prava.* 1992;3:25–29. Russian.

[4]Кунктатор – прозвище древнеримского полководца Квинта Фабия Максима, оно было ему присвоено за медлительную реакцию в сражениях с Ганнибалом.

3. Mikhalkin NV. *Logika i argumentatsiya dlya yuristov* [Logic and argumentation for lawyers]. Moscow: Yurait; 2011. 363 p. Russian.

4. Savchuk TN. *Argumentatsiya v diskurse gumanitarnykh nauk (na materiale russko- i belorusskoyazychnykh tekstov)* [Argumentation in the discourse of the humanities (based on the material of Russian and Belarusian texts)]. Minsk: Belarusian State University; 2019. 343 p. Russian.

5. Ivlev YuV, Novoselov MM, Bergman AS. Argumentation. Humanitarian portal: concepts [Internet]. 2022 [cited 2022 February 14]. Available from: https://gtmarket.ru/concepts/7226. Russian.

6. Kotelnikova LA, Ruzavin GI. [A systematic approach to the process of persuasion and argumentation]. In: Gerasimova IA, editor. *Teoriya i praktika argumentatsii* [Theory and practice of argumentation]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; 2001. p. 7–27. Russian.

7. Podkopaeva EP. [Argumentation in the structure of rhetorical communication]. In: *Sbornik rabot 60-i nauchnoi konferentsii studentov i aspirantov BGU. Chast' 3; 14–16 maya 2003 g.; Minsk, Belarus'* [Collection of papers from the 60th scientific conference of Belarusian State University students and postgraduate students. Part 3; 2003 May 14–16; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2003. p. 217–220. Russian.

8. Slizanova OG. [Argumentation as a structural component of rhetorical communication]. In: *Sbornik rabot 62-i nauchnoi konferentsii studentov i aspirantov BGU. Chast' 2; 17–20 maya 2005 g.; Minsk, Belarus'* [Collection of papers from the 62nd scientific conference of undergraduate and graduate students of Belarusian State University. Part 2; 2005 May 17–20; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2005. p. 225–229. Russian.

9. Malykhina GI. *Logika* [Logic]. Minsk: Vyshjejshaja shkola; 2021. 384 p. Russian.

10. Povarnin SI. Dispute: on the theory and practice of dispute [Internet]. 1996 [cited 2022 February 15]. Available from: https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/books/povarnin_spor.pdf. Russian.

11. Trushko MN. *Logika* [Logic]. Minsk: Belarus State Economic University; 2004. 131 p. Russian.

12. Getmanova AD. *Logika dlya yuristov* [Logic for lawyers]. Moscow: Omega-L; 2005. 424 p. Russian.

13. Berkov VF. *Filosofiya i metodologiya nauki* [Philosophy and methodology of science]. Moscow: Novoe Znanie; 2004. 336 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 28.02.2022.
Received by editorial board 28.02.2022.

Психологические исследования

Psychological researches

УДК 159.922.8:316.346.36

ЛЮБОВНЫЕ АТТИТЮДЫ СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМИ СТИЛЯМИ ПРИВЯЗАННОСТИ

И. А. ФУРМАНОВ[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Изучены гендерные особенности детерминации любовных аттитюдов студентов с различными стилями привязанности. Для рассмотрения проблемы был проведен опрос, в котором приняли участие студенты 1–4-го курсов различных белорусских учреждений высшего образования (738 человек). Использовались методики «Шкала любовных аттитюдов» К. Хендрика и С. С. Хендрик и «Шкала взрослой привязанности» Н. Л. Коллинза. Установлено, что у мужчин надежный стиль привязанности положительно связан с аттитюдом *эрос*, а отрицательно – с аттитюдами *людус* и *сторге*; опасливый стиль привязанности имеет положительную корреляцию с аттитюдами *эрос* и *агапе*, а отрицательную с аттитюдом *людус*; озабоченный стиль привязанности положительно связан с аттитюдами *прагма* и *мания*, а отрицательно – с аттитюдом *эрос*; отвергающий стиль привязанности имеет положительную корреляцию с аттитюдом *людус*, а отрицательную – с аттитюдами *эрос* и *агапе*. У женщин только озабоченный стиль привязанности положительно связан с аттитюдами *мания* и *агапе*. Выявлено, что у мужчин надежный стиль привязанности является отрицательным предиктором *сторге*, опасливый стиль привязанности – положительным предиктором *мании*, озабоченный стиль привязанности – положительным предиктором *мании*, *агапе*, *прагмы* и отрицательным предиктором *эроса*, отвергающий стиль привязанности – положительным предиктором *людуса* и отрицательным предиктором *агапе* и *эроса*. Женские любовные аттитюды в меньшей степени подвержены влиянию стилей привязанности. Только опасливый стиль привязанности является положительным предиктором *мании*, а озабоченный стиль привязанности – положительным предиктором *мании* и *агапе*.

Ключевые слова: надежный стиль привязанности; озабоченный стиль привязанности; отвергающий стиль привязанности; опасливый стиль привязанности; любовные аттитюды; *эрос*; *людус*; *сторге*; *прагма*; *мания*; *агапе*.

Образец цитирования:
Фурманов ИА. Любовные аттитюды студентов с различными стилями привязанности. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2022;3:83–94.

For citation:
Fourmanov IA. Love attitudes of students with different attachment styles. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;3:83–94. Russian.

Автор:
Игорь Александрович Фурманов – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук.

Author:
Igor A. Fourmanov, doctor of science (psychology), full professor; head of the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social science.
fourmigor@gmail.com
https://orcid.org/0000-0003-1931-9751

CC BY NC

Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2022;3:83–94
Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2022;3:83–94

LOVE ATTITUDES OF STUDENTS WITH DIFFERENT ATTACHMENT STYLES

I. A. FOURMANOV[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The purpose of the article is to study the gender characteristics of the determination of students' love attitudes by different attachment styles. The survey involved 1st–4th year students of various Belarusian universities (738 persons). The study rests on the «Love Attitudes Scale» by K. Hendrik and S. S. Hendrik, «Adult Attachment Scale» by N. L. Collins. It was found that in men, a secure attachment style is positively associated with the attitude *eros*, and negatively with *ludus* and *storge*; fearful attachment style positively associated with *eros* and *agape*, and negatively with *ludus*; preoccupied attachment style positively associated with *pragma* and *mania*, and negatively with *eros*; the dismissing style of attachment is positively associated with *ludus*, and negatively with *eros* and *agape*. In women, only preoccupied attachment style is positively correlated with *mania* and *agape* attitudes. It was shown that in men, a secure attachment style is a negative predictor of *storge*; fearful attachment style is a positive predictor of *mania*, preoccupied attachment style is a positive predictor of *mania*, *agape*, *pragma* and a negative predictor of *eros*, dismissing attachment style is a positive predictor of *ludus* and a negative predictor of *agape* and *eros*. Women's love attitudes are less influenced by attachment styles – only fearful attachment style is a positive predictor of *mania*, and preoccupied attachment style is a positive predictor of *mania* and *agape*.

Keywords: secure attachment style; preoccupied attachment style; dismissing attachment style; fearful attachment style; love attitudes; *eros*; *ludus*; *storge*; *pragma*; *mania*; *agape*.

Введение

Студенческий возраст демографически, субъективно и психологически отличается от других периодов жизни. Индивиды в возрасте от 18 до 21 года не являются ни подростками, ни взрослыми. Они находятся в процессе становления взрослости.

Развитие и поддержание романтических отношений занимают центральное место в жизни формирующихся взрослых и являются главными онтогенетическими задачами при переходе к взрослой жизни. Романтические отношения составляют важную часть повседневной жизни студентов. Часть обучающихся считают свои романтические увлечения самыми близкими отношениями, которые у них есть. Вместе с тем существует один важный момент, на который следует обратить внимание: романтические отношения, переживаемые в период становления зрелости, отличаются от отношений подросткового возраста. В подростковый период романтические отношения в основном ориентированы на получение удовольствия и удовлетворение потребности в дружеском общении, поэтому они не длятся очень долго. Романтические отношения в период становления зрелости, напротив, становятся серьезными, более интимными и преданными. Взрослые ищут партнера если не на всю жизнь, то, по крайней мере, на достаточно длительный срок [1]. Поэтому поиск романтического партнера, установление и поддержание долгосрочных отношений с ним – это важнейшие социальные процессы, к достижению которых стремятся различные индивиды [2]. Наличие качественных отношений является значимым коррелятом благополучия, счастья, психологического и физического здоровья.

Романтические отношения обычно начинаются со страстной привязанности, отчего любовь является неотъемлемой частью и одной из наиболее важных особенностей человеческого опыта. Стиль любви включает аттитюды и убеждения людей о любви, реализующиеся во взаимодействии, определяющие их переживания и направляющие поведение по отношению к человеку, которого они любят [3]. Однако стили любви варьируются у разных людей, поскольку культурные нормы и ценности, а также опыт раннего детства оказывают большое влияние на значение, которое люди приписывают романтической любви.

Теория привязанности создала научные предпосылки для понимания индивидуальных различий в стилях любовных отношений [4; 5]. С точки зрения этой теории любовь есть динамическое состояние, включающее потребности и способности обоих партнеров к привязанности, заботе и сексу. Одно из основных ее предположений состоит в следующем: взрослые вступают в отношения с собственной историей межличностного опыта и уникальным набором воспоминаний, убеждений и ожиданий, которые формируют то, что они думают о своих отношениях, что чувствуют в них и как они ведут себя в этих отношениях [6]. В настоящей работе была предпринята попытка рассмотреть эти аспекты романтических отношений, чтобы лучше понять, как молодые люди студенческого возраста трактуют любовь, какими аттитюдами руководствуются в своих любовных отношениях и как, возможно, они будут действовать в этих отношениях исходя из существующих у них стилей привязанности.

Стили привязанности. Концепция привязанности была разработана Дж. Боулби [4] на основании эмпирического исследования детей, а затем продуктивно развита М. Д. Эйнсворт [7] в теорию привязанности. Биологическая функция системы привязанности состоит в том, чтобы защитить человека (особенно в младенчестве и раннем детстве) от опасности, гарантируя, что он будет сохранять близость с заботливыми и поддерживающими другими людьми. По мнению Дж. Боулби, потребность в поиске и поддержании близости с фигурами привязанности развилась в связи с длительной беспомощностью и полной зависимостью младенцев, неспособных защитить себя от внешних опасностей.

Вкратце данная теория утверждает, что в соответствии с отношениями, переживаемыми в младенчестве, такими как отношения с родителями, попечителями и значимыми другими, которые могут быть более или менее отзывчивыми и доступными, дети развивают надежный или ненадежный тип привязанности. Такие диспозиционные типы привязанности влияют на представления и ожидания детей (более или менее позитивные) в отношении себя и других и, следовательно, определяют способы взаимоотношений и взаимодействий с этими другими. Надежные или ненадежные типы привязанности встроены во внутренние рабочие модели, которые развиваются от младенчества до зрелости. Теория привязанности предполагает, что индивиды с надежным стилем привязанности при столкновении с другой нуждающейся личностью с большей вероятностью отреагируют состраданием и будут ориентированы на оказание помощи. Индивиды с ненадежными стилями могут оставаться безразличными к другим или, наоборот, реагировать тревогой, что, вероятно, никак не мотивирует стремление к близости и оказанию поддержки [8; 9]. В зрелом возрасте тип привязанности личности все еще влияет на ее ожидания (позитивные или негативные) относительно будущих отношений и, следовательно, на последствия данных отношений. Об этом свидетельствуют потребности взрослых в близости и поддержке и их длительные эмоциональные реакции на потерю фигур привязанности.

В последующем исследования стилей привязанности были продолжены и расширены. В настоящее время преобладающим является мнение о том, что отзывчивость первичных опекунов и значимых других в детстве способствует развитию надежной привязанности на протяжении всей жизни, что, в свою очередь, облегчает здоровые и заботливые отношения во взрослом возрасте [9; 10]. Если в младенчестве функции привязанности выполняют первичные опекуны (родители, бабушки и дедушки, старшие братья и сестры и др.), то в зрелом возрасте именно романтические партнеры становятся наиболее важными фигурами привязанности, так что сохранение близости с этими партнерами в трудных ситуациях является важнейшим источником поддержки, комфорта и уверенности. Однако не каждый романтический партнер становится главной фигурой привязанности. Часто его превращение в такую фигуру – это постепенный процесс, который зависит от того, насколько человек функционирует в качестве следующих объектов: как мишень для поиска близости; как источник защиты, комфорта, поддержки и помощи в трудные времена (безопасное убежище); как надежная база, побуждающая человека преследовать свои цели в безопасном контексте отношений. Эти три функции в основном обнаруживаются в длительных, высоко преданных романтических отношениях.

Первыми исследовать стили привязанности взрослых в ситуации романтических отношений стали К. Хазан и Ф. Р. Шейвер [5]. Они считали, что любовь – это отношения привязанности, которые имеют важные общие черты с привязанностью в период детства. Ими были выделены три стиля привязанности у взрослых: надежный (доверие к партнерам и ожидание их доступности и отзывчивости, комфорт в близких и взаимозависимых отношениях, способность конструктивно справляться с угрозами и стрессорами), избегающий (дискомфорт от близости и зависимости от партнеров по отношениям, предпочтение эмоциональной дистанции, надежда на самого себя) и тревожный (сильное желание близости и защиты, интенсивные переживания по поводу доступности партнера и собственной ценности для него).

Н. Л. Коллинз и С. Дж. Рид [10] также предложили рассматривать три стиля взрослой привязанности в ситуации любовных отношений, которые они определили как близость (степень комфортности индивида в близких интимных отношениях), зависимость (степень комфортности индивида при зависимости от других и уверенности в том, что при необходимости можно на них положиться) и тревога (степень боязни и волнения индивида по поводу возможности быть отвергнутым и брошенным другими).

Позже К. Бартоломью [11; 12] выделила четыре отличных друг от друга типа привязанности: надежный (характеризуется позитивными моделями *Я* и *Других*, внутренним чувством собственного достоинства и чувством комфорта в близких отношениях), озабоченный (характеризуется негативной моделью *Я* и позитивной моделью *Других*, тревожным стремлением к получению признания и одобрения от других, упорной верой в то, что достижение безопасности или получение защиты возможно, если заставить других относится должным образом), отвергающий (характеризуется позитивной моделью *Я* и негативной моделью *Других*, личность избегает близости из-за негативных ожиданий, однако

и стремится к сохранению чувства собственного достоинства, защищаясь отрицанием ценности близких отношений) и опасливый (характеризуется негативными моделями *Я* и *Других*, сильной зависимостью от принятия и признания других, однако из-за своих негативных ожиданий отличается стремлением к избеганию близости, чтобы предотвратить боль потери или отвержения). К. Бартоломью исходила из того, что стили привязанности более уместно рассматривать в двумерном пространстве. Первое измерение (избегание привязанности) отражает степень неверия в доброжелательность партнеров по отношениям, которое мотивирует сохранение поведенческой независимости и эмоциональной дистанции от партнеров. Второе измерение (тревога привязанности) отражает степень беспокойства человека о том, что партнер не будет доступен в трудную минуту.

Считается, что индивиды, имеющие низкие показатели по обоим измерениям, надежны или надежно привязаны [13]. Вместе с тем в целом ряде исследований выявлено, что ненадежность, неуверенность в привязанности, определяемые с точки зрения измерения тревоги и избегания у романтических партнеров, связаны с низким уровнем стабильности отношений, удовлетворенности и адаптации, с меньшей степенью близости, любви, доверия и преданности в отношениях, с разрушительными для отношений паттернами эмоциональных реакций на поведение партнера и дезадаптивными стратегиями разрешения конфликтов, с негативными ожиданиями относительно поведения партнера и разрушающими отношения объяснениями негативного поведения партнера [14].

В заключение следует отметить, что теория привязанности является обоснованной и надежной с точки зрения усвоенных диспозиций касательно межличностных отношений. Стиль привязанности (особенно надежного типа) остается стабильным на протяжении достаточно долгого времени. Надежная привязанность характеризуется верой в длительные романтические отношения и приверженностью им. Ненадежные стили привязанности сильно подвержены влиянию ситуационных событий.

Стили любви. Стиль любви включает аттитюды и убеждения людей о любви, реализующиеся во взаимодействии, определяющие их переживания и направляющие поведение по отношению к человеку, которого они любят. Социолог Дж. А. Ли разработал цветовую теорию любви [15; 16] и предложил собственную оригинальную типологию любовных стилей, которые образуют замкнутый круг. Он выделил три основных цвета (типа) любовных стилей: *эрос* (романтичная, страстная любовь), *людус* (игривая любовь) и *сторге* (любовь-дружба). К дополнительным Дж. А. Ли отнес еще три любовных стиля – *прагму* (логическая, расчетливая любовь), *манию* (собственническая, зависимая любовь) и *агапе* (беззаветная, самоотверженная любовь). И хотя дополнительные стили являются производными от пар основных стилей (*прагма* от *сторге* и *людуса*, *мания* от комбинации *эроса* и *людуса*, *агапе* от *эроса* и *сторге*), они выступают как самостоятельные образования. Примечательно и то, что у каждого стиля есть собственные качественные отличительные черты, независимые от всех других стилей.

Позднее К. Хендрик и С. С. Хендрик [17] разработали опросник, который позволил оценить шесть любовных стилей, указанных выше. На основании факторизации полученных ответов были получены шесть ортогональных факторов, совпадающих с предложенными Дж. А. Ли.

Таким образом, в результате операционализации и факторизации можно кратко охарактеризовать шесть видов любовных аттитюдов [15–17].

Эрос характерен для аттитюдов индивидов со страстным и романтическим отношением к любви. Он основан на глобальной увлеченности, а также на физической и эмоциональной привлекательности партнера.

Людус – типичный аттитюд индивидов, которые воспринимают любовь как игру. Они сосредоточены на получении удовольствия здесь и сейчас и поэтому строят свои отношения так, чтобы всегда быть свободными от обязательств.

Сторге – это аттитюд дружеской любви, поскольку индивиды с таким стилем любви склонны питать и выражать дружеские чувства по отношению к партнеру. Их отношения в паре также основаны скорее на сходных с партнером интересах, предпочтениях и обязательствах, чем на страсти.

Прагма свойственен для индивидов, которые имеют прагматические и рациональные аттитюды в отношении любви. По этой причине они склонны как выбирать партнера на основе характеристик, которые они считают важными для себя, так и искать партнеров, с которыми они могут разделить общие цели.

Мания – это выражение маниакального отношения к любви, подразумевающего собственническое, навязчивое и ревнивое поведение. Индивиды с таким аттитюдом любви постоянно нуждаются в том, чтобы партнер их любил.

Агапе – аттитюд любви, присущий индивидам с альтруистическими установками и поведением. Они склонны жить безусловной, бескорыстной любовью и готовы жертвовать всем ради тех, кому они оказывают поддержку, заботу и уважение.

Взаимосвязь стилей привязанности и стилей любви. К. Хендрик и С. С. Хендрик [18] утверждали, что стили привязанности можно рассматривать в качестве строительных блоков межличностных от-

ношений, в то время как стили любви отражают любовные убеждения и аттитюды. Связь между стилями привязанности и любовными аттитюдами уже обсуждалась в целом ряде исследований, однако их результаты достаточно противоречивы.

Надежный стиль привязанности. Наиболее согласованные данные существуют по поводу положительной связи надежного стиля, выделяющегося доверием и позитивными ожиданиями относительно отношений, с *эросом* [18–23] и *агапе* [10; 18; 20]. Вместе с тем в некоторых исследованиях гипотеза о существовании связи между надежным стилем, *эросом* [24] и *агапе* [21; 24] не подтвердилась. Также были выявлены отрицательные корреляции данного стиля привязанности с *людусом* [10; 19; 20; 23], *сторге* [10; 23], *прагмой* [10; 23] и *манией* [23].

Озабоченный стиль привязанности. Этот стиль, характеризующийся тревогой по поводу расставания и отсутствия любви, значимо положительно связан с аттитюдами *мания* [19; 21; 22; 24–26], *агапе* и *прагма* [24]. Но в одних исследованиях озабоченный стиль был положительно связан с *людусом* и отрицательно с *эросом* [22], а в других – наоборот [27].

Отвергающий стиль привязанности. Данный стиль, отличающийся дискомфортом в близких и зависимых отношениях, положительно связан со стилем любви *людус* [18; 19; 24] и отрицательно коррелирует с *эросом* [19; 21], *прагмой* [27] и *агапе* [19].

Опасливый стиль привязанности. Было установлено, что готовность к зависимости от других связана с любовным стилем *сторге* [22] и отрицательно коррелирует с *людусом* и *прагмой* [27].

Анализ литературы показывает, что такое рассогласование полученных результатов исследования может быть вызвано целым рядом причин. Долгое время считалось, что стили привязанности являются некоторой константой. Однако более поздние исследования показали, что привязанность не является фиксированной и стабильной. В частности, Дж. Бельски [28] обнаружил, что 50 % людей не вписываются в одну и ту же категорию привязанности после повторного тестирования через три месяца. Эти работы также подтверждают идею о том, что романтические отношения сами по себе могут регулировать стиль привязанности индивида и влиять на человека. Проведенные ранее исследования представляют результаты, полученные на совмещенных по гендеру выборках, что, с точки зрения автора настоящей статьи, не совсем корректно. Например, есть достаточно убедительные доказательства существования половых различий в стилях привязанности и любовных аттитюдах [29; 30]. Отмечается, что гендерные различия в типах привязанности, характерные для периода взрослости, появляются уже в среднем детстве [31]. В результате проведенного метаанализа было определено, что мужчины, по сравнению с женщинами, имеют более высокие показатели избегания и более низкие показатели тревоги [32]. К. Бартоломью и Л. М. Хоровиц [13] установили, что женщины и мужчины не отличаются по оценкам надежного и опасливого стилей, однако женщины имеют более высокие оценки озабоченного стиля и более низкие оценки отвергающего стиля, чем мужчины. Кроме того, обращалось внимание на наличие гендерных различий в любовных аттитюдах [33–35]. Причины рассогласования результатов связаны также с разными объемами и составами выборок респондентов.

Исходя из вышеизложенного, было сделано первое предположение о существовании значимых гендерных различий во взаимосвязях стилей привязанности и любовных аттитюдов.

Второе предположение касалось проблемы детерминации любовных аттитюдов стилями привязанности. Как известно, наличие корреляционных взаимосвязей не позволяет сделать однозначный вывод о причинно-следственных зависимостях, а тем более составить прогноз влияния стилей привязанности на любовные аттитюды. В литературе по этому поводу также приводятся не вполне согласованные данные. В частности, было установлено, что тревожный стиль привязанности являлся положительным предиктором *агапе* и отрицательным предиктором *мании*, а избегающий стиль привязанность выступал прогнозным показателем *людуса* [36]. В других исследованиях тревожный стиль привязанности предсказывал такие стили любви, как *мания* и *людус*, а гипотеза о влиянии надежного и избегающего стилей на аттитюд *мании* не подтвердилась [25].

Таким образом, в настоящем исследовании были поставлены задачи: установить гендерные различия во взаимосвязях стилей привязанности и любовных аттитюдов и определить гендерные особенности предикции любовных аттитюдов студентов стилями взрослой привязанности.

Материалы и методы исследования

При проведении исследования использовали методику «Шкала любовных аттитюдов» (*Love Attitudes Scale*) К. Хендрика и С. С. Хендрик [17], адаптированную И. А. Фурмановым (состоит из 42 утверждений, сгруппированных в 6 шкал (*эрос*, *людус*, *сторге*, *прагма*, *мания* и *агапе*; значение α-Кронбаха для указанных шкал находилось в диапазоне 0,78–0,86) и оценивающих 6 основных стилей любви на основе многомерной теории любви Дж. А. Ли [15; 16]). Для дифференциации ответов применялась 5-балльная шкала Ликерта.

Также в работе использовалась методика «Шкала взрослой привязанности» (*Adult Attachment Scale*)

Н. Л. Коллинз [37], адаптированная И. А. Фурмановым [38] (состоит из 18 утверждений, каждое из которых оценивается по 5-балльной шкале Ликерта). Она определяет выраженность 3 типов привязанности – близости, зависимости, тревоги (значение α-Кронбаха для указанных шкал находилось в диапазоне 0,77–0,85). Использование четвертого измерения – избегания (значение α-Кронбаха составило 0,82) – согласно рекомендации авторов методики [39] позволило соотнести полученные стили с такими категориями стилей привязанности в модели К. Бартоломью и Л. М. Хоровица [13], как надежный (близость), опасливый (зависимость), озабоченный (тревога) и отвергающий (избегание).

В исследовании приняли участие 738 студентов (284 мужчины, 454 женщины). Средний возраст выборки составил 20,14 ± 1,68.

Для статистической обработки данных применялся корреляционный анализ Пирсона (*r*-Пирсона), множественный регрессионный анализ с использованием пошагового метода (критерий Фишера (*F*-тест), критерий Стьюдента (*t*-Стьюдента), уровень их статистической значимости (*p*), коэффициент множественной корреляции (КМК) и коэффициент множественной детерминации (КМД)).

Результаты и их обсуждение

Корреляционный анализ позволил выявить следующие взаимосвязи стилей привязанности и любовных аттитюдов мужчин (рис. 1): надежный стиль привязанности связан с аттитюдами *эрос* ($r = 0{,}19$; $p = 0{,}025$), *людус* ($r = -0{,}32$; $p \leqslant 0{,}001$) и *сторге* ($r = -0{,}17$; $p = 0{,}041$); опасливый стиль привязанности – с аттитюдами *эрос* ($r = 0{,}17$; $p = 0{,}049$), *людус* ($r = -0{,}27$; $p = 0{,}001$) и *агапе* ($r = 0{,}20$; $p = 0{,}016$); озабоченный стиль привязанности – с аттитюдами *эрос* ($r = -0{,}19$; $p = 0{,}022$), *прагма* ($r = 0{,}23$; $p = 0{,}006$) и *мания* ($r = 0{,}48$; $p \leqslant 0{,}001$); отвергающий стиль привязанности – с аттитюдами *эрос* ($r = -0{,}21$; $p = 0{,}013$), *людус* ($r = 0{,}36$; $p \leqslant 0{,}001$) и *агапе* ($r = -0{,}21$; $p = 0{,}013$).

Анализ количества положительных корреляционных связей показал, что мужчины с опасливым и озабоченным стилями привязанности интенсивнее и разнообразнее относятся к любовным отношениям. Более однозначные и определенные любовные аттитюды имеют надежные и отвергающие мужчины.

В сравнении с мужчинами взаимосвязи стилей привязанности и любовных аттитюдов женщин существенно отличаются (рис. 2). Так, у женщин только озабоченный стиль привязанности коррелирует с аттитюдами *мания* ($r = 0{,}45$; $p \leqslant 0{,}001$) и *агапе* ($r = 0{,}24$; $p \leqslant 0{,}001$).

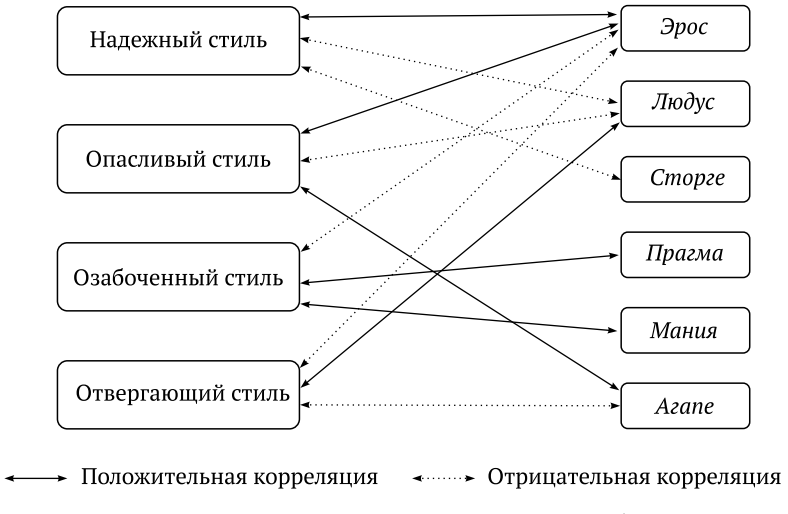


Рис. 1. Взаимосвязь стилей привязанности мужчин с любовными аттитюдами
Fig. 1. The relationship of men's attachment styles and love attitudes

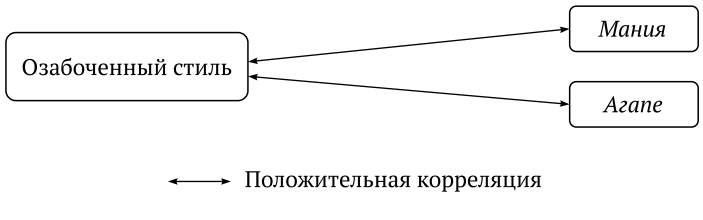


Рис. 2. Взаимосвязь озабоченного стиля привязанности женщин с любовными аттитюдами
Fig. 2. The relationship of women's preoccupied attachment style and love attitudes

Проведение множественной пошаговой регрессии позволило проанализировать возможности прогноза проявления любовных аттитюдов при различных стилях привязанности (табл. 1, 2).

В результате было установлено, что для мужчин с любовным аттитюдом *эрос* отрицательными предикторами являются отвергающий и озабоченный стили привязанности (модель объясняет 7 % дисперсии), с любовным аттитюдом *людус* положительным предиктором выступает отвергающий стиль привязанности (модель объясняет 11 % дисперсии), с любовным аттитюдом *сторге* отрицательным предиктором оказывается надежный стиль привязанности (модель объясняет 3 % дисперсии), с любовным аттитюдом *прагма* положительным предиктором становится озабоченный стиль привязанности (модель объясняет 5 % дисперсии), с любовным аттитюдом *мания* положительными предикторами являются озабоченный и опасливый стили привязанности (модель объясняет 26 % дисперсии), с любовным аттитюдом *агапе* положительным предиктором выступает озабоченный стиль, а отрицательным – отвергающий стиль привязанности (модель объясняет 8 % дисперсии).

Таблица 1

Результаты регрессионного анализа взаимосвязи стилей привязанности и любовных аттитюдов у мужчин

Table 1

Results of regression analysis of the relationship between attachment styles and love attitudes in men

Любовный аттитюд	Стиль привязанности	*B*	Стандартная ошибка	β	*t*	*p*
Эрос	Отвергающий	–0,201	0,090	–0,185	–2,239	0,027 0
	Озабоченный	–0,125	0,063	–0,165	–1,994	0,048 0
Людус	Отвергающий	0,388	0,092	0,335	4,205	0,000 1
Сторге	Надежный	–0,161	0,078	–0,171	–2,059	0,041 0
Прагма	Озабоченный	0,174	0,062	0,230	2,798	0,006 0
Мания	Озабоченный	0,463	0,069	0,490	6,710	0,000 1
	Опасливый	0,186	0,086	0,158	2,165	0,032 0
Агапе	Отвергающий	–0,301	0,105	–0,236	–2,872	0,005 0
	Озабоченный	0,169	0,073	0,189	2,296	0,023 0

Примечание. Для *эроса* КМК = 0,265; КМД = 0,070; $F = 5{,}249$; $p = 0{,}006$. Для *людуса* КМК = 0,335; КМД = 0,112; $F = 17{,}685$; $p < 0{,}000\,1$. Для *сторге* КМК = 0,171; КМД = 0,029; $F = 4{,}241$; $p = 0{,}041$. Для *прагмы* КМК = 0,230; КМД = 0,053; $F = 7{,}831$; $p = 0{,}006$. Для *мании* КМК = 0,509; КМД = 0,259; $F = 24{,}335$; $p < 0{,}000\,1$. Для *агапе* КМК = 0,280; КМД = 0,079; $F = 5{,}931$; $p = 0{,}003$.

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа взаимосвязи стилей привязанности и любовных аттитюдов у женщин

Table 2

Results of regression analysis of the relationship between attachment styles and love attitudes in women

Любовный аттитюд	Стиль привязанности	*B*	Стандартная ошибка	β	*t*	*p*
Мания	Озабоченный	0,372	0,047	0,479	7,904	0,000 1
	Опасливый	0,128	0,061	0,127	2,091	0,038 0
Агапе	Озабоченный	0,201	0,055	0, 236	3,640	0,000 1

Примечание. Для *мании* КМК = 0,467; КМД = 0,218; $F = 31{,}292$; $p < 0{,}000\,1$. Для *агапе* КМК = 0,236; КМД = 0,056; $F = 13{,}250$; $p < 0{,}000\,1$.

Женские любовные аттитюды в меньшей степени подвержены влиянию стилей привязанности. В частности, только *мания* положительно прогнозируется озабоченным и опасливым стилями привязанности (модель объясняет 22 % дисперсии), а *агапе* –озабоченным стилем привязанности (модель объясняет 6 % дисперсии). Следует обратить внимание на то, что общим для мужчин и женщин является позитивное влияние опасливого стиля привязанности на *манию* и озабоченного стиля привязанности на *манию* и *агапе*.

Как уже отмечалось выше, мужчины с надежным стилем привязанности отличаются более высокими показателями *эроса* и более низкими оценками *людуса* и *сторге*. С точки зрения автора настоящей статьи, полученные данные концептуально вполне закономерны. Мужчины, стиль привязанности которых характеризуется позитивными моделями *Я* и *Других*, уверенностью в себе, чувством собственного достоинства и интересом к установлению и поддержанию отношений без утраты личностной автономии, а также последовательностью и вдумчивостью в обсуждении отношений с партнером и связанных с ними вопросов, будут стремиться к поиску страстной любви и романтического идеала. *Эрос* как раз и отличается стремлением к эмоциональной и сексуальной близости, интенсивным эмоциям и погружению в отношения, сильным влечением к возлюбленному, ориентацией на физические кондиции и привлекательность партнера. Иными словами, надежно привязанный мужчина с эротическим стилем любви выделяется тем, что он уверен в своей и партнерской любви, способен связать себя любовными отношениями и поддерживать тесные контакты в них.

Совершенно очевидно, что для мужчин с надежным стилем привязанности не может быть характерна склонность к любовным играм, куртуазная любовь, которая сопровождается случайными связями и избеганием близости и интенсивности в отношениях (*людус*). Кроме того, мужчины с такими стилевыми особенностями, вероятно, достаточно четко различают любовь к партнеру (*эрос*) и товарищескую дружбу (*сторге*), явно отдавая предпочтение любви в романтических отношениях.

Полученные данные отчасти согласуются с результатами исследований, в которых также были обнаружены положительные связи надежного стиля привязанности с *эросом* [18–23] и отрицательные – с *людусом* [10; 19; 20; 23] и *сторге* [10; 23].

Мужчины с опасливым стилем привязанности контрастируются более высокими оценками *эроса* и *агапе* и низкими оценками *людуса*. Опасливый стиль привязанности характеризуется негативными моделями *Я* и *Других*, а также существованием двух несовместимых потребностей. С одной стороны, эти индивиды ищут внешнее подтверждение (признание) и желают близости и зависимости в отношениях, стремятся к тесным и интимным отношениям (*эрос*), демонстрируют готовность к самопожертвованию ради благополучия партнера, стремление поддерживать партнера, при этом они не ожидают взаимности, желание любить беззаветно и терпеливо (*агапе*). С другой стороны, такие мужчины не доверяют другим и страшатся отвержения, возможно, из-за неудач в прошлых отношениях и нежелания поставить себя под угрозу снова, они избегают контактов, близости и интенсивности в случайных отношениях, предпочитают «играть в любовь» со многими партнерами в один момент времени (*людус*).

Выявленные отрицательные взаимосвязи опасливого стиля привязанности и *людуса* согласуются с данными, полученными в исследованиях на выборке пакистанских студентов [27].

Мужчины с озабоченным стилем привязанности, отличающиеся негативной моделью *Я*, но позитивной моделью *Других*, имеют сильные потребности во внешнем подтверждении. Как правило, индивиды с таким стилем зависимы от принятия другими людьми, чрезмерно вовлечены в близкие отношения (причем не просто их желают, а озабочены этими отношениями), склонны идеализировать людей, подвержены непоследовательной и преувеличенной эмоциональности при обсуждении собственных романтических отношений. Вероятно, эти особенности и определяют выбор мужчинами практичной и рациональной модели любовных отношений (*прагма*). Акцент в отношениях делается на желаемых признаках возлюбленного и таких социальных и личностных характеристиках, которые соответствуют определенным стандартам или заданным параметрам, поэтому усилия направляются на то, чтобы хорошо узнать партнера, прежде чем брать на себя какие-либо обязательства.

Мужчины с отвергающим стилем привязанности, характеризующиеся позитивной моделью *Я*, но негативной моделью *Других*, стремящиеся к поддержанию уверенности в своих силах, независимости и неуязвимости, делающие акцент на своей самостоятельности, часто защищают себя от разочарований, избегая близких отношений. Вероятно, именно поэтому мужчины с данным стилем привязанности отдают предпочтение игривой любви (*людус*), которая не требует эмоциональной вовлеченности, позволяет получать наслаждение от разнообразия партнеров и встреч с более чем одним человеком одновременно, при которой допускается неверность и измены в отношениях.

Взаимосвязь озабоченного стиля привязанности с аттитюдом *мания* объединяет мужчин и женщин.

Как отмечается, мания – это любовь, основанная на неуверенности в себе и возлюбленном. Индивид с аттитюдом *мания*, склонный испытывать неуверенность в отношениях, часто опасается, что его чувства не будут взаимными, и нуждается в большом количестве заверений в любви. Поэтому собственнические взгляды на партнера и стабильное переживание ревности являются отличительными признаками такого рода любовных отношений. Подобные результаты были получены в целом ряде исследований [19; 21; 22; 24–26].

Кроме того, для женщин с озабоченным стилем привязанности может быть характерна альтруистическая, беззаветная, нетребовательная, терпеливая, благосклонная, центрированная на другом любовь, которая отличается высокой готовностью к самопожертвованию ради благополучия партнера (*агапе*).

Отмеченные особенности взаимосвязей стилей привязанности и любовных аттитюдов, возможно, объясняются результатами лонгитюдных исследований половых различий при вступлении в романтические отношения. Было установлено, что мужчины склонны влюбляться с большей готовностью, а женщины менее романтичны и более осторожны при вступлении в романтические отношения, чувствительны к проблемам своих отношений, склонны сравнивать их с альтернативами и прерывать отношения, которые кажутся неудачными, а также лучше справляются с отказом [40].

Как упоминалось выше, гендерные различия в корреляционных связях между стилями привязанности и любовными аттитюдами дают информацию, скорее, о текущем, существующем на данный момент состоянии романтических отношений. В связи с этим определенный научный интерес представляют данные, позволяющие выявить некоторые закономерности причинно-следственных связей между стилями привязанности и любовными аттитюдами.

В частности, было установлено, что стили привязанности как у мужчин, так и у женщин в качестве независимых переменных играют достаточно «скромную» роль в предсказании проявления того или иного любовного аттитюда. Об этом свидетельствуют их невысокие вклады в дисперсию показателей любовных аттитюдов. В принципе, полученные данные согласуются с целым рядом исследований, которые доказывают, что на любовные аттитюды оказывают влияние демографические, личностные установочные и поведенческие переменные [35].

Представляют интерес стили привязанности, имеющие более высокие в сравнении с другими коэффициенты детерминации аттитюдов любви.

В данном случае речь идет о предсказании озабоченным и опасливым стилями привязанности любовного аттитюда *мания* и у мужчин, и у женщин.

Если следовать точке зрения К. Бартоломью и Л. М. Хоровица [13], озабоченный и опасливый стили относятся к тревожно-амбивалентному типу привязанности. В частности, тот и другой характеризуются негативной моделью *Я*. Различие состоит в том, что первый отличается позитивной моделью *Других*, а второй – негативной моделью *Других*, что и определяет амбивалентное отношение к иным людям, в том числе к романтическим партнерам.

Тревожно-амбивалентный тип привязанности характеризуется отсутствием уверенности в надежной реактивности других. Как уже отмечалось, основной целью любого поведения привязанности является достижение состояния ощутимой безопасности. В случае тревожно-амбивалентной привязанности это осуществляется и иногда достигается путем огромных затрат ментальной энергии и приложения поведенческих усилий к тому, чтобы удержать других рядом с собой. В исследованиях тревожно-амбивалентная привязанность взрослых коррелировала с навязчивой озабоченностью, реактивностью романтического партнера, влюбчивостью, чрезмерной ревнивостью, подверженностью страху, тревоге и одиночеству, низкой самооценкой [10; 24]. Все перечисленные характеристики прекрасно объясняют обсессивную природу любовного аттитюда *мания*.

Изложенные выше данные согласуются и с результатами работ, в которых отмечается, что тревожный [22] и амбивалентный [25] ненадежные стили привязанности взаимосвязаны и являются прогнозными показателями *мании*.

Заключение

Полученные результаты исследования показывают, что стили привязанности, как ментальные модели общего функционирования близких взаимодействий, оказывают влияние на содержание аттитюдов, которые могут определять специфику любовных связей и моделей поведения в романтических отношениях. Поэтому знания о взглядах на любовные отношения и установках студентов с различными стилями привязанности позволит прогнозировать развитие и укрепление или, наоборот, разрушение и прекращение этих отношений. Представленные данные могут стать основой для стратегического планирования консультационной работы со студентами, испытывающими трудности в установлении любовных отношений, а также для повышения качества этих отношений и психологического благополучия. Данная статья будет полезна практическим психологам и психотерапевтам.

Библиографические ссылки

1. Demir M. Sweetheart, you really make me happy: romantic relationship quality and personality as predictors of happiness among emerging adults. *Journal of Happiness Studies*. 2008;9(2):257–277. DOI: 10.1007/s10902-007-9051-8.

2. Holmes BM, Johnson KR. Adult attachment and romantic partner preference: a review. *Journal of Social and Personal Relationships*. 2009;26(6–7):833–852. DOI: 10.1177/0265407509345653.

3. McGuirk EM, Pettijohn TF. Birth order and romantic relationship styles and attitudes in college students. *North American Journal of Psychology* [Internet]. 2008 [cited 2022 May 9];10(1):37–52. Available from: https://researchgate.net/publication/238772762_Birth_Order_and_Romantic_Relationship_Styles_and_Attitudes_in_College_Students.

4. Bowlby J. *Attachment and loss. Volume 1. Attachment* [Internet]. New York: Basic Books; 1969 [cited 2022 May 9]. 326 p. Available from: https://mindsplain.com/wp-content/uploads/2020/08/ATTACHMENT_AND_LOSS_VOLUME_I_ATTACHMENT.pdf.

5. Hazan C, Shaver PR. Conceptualizing romantic love as an attachment process. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987;53(2):511–524. DOI: 10.1037/0022-3514.52.3.511.

6. Collins NL, Ford MB, Guichard AC, Allard LM. Working models of attachment and attribution processes in intimate relationships. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2006;32(2):201–219. DOI: 10.1177/0146167205280907.

7. Ainsworth MD. Attachments beyond infancy. *American Psychologist*. 1989;44(4):709–716. DOI: 10.1037/0003-066X.44.4.709.

8. Mikulincer M, Shaver PR. *Attachment in adulthood. Structure, dynamics, and change* [Internet]. New York: Guilford Press. 2007 [cited 2022 May 5]. 591 p. Available from: https://academia.edu/34596672/Attachment_in_Adulthood_Structure_Dynamics_and_Change_Mario_Mikulincer_PhD_Phillip_R_Sha_pdf.

9. Collins NL, Ford MB. Responding to the needs of others: the caregiving behavioral system in intimate relationships. *Journal of Social and Personal Relationships*. 2010;27(2):235–244. DOI: 10.1177/0265407509360907.

10. Collins NL, Read SJ. Adult attachment, working models, and relationship quality in dating couples. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990;58(4):644–663. DOI: 10.1037.0022-3514.58.4.644.

11. Bartholomew K. Avoidance of intimacy: an attachment perspective. *Journal of Social and Personal Relationship*. 1990;7(2):147–178. DOI: 10.1177/0265407590072001.

12. Bartholomew K. From childhood to adult relationships: attachment theory and research. In: Duck S, editor. *Learning about relationships*. Newbury Park: Sage; 1993. p. 30–62.

13. Bartholomew K, Horowitz LM. Attachment styles among young adults: a test of a four-category model. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991;61(2):226–244. DOI: 10.1037.0022-3514.61.2.226.

14. Mikulincer M. Attachment, caregiving, and sex within romantic relationships: a behavioral systems perspective. In: Mikulincer M, Goodman GS, editors. *Dynamics of romantic love. Attachment, caregiving, and sex*. New York: The Guilford Press; 2006. p. 23–44.

15. Lee JA. *The colors of love: an exploration of the ways of loving*. Toronto: New Press; 1973. 294 p.

16. Lee JA. Love-styles. In: Sternber RJ, Barnes ML, editors. *The psychology of love*. New Haven: Yale University Press; 1988. p. 38–67.

17. Hendrick C, Hendrick SS. A theory and method of love. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986;50(2):392–402. DOI: 10.1037/0022-3514.50.2.392.

18. Hendrick C, Hendrick SS. Research on love: does it measure up? *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989;56(5):784–794. DOI: 10.1037/0022-3514.56.5.784.

19. Levy MB, Davis KE. Love styles and attachment styles compared: their relations to each other and to various relationship characteristics. *Journal of Social and Personal Relationships*. 1988;5(4)439–471. DOI: 10.1177/0265407588054004.

20. Frazier PA, Esterly E. Correlates of relationship beliefs: gender, relationship experience and relationship satisfaction. *Journal of Social and Personal Relationships*. 1990;7(3):331–352. DOI: 10.1177/0265407590073003.

21. Fricker J, Moore SM. Relationship satisfaction: the role of love styles and attachment styles. *Current Research in Social Psychology* [Internet]. 2002 [cited 2022 May 1];7(11):182–204. Available from: https://risp.org.uiowa.edu/sites/crisp.org.uiowa.edu/files/2020-04/7.11.pdf.

22. Heaven PCL, Da Silva T, Carey C, Holen J. Loving styles: relationships with personality and attachment styles. *European Journal of Personality*. 2004;18(2):103–113. DOI: 10.1002/per.498.

23. Galinha IC, Oishi S, Pereira CR, Wirtz D, Esteves F. Adult attachment, love styles, relationship experiences and subjective well-being: cross-cultural and gender comparison between Americans, Portuguese, and Mozambicans. *Social Indicators Research*. 2014;119(2):823–852. DOI: 10.1007/s11205-013-0512-7.

24. Feeney JA, Noller P. Attachment style as a predictor of adult romantic relationships. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990;58(2):281–291. DOI: 10.1037/0022-3514.58.2.281.

25. Honari B, Saremi AA. The study of relationship between attachment styles and obsessive love style. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015;165:152–159. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.12.617.

26. Kanemasa Yuji, Taniguchi Junichi, Daibo Ikuo, Ishimori Masanori. Love styles and romantic love experiences in Japan. *Social Behavior and Personality*. 2004;32(3):265–282. DOI: 10.2224/sbp.2004.32.3.265.

27. Adil A, Kamal A. Relationship between love styles, attachment styles, and narcissism among university students. *Indian Psychological Review* [Internet]. 2005 [cited 2022 May 7];64(1):33–52. Available from: https://researchgate.net/publication/233951082_Relationship_Between_Love_Styles_Attachment_Styles_and_Narcissism_Among_University_Students.

28. Belsky J. Interactional and contextual determinants of attachment security. In: Cassidy J, Shaver PR, editors. *Handbook of attachment. Theory, research and clinical application*. New York: Guilford; 1999. p. 249–264.

29. Екимчик ОА. Романтическая привязанность и стиль любви у студентов университета. В: Журавлев АЛ, Сергиенко ЕА, редакторы. *Психологические исследования. Выпуск 3.* Москва: Институт психологии Российской академии наук; 2008. с. 114–128.

30. Екимчик ОА. Психологические аспекты любви у взрослых людей. *Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика, психология, социальная работа, ювенология, социокинетика*. 2009;3(2):176–180.

31. Del Giudice M. Sex differences in attachment styles. *Current Opinion in Psychology*. 2019;25:1–5. DOI: 10.1016/j.copsyc.2018.02.004.

32. Del Giudice M. Sex differences in romantic attachment: a meta-analysis. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2011;37(2):193–214. DOI: 10.1177/0146167210392789.

33. Hendrick S. Gender differences and similarities in sex and love. *Personal Relationships*. 1995;2(1):55–65. DOI: 10.1111/j.1475-6811.1995.tb00077.x.

34. Фурманов ИА. Любовные аттитюды в романтических и супружеских отношениях. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019;3:74–81.

35. Фурманов ИА. Любовные аттитюды в период перехода к ранней взрослости: межпоколенное сравнение. *Право. Экономика. Психология. Научно-практический журнал*. 2019;4:97–105.

36. Smith R, Klases A. Predictors of love attitudes: the contribution of cultural orientation, gender attachment style, relationship length and age in participants from the UK and Hong Kong. *Interpersona. An International Journal on Personal Relationships*. 2016;10(1):90–108. DOI: 10.5964/ijpr.v10i1.204.

37. Collins NL, Read SJ. Cognitive representations of attachment: the structure and function of working models. In: Bartholomew K, Perlman D, editors. *Advances in personal relationships. Volume 5. Attachment processes in adulthood*. Bristol: Kingsley; 1994. p. 53–90. DOI: 10.1002/9780470998557.ch3.

38. Fourmanov IA. Interrelation of attachment style and communicative reactions to jealousy: sexual likeness and differences. *Social Psychology and Society*. 2019;10(1):115–133. Russian. DOI: 10.17759/sps.2019100107.

39. Collins NL. Letter to colleagues [Internet]. 2008 [cited 2022 May 5]. Available from: https://labs.psych.ucsb.edu/collins/nancy/UCSB_Close_Relationships_Lab/Resources_files/Adult Attachment Scale.doc.

40. Rubin Z, Peplau LA, Hill CT. Loving and leaving: Sex differences in romantic attachments. *Sex Roles* [Internet]. 1981 [cited 2022 May 1];7(8):821–835. Available from: https://researchgate.net/publication/225204472_Loving_and_leaving_Sex_differences_in_romantic_attachments.

References

1. Demir M. Sweetheart, you really make me happy: romantic relationship quality and personality as predictors of happiness among emerging adults. *Journal of Happiness Studies*. 2008;9(2):257–277. DOI: 10.1007/s10902-007-9051-8.

2. Holmes BM, Johnson KR. Adult attachment and romantic partner preference: a review. *Journal of Social and Personal Relationships*. 2009;26(6–7):833–852. DOI: 10.1177/0265407509345653.

3. McGuirk EM, Pettijohn TF. Birth order and romantic relationship styles and attitudes in college students. *North American Journal of Psychology* [Internet]. 2008 [cited 2022 May 9];10(1):37–52. Available from: https://researchgate.net/publication/238772762_Birth_Order_and_Romantic_Relationship_Styles_and_Attitudes_in_College_Students.

4. Bowlby J. *Attachment and loss. Volume 1. Attachment* [Internet]. New York: Basic Books; 1969 [cited 2022 May 9]. 326 p. Available from: https://mindsplain.com/wp-content/uploads/2020/08/ATTACHMENT_AND_LOSS_VOLUME_I_ATTACHMENT.pdf.

5. Hazan C, Shaver PR. Conceptualizing romantic love as an attachment process. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987;53(2):511–524. DOI: 10.1037/0022-3514.52.3.511.

6. Collins NL, Ford MB, Guichard AC, Allard LM. Working models of attachment and attribution processes in intimate relationships. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2006;32(2):201–219. DOI: 10.1177/0146167205280907.

7. Ainsworth MD. Attachments beyond infancy. *American Psychologist*. 1989;44(4):709–716. DOI: 10.1037/0003-066X.44.4.709.

8. Mikulincer M, Shaver PR. *Attachment in adulthood. Structure, dynamics, and change* [Internet]. New York: Guilford Press. 2007 [cited 2022 May 5]. 591 p. Available from: https://academia.edu/34596672/Attachment_in_Adulthood_Structure_Dynamics_and_Change_Mario_Mikulincer_PhD_Phillip_R_Sha_pdf.

9. Collins NL, Ford MB. Responding to the needs of others: The caregiving behavioral system in intimate relationships. *Journal of Social and Personal Relationships*. 2010;27(2):235–244. DOI: 10.1177/0265407509360907.

10. Collins NL, Read SJ. Adult attachment, working models, and relationship quality in dating couples. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990;58(4):644–663. DOI: 10.1037.0022-3514.58.4.644.

11. Bartholomew K. Avoidance of intimacy: An attachment perspective. *Journal of Social and Personal Relationship*. 1990;7(2):147–178. DOI: 10.1177/0265407590072001.

12. Bartholomew K. From childhood to adult relationships: attachment theory and research. In: Duck S, editor. *Learning about relationships*. Newbury Park: Sage; 1993. p. 30–62.

13. Bartholomew K, Horowitz LM. Attachment styles among young adults: a test of a four-category model. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1991;61(2):226–244. DOI: 10.1037.0022-3514.61.2.226.

14. Mikulincer M. Attachment, caregiving, and sex within romantic relationships: a behavioral systems perspective. In: Mikulincer M, Goodman GS, editors. *Dynamics of romantic love. attachment, caregiving, and sex*. New York: The Guilford Press; 2006. p. 23–44.

15. Lee JA. *The colors of love: an exploration of the ways of loving*. Toronto: New Press; 1973. 294 p.

16. Lee JA. Love-styles. In: Sternber RJ, Barnes ML, editors. *The psychology of love*. New Haven: Yale University Press; 1988. p. 38–67.

17. Hendrick C, Hendrick SS. A theory and method of love. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986;50(2):392–402. DOI: 10.1037/0022-3514.50.2.392.

18. Hendrick C, Hendrick SS. Research on love: does it measure up? *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989;56(5):784–794. DOI: 10.1037/0022-3514.56.5.784.

19. Levy MB, Davis KE. Love styles and attachment styles compared: their relations to each other and to various relationship characteristics. *Journal of Social and Personal Relationships*. 1988;5(4)439–471. DOI: 10.1177/0265407588054004.

20. Frazier PA, Esterly E. Correlates of relationship beliefs: gender, relationship experience and relationship satisfaction. *Journal of Social and Personal Relationships*. 1990;7(3):331–352. DOI: 10.1177/0265407590073003.

21. Fricker J, Moore SM. Relationship satisfaction: The role of love styles and attachment styles. *Current Research in Social Psychology* [Internet]. 2002 [cited 2022 May 1];7(11):182–204. Available from: https://crisp.org.uiowa.edu/sites/crisp.org.uiowa.edu/files/2020-04/7.11.pdf.

22. Heaven PCL, Da Silva T, Carey C, Holen J. Loving styles: relationships with personality and attachment styles. *European Journal of Personality*. 2004;18(2):103–113. DOI: 10.1002/per.498.

23. Galinha IC, Oishi S, Pereira CR, Wirtz D, Esteves F. Adult attachment, love styles, relationship experiences and subjective well-being: cross-cultural and gender comparison between Americans, Portuguese, and Mozambicans. *Social Indicators Research*. 2014;119(2):823–852. DOI: 10.1007/s11205-013-0512-7.

24. Feeney JA, Noller P. Attachment style as a predictor of adult romantic relationships. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990;58(2):281–291. DOI: 10.1037/0022-3514.58.2.281.

25. Honari B, Saremi AA. The study of relationship between attachment styles and obsessive love style. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015;165:152–159. DOI: 10.1016/j.sbspro.2014.12.617.

26. Kanemasa Yuji, Taniguchi Junichi, Daibo Ikuo, Ishimori Masanori. Love styles and romantic love experiences in Japan. *Social Behavior and Personality*. 2004;32(3):265–282. DOI: 10.2224/sbp.2004.32.3.265.

27. Adil A, Kamal A. Relationship between love styles, attachment styles, and narcissism among university students. *Indian Psychological Review* [Internet]. 2005 [cited 2022 May 7];64(1):33–52. Available from: https://researchgate.net/publication/233951082_Relationship_Between_Love_Styles_Attachment_Styles_and_Narcissism_Among_University_Students.

28. Belsky J. Interactional and contextual determinants of attachment security. In: Cassidy J, Shaver PR, editors. *Handbook of attachment. Theory, research and clinical application*. New York: Guilford; 1999. p. 249–264.

29. Ekimchik OA. [Romantic attachment and the style of love among university students]. In: Zhuravlev AL, Sergienko EA, editors. *Psikhologicheskie issledovaniya. Vypusk 3* [Psychological research. Issue 3]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2008. p. 114–128. Russian.

30. Ekimchik OA. [Psychological aspects of love in adults]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika, psikhologiya, sotsialnaya rabota, yuvenologiya, sotsiokinetika*. 2009;3(2):176–180. Russian.

31. Del Giudice M. Sex differences in attachment styles. *Current Opinion in Psychology*. 2019;25:1–5. DOI: 10.1016/j.copsyc.2018.02.004.

32. Del Giudice M. Sex differences in romantic attachment: a meta-analysis. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2011;37(2):193–214. DOI: 10.1177/0146167210392789.

33. Hendrick S. Gender differences and similarities in sex and love. *Personal Relationships*. 1995;2(1):55–65. DOI: 10.1111/j.1475-6811.1995.tb00077.x.

34. Fourmanov IA. Love attitudes in romantic and marital relationships. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;3:74–81. Russian.

35. Fourmanov IA. Love attitudes during the transition to early adulthood: intergenerational comparison. *Pravo. Ekonomika. Psikhologiya. Nauchno-prakticheskii zhurnal*. 2019;4:97–105. Russian.

36. Smith R, Klases A. Predictors of love attitudes: the contribution of cultural orientation, gender attachment style, relationship length and age in participants from the UK and Hong Kong. *Interpersona. An International Journal on Personal Relationships*. 2016;10(1):90–108. DOI: 10.5964/ijpr.v10i1.204.

37. Collins NL, Read SJ. Cognitive representations of attachment: the structure and function of working models. In: Bartholomew K, Perlman D, editors. *Advances in personal relationships. Volume 5. Attachment processes in adulthood*. Bristol: Kingsley; 1994. p. 53–90. DOI: 10.1002/9780470998557.ch3.

38. Fourmanov IA. Interrelation of attachment style and communicative reactions to jealousy: sexual likeness and differences. *Social Psychology and Society*. 2019;10(1):115–133. Russian. DOI: 10.17759/sps.2019100107.

39. Collins NL. Letter to colleagues [Internet]. 2008 [cited 2022 May 5]. Available from: https://labs.psych.ucsb.edu/collins/nancy/UCSB_Close_Relationships_Lab/Resources_files/Adult Attachment Scale.doc.

40. Rubin Z, Peplau LA, Hill CT. Loving and leaving: sex differences in romantic attachments. *Sex Roles* [Internet]. 1981 [cited 2022 May 1];7(8):821–835. Available from: https://www.researchgate.net/publication/225204472_Loving_and_leaving_Sex_differences_in_romantic_attachments.

Статья поступила в редколлегию 21.05.2022.
Received by editorial board 21.05.2022.

УДК 159.923

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПРОСОЦИАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ОСУЖДЕННЫХ ЗА УБИЙСТВО

О. В. БИНДАСОВА[1)]

[1)]*Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова,*
ул. Космонавтов, 1, 212022, г. Могилёв, Беларусь

Изучены просоциальные тенденции осужденных за убийство преступников: различные компоненты эмпатии, типы оказания помощи в зависимости от ситуации и усвоенности социальных норм оказания помощи. Выборку составили осужденные, отбывающие наказание за умышленное противоправное лишение жизни другого человека (убийство), в возрасте от 19 до 72 лет (150 мужчин и 150 женщин). Установлено, что у мужчин уровень альтруистического типа просоциального поведения выше, чем у женщин; женщины отличаются более высокими показателями когнитивной эмпатии, фантазирования, эмпатической заботы и личностного дистресса; мужчины отличаются от женщин высокими показателями нормы социальной ответственности и нормы взаимности; норма затраты – вознаграждения значимо выше у женщин.

Ключевые слова: типы просоциального поведения; эмпатия; социальные нормы просоциального поведения; осужденные за убийство преступники.

GENDER DIFFERENCES IN PROSOCIAL TENDENCIES OF CONVICTED MURDERERS

O. V. BINDASOVA[a]

[a]*Mogilev State A. Kuleshov University,*
1 Kasmanaйtaй Street, Mahilioй 212022, Belarus

The study is devoted to the study of prosocial tendencies in criminals convicted of murder: various components of empathy, types of assistance depending on the situation, assimilation of social norms of assistance. The sample consisted of convicts serving sentences for intentional unlawful deprivation of another person's life (murder) aged 19 to 72 years (150 men and 150 women). It was found that men have a higher level of altruistic type of prosocial behaviour than women; women have higher rates of cognitive empathy, fantasy, empathic care and personal distress; men differ from women in high rates of social responsibility and reciprocity norms, the cost – reward norm is significantly higher in women.

Keywords: types of prosocial behaviour; empathy; social norms of prosocial behaviour; criminals convicted of murder.

Образец цитирования:
Биндасова ОВ. Гендерные различия в просоциальных тенденциях осужденных за убийство. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2022;3:95–100.

For citation:
Bindasova OV. Gender differences in prosocial tendencies of convicted murderers. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;3:95–100. Russian.

Автор:
Ольга Владимировна Биндасова – аспирантка кафедры психологии и коррекционной работы факультета педагогики и психологии детства. Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор И. А. Фурманов.

Author:
Olga V. Bindasova, postgraduate student at the department of psychology and correctional work, faculty of pedagogy and psychology of childhood.
bindasova.olga@bk.ru

CC BY NC

Введение

Проблема просоциального поведения приобретает первостепенную актуальность как стратегия взаимодействия человека с социумом через сотрудничество, взаимопомощь, альтруизм и следование моральным ценностям и нормам. В условиях столкновения общества с социальными, политическими и экономическими кризисами понятие просоциальности приобретает ключевое значение в различных областях. Термин «просоциальное поведение» обширен и сложен, он трактуется исследователями с разных точек зрения. Просоциальное поведение – широкий спектр действий, направленных на благо другого человека или нескольких людей [1]. Зачастую просоциальное поведение рассматривается как отличное от антисоциального поведения. Антисоциальная стратегия взаимодействия подразумевает, как правило, сосредоточенность на себе, конкуренцию, соперничество с другими и агрессивность. Антисоциальное поведение предполагает совершение аморальных, деструктивных и противозаконных поступков и преступлений. Иными словами, под просоциальным и антисоциальным поведением подразумеваются все действия, направленные на помощь другим (в первом случае) или на причинение им вреда (во втором случае). Во многих научных, культурных и религиозных направлениях исследуется проблематика гуманизации общества и рассматриваются возможности переориентации стратегии эгоистического и агрессивного взаимодействия в обществе. Изучение динамики просоциального поведения особенно актуально, так как полученные результаты могут применяться во всех социальных институтах общества. В психологии подчеркивается, что по смыслу альтруистическое и миролюбивое поведение диаметрально противоположно эгоистическому и агрессивному поведению. Агрессивными принято называть действия, наносящие человеку (другому или себе) или иному живому существу какой-либо ущерб (моральный, материальный, физический) [2].

Сложность изучения просоциального поведения заключается в многообразии его проявлений (оказание помощи, волонтерство, терпимость, милосердие, альтруизм и др.). На протяжении многих лет просоциальное поведение активно изучается по всему миру различными исследователями [3]. Стремление к совершению действий на благо других людей, способности поставить себя на место иного человека и проявить участливость ингибируют антисоциальное поведение и способствуют личностному развитию. Социальные институты прилагают большие усилия, чтобы воспитывать и развивать в обществе просоциальное поведение через образование, религию, культуру и искусство, однако антигуманность, насилие и агрессия сохраняются и набирают силу в виду различных причин. В связи с этим изучение просоциального поведения преступников и осужденных, а также его формирование у данных лиц важны не только для ресоциализирующего воздействия на эту категорию людей, но и для профилактики совершения антисоциальных поступков. Следовательно, необходимо провести масштабные исследования просоциальности непосредственно в группах риска, т. е. среди лиц, которые подвержены антисоциальным тенденциям и совершили преступления, проявляя агрессию и бесчеловечность.

Изучение просоциального поведения осужденных, совершивших преступления против других, важно по нескольким причинам. Нередко исследования данной категории лиц посвящены изучению агрессивных проявлений и коррелятов неадаптивного поведения. Подробные работы, в которых анализируется агрессивное поведение лиц, совершивших преступления, лишь частично способствуют профилактике и коррекции негативных личностных характеристик. Без внимания исследователей остаются качества человека, формирующие ядро адаптивного просоциального поведения. В свою очередь, эмпатия и агрессия рассматриваются как взаимоисключающие явления. Преступников, совершивших насилие над другими, описывают как людей, страдающих недостатком сочувствия. Согласно Н. Д. Фишбах эмпатия является сдерживающим механизмом агрессивного поведения [4]. Наличие высокого уровня рецидивных преступлений во всем мире свидетельствует о том, что судимые люди продолжают придерживаться антисоциальных установок и совершать действия в ущерб другим. Анализ просоциального поведения и эмпатии у осужденных может предоставить новые возможности для повышения качества коррекционных воздействий, направленных на ресоциализацию преступников, а также для прогнозирования готовности вести правопослушный образ жизни после освобождения из исправительного учреждения. Усвоение и интериоризация социально приемлемых норм, а не страх наказания за нарушение законов и правил, являются основой правопослушного поведения.

Исходя из того что просоциальное поведение ориентировано на соблюдение норм или определенных универсальных правил, которые переживаются личностью как внутренне обязательные стандарты поведения [3], невозможно исключить гендерный подход в понимании просоциальности индивидов, совершивших преступления. Социальная роль определенного пола формируется и реализуется в проявлениях просоциальных поступков. Выявлено, что эмпатия считается гендерным убеждением (женщины более эмоциональны и чувствительны к эмоциям других людей, чем мужчины) [5]. Результаты исследований гендерных различий в эмпатии показали, что женщины получили более высокие баллы

по каждой шкале методики «Межличностный индекс реактивности» М. Девиса, чем мужчины [6; 7].

Согласно теории социальных ролей А. Х. Игли мужчины и женщины выбирают разные виды просоциального поведения: мужчины проявляют бóльшую готовность в публичном оказании помощи, а женщины склонны оказывать эмоциональную поддержку другим. Половые различия в просоциальном поведении, по мнению А. Х. Игли, зависимы от профессиональной деятельности мужчин и женщин. Например, мужчины чаще занимают руководящие должности и имеют активную деятельность, следовательно, они склонны оказывать помощь в экстремальных ситуациях, а женщины работают в сферах образования и здравоохранения, поэтому им свойственно оказание эмоциональной помощи другим [8]. Согласно существующим культурным традициям для женской социальной роли характерны сопереживание, проявление заботы и доброты к нуждающимся и слабым людям, а также чувствительность к эмоциям и боли других. Мужская роль в обществе традиционно интерпретируется как сильная и нечувствительная к эмоциям людей, а проявление доброты часто символизирует слабость, поэтому они притворяются черствыми и эмоционально холодными личностями.

Несмотря на большое количество работ, посвященных изучению просоциального поведения, исследований о таком поведении у преступников относительно немного. Некоторые авторы предполагают, что причиной антисоциального преступного поведения является слабое моральное развитие [9]. Данный вывод подтверждается исследованием просоциального поведения среди преступников и непреступников женщин и мужчин. Установлено, что группа осужденных мужчин, в отличие от неосужденных, проявляла высокую агрессию и низкое просоциальное поведение. Кроме того, женщины-преступники были менее склонны к просоциальному поведению и более подвержены агрессии (издевательству), чем женщины-непреступники [10]. Вместе с тем изучение просоциального поведения осужденных помогает объяснить движущие силы антисоциальных поступков, так как с его помощью выявляются пробелы нравственного характера, морального выбора, восприятия социальных норм и позиции действовать во благо других людей. Актуальность настоящей работы обусловлена отсутствием гендерных исследований, посвященных изучению просоциального поведения среди осужденных, в частности тех, кто отбывает наказание за преступления против жизни другого человека.

При изучении просоциального поведения рассмотренных личностей необходимо выяснить, насколько сформировано это поведение, какие типы и нормы присущи ему, имеются ли половые сходства и различия в данном аспекте.

Материалы и методы исследования

В качестве методов исследования применялись методика «Измерение просоциальных тенденций» Г. Карло и Б. А. Рэндалл, адаптированная Н. В. Кухтовой [11] (состоит из шести шкал: уступчивое просоциальное поведение, публичное просоциальное поведение, анонимное просоциальное поведение, экстренное просоциальное поведение, эмоциональное просоциальное поведение, альтруистичное просоциальное поведение); методика «Социальные нормы просоциального поведения», разработанная И. А. Фурмановым и Н. В. Кухтовой [11] (состоит из четырех шкал: норма социальной справедливости, норма взаимности, норма справедливости, норма затраты – вознаграждения); методика «Межличностный индекс реактивности» М. Дэвиса, адаптированная Н. В. Кухтовой [11] (состоит из четырех шкал: способность поставить себя на место другого, фантазия, эмпатическая забота, личностный дистресс).

В исследовании участвовали 300 осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях за умышленное противоправное лишение жизни другого человека (убийство), в возрасте от 19 до 72 лет (150 мужчин и 150 женщин).

Для статистической обработки данных исследования использовались *t*-критерий Стьюдента и программа *SPSS 17.0*.

Результаты и их обсуждение

Гендерные различия в просоциальных тенденциях осужденных женщин и мужчин представлены в табл. 1.

Сравнительный анализ позволил установить, что у мужчин уровень альтруистического типа просоциального поведения выше, чем у женщин ($p < 0{,}001$). Показатели других типов просоциального поведения мужчин и женщин значимо не различаются.

Полученные данные свидетельствуют о том, что мужчины более склонны к оказанию бескорыстной и благотворительной помощи без личной выгоды, чем женщины. Результаты согласуются с исследованием С. Фейман, в котором утверждается, что мужчины чаще женщин помогают другим без личной выгоды [12].

Гендерные различия в компонентах эмпатии осужденных женщин и мужчин отображены в табл. 2.

Таблица 1

Гендерные различия в просоциальных тенденциях осужденных женщин и мужчин[1]

Table 1

Gender differences in prosocial tendencies of convicted women and men

Тип просоциального поведения	$M \pm \sigma$		p
	Женщины	Мужчины	
Уступчивое	6,91 ± 2,10	6,98 ± 1,38	0,746
Публичное	10,54 ± 3,59	11,04 ± 3,34	0,212
Анонимное	15,93 ± 4,39	15,43 ± 3,29	0,265
Экстренное	10,75 ± 3,13	10,82 ± 2,44	0,837
Эмоциональное	15,10 ± 3,89	15,36 ± 3,27	0,531
Альтруистическое	16,06 ± 3,95	18,40 ± 4,12	0,001

Таблица 2

Гендерные различия в компонентах эмпатии осужденных женщин и мужчин

Table 2

Gender differences in empathy components of convicted women and men

Типы эмпатии	$M \pm \sigma$		p
	Женщины	Мужчины	
Когнитивная эмпатия	22,55 ± 5,16	19,71 ± 4,64	0,000
Фантазирование	22,23 ± 6,04	20,11 ± 5,74	0,002
Эмпатическая забота	23,62 ± 5,41	20,59 ± 4,84	0,000
Личностный дистресс	21,57 ± 5,41	17,35 ± 5,21	0,000

Женщины отличаются более высокими показателями когнитивной эмпатии, эмпатической заботы, личностного дистресса ($p < 0,001$ во всех случаях) и фантазирования ($p = 0,002$). Данные результаты позволяют констатировать, что они в большей степени способны понимать эмоциональное состояние других, испытывать чувство теплоты и проявлять сострадательность. Мотивация сочувствия побуждает их к помощи другим людям сильнее, чем мужчин. Развитое чувство эмпатии дает женщинам возможность прочувствовать трудную жизненную ситуацию другого человека как собственную. Они способны проникнуться чувствами и действиями других людей через механизмы воображения и идентификации. Полученные результаты согласуются с выводами исследований О. А. Афолаби [13], И. А. Абдулахи и П. Кумар [14], в которых изучались различия в просоциальных тенденциях среди мужчин и женщин.

Гендерные различия в позициях присвоения социальных норм осужденных женщин и мужчин проиллюстрированы в табл. 3.

Таблица 3

Гендерные различия в позициях присвоения социальных норм осужденных женщин и мужчин

Table 3

Gender differences in the positions of appropriation of social norms of convicted women and men

Социальные нормы просоциального поведения	$M \pm \sigma$		p
	Женщины	Мужчины	
Норма социальной ответственности	44,52 ± 9,14	54,63 ± 12,15	0,001
Норма взаимности	39,56 ± 7,47	42,09 ± 6,76	0,002
Норма социальной справедливости	55,84 ± 8,93	56,29 ± 6,97	0,630
Норма затраты – вознаграждения	38,13 ± 5,91	36,55 ± 4,90	0,013

[1]Здесь и далее в таблицах M – среднее арифметическое значение, σ – стандартное отклонение. При $p < 0,05$ различия рассматривались как статистически значимые, при $p \leqslant 0,01$ – как очень значимые, при $p \leqslant 0,001$ – как высокозначимые.

В результате сравнительного анализа было определено, что мужчины отличаются от женщин более высокими показателями нормы социальной ответственности ($p < 0{,}001$), нормы взаимности ($p = 0{,}002$) и нормы затраты – вознаграждения ($p = 0{,}013$). Показатели нормы социальной справедливости у женщин и мужчин значимо не различаются.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что мужчины в большей степени склонны к совершению ответственных поступков в различных ситуациях в целях сохранения самооценки и снижения чувства вины в дальнейшем, чем женщины. Можно также предположить, что женщины не склонны брать ответственность за происходящее, а чаще прибегают к самооправданию для снижения чувств вины и тревоги. Мужчины чаще запоминают оказанную им помощь и поступают таким же образом. Женщины в первую очередь стремятся помочь людям, оценивая то, каковы будут при этом потери и затраты, а также выигрыши и вознаграждения. И женщины, и мужчины рассчитывают на оказание помощи по заслугам, ориентируясь на поощрение от личного вклада и участия.

Заключение

Идентичных исследований просоциального поведения на выборке из числа осужденных, отбывающих наказание за умышленное противоправное лишение жизни другого человека (убийство), автором настоящей статьи не обнаружено. Однако полученные данные о различиях между мужчинами и женщинами в некоторой степени согласуются с исследованиями о половых различиях среди взрослого некриминального населения.

Проведенное исследование показало, что существуют статистически значимые различия у мужчин и женщин, отбывающих наказание за умышленное противоправное лишение жизни другого человека (убийство). Альтруистический тип просоциального поведения свойственен в большей степени мужчинам. У женщин выше показатели когнитивной эмпатии, эмпатической заботы, личностного дистресса и фантазирования. Социальные нормы просоциального поведения имеют значимые различия по следующим показателям: нормы социальной ответственности, нормы взаимности и нормы затраты – вознаграждения. Показатели норм социальной ответственности и взаимности выше у мужчин, а нормы затраты – вознаграждения выше у женщин. Данные нормы справедливости не имеют значимых различий среди осужденных обоих полов.

Таким образом, осужденные женщины, по сравнению с осужденными мужчинами, эмпатичны и готовы к оказанию помощи в чрезвычайных ситуациях, но вместе с тем и более прагматичны. Мужчины более альтруистичны и бескорыстны. Они готовы помогать тем, кто в этом нуждается, однако с расчетом на взаимность. Ожидание взаимности означает, что в ответ на дружеские действия мужчины будут отвечать добром, а за недружелюбные действия – злом.

Можно заключить, что формирование просоциального поведения среди осужденных следует организовывать с учетом гендерных особенностей.

Полученные результаты могут быть использованы в психологическом сопровождении осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, а также при разработке коррекционных программ, направленных на формирование просоциального поведения для данной категории спецконтингента.

Библиографические ссылки

1. Batson CD. Prosocial motivation: is it ever truly altruistic? *Advances in Experimental Social Psychology.* 1987;20:65–122. DOI: 10.1016/S0065-2601(08)60412-8.

2. Фурманов ИА. *Социальная психология агрессии и насилия: профилактика и коррекция*. Минск: Издательский центр БГУ; 2016. 401 с.

3. Eisenberg N, Damon W, Lerner RM, editors. *Handbook of child psychology: social, emotional and personality development. Volume 3*. New York: John Wiley & Sons; 2006. 1154 p.

4. Beven JP, O'Brien-Malone's A, Hall G. Using the interpersonal reactivity index to assess empathy in violent offenders. *International Journal of Forensic Psychology*. 2004;1(2):33–41.

5. 陈武英, 卢家楣, 刘连启, 林文毅. 共情的性别差异. 心理科学进展. 2014;22(9):1423–1434 = Чэнь Уин, Лу Цзямэй, Лю Ляньци, Линь Вэньи. Гендерные различия в эмпатии. *Прогресс в психологической науке*. 2014;22(9):1423–1434. DOI: 10.3724/SP.J.1042.2014.01423.

6. de Corte K, Buysse A, Verhofstadt LL, Roeyers H, Ponnet K, Davis MH. Measuring empathic tendencies: reliability and validity of the Dutch version of the interpersonal reactivity index. *Psychologica Belgica*. 2007;47(4):235–260. DOI: 10.5334/pb-47-4-235.

7. Lucas-Molina B, Pérez-Albéniz A, Ortuño-Sierra J, Fonseca-Pedrero E. Dimensional structure and measurement invariance of the Interpersonal Reactivity Index (IRI) across gender. *Psicothema*. 2017;29(4):590–595. DOI: 10.7334/psicothema 2017.19.

8. Eagly AH, Crowley M. Gender and helping behavior: a meta-analytic review of the social psychological literature. *Psychological Bulletin*. 1986;100(3):283–308. DOI: 10.1037/0033-2909.100.3.283.

9. Gottfredson MR, Hirschi T. *A general theory of crime*. Redwood City: Stanford University Press; 1990. 297 p.

10. Rishipal VD, Devgun V. Prosocial behavior and grit among criminals and non-criminals. *International Journal of Application or Innovation in Engineering & Management*. 2019;8(3):1–7.
11. Кухтова НВ, Доморацкая НВ. *Просоциальное поведение специалистов, ориентированных на оказание помощи: теоретические основы и методики и изучения*. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова; 2011. 49 с.
12. Feinman S. When does sex affect altruistic response? *Psychological Reports*. 1978;43(3):1218. DOI: 10.2466/pr0.1978.43.3f.1218.
13. Afolabi OA. Roles of personality types, emotional intelligence and gender differences on prosocial behavior. *Psychological Thought*. 2013;6(1):124–139. DOI: 10.5964/psyct.v6i1.53.
14. Abdullahi IA, Kumar P. Gender differences in prosocial behavior. *International Journal of Indian Psychology*. 2016;3(4). DOI: 10.25215/0304.

References

1. Batson CD. Prosocial motivation: is it ever truly altruistic? *Advances in Experimental Social Psychology*. 1987;20:65–122. DOI: 10.1016/S0065-2601(08)60412-8.
2. Fourmanov IA. *Sotsial'naya psikhologiya agressii i nasiliya: profilaktika i korrektsiya* [Social psychology of aggression and violence: prevention and correction]. Minsk: Publishing Centre of the Belarusian State University; 2016. 401 p. Russian.
3. Eisenberg N, Damon W, Lerner RM, editors. *Handbook of child psychology: social, emotional and personality development. Volume 3*. New York: John Wiley & Sons; 2006. 1154 p.
4. Beven JP, O'Brien-Malone's A, Hall G. Using the interpersonal reactivity index to assess empathy in violent offenders. *International Journal of Forensic Psychology*. 2004;1(2):33–41.
5. Chen Wuying, Lu Jiamei, Liu Lianqi, Lin Wenyi. Gender differences of empathy. *Advances in Psychological Science*. 2014;22(9):1423–1434. Chinese. DOI: 10.3724/SP.J.1042.2014.01423.
6. de Corte K, Buysse A, Verhofstadt LL, Roeyers H, Ponnet K, Davis MH. Measuring empathic tendencies: reliability and validity of the Dutch version of the Interpersonal Reactivity Index. *Psychologica Belgica*. 2007;47(4):235–60. DOI: 10.5334/pb-47-4-235.
7. Lucas-Molina B, Pérez-Albéniz A, Ortuño-Sierra J, Fonseca-Pedrero E. Dimensional structure and measurement invariance of the Interpersonal Reactivity Index (IRI) across gender. *Psicothema*. 2017;29(4):590–595. DOI: 10.7334/psicothema2017.19.
8. Eagly AH, Crowley M. Gender and helping behavior: a meta-analytic review of the social psychological literature. *Psychological Bulletin*. 1986;100(3):283–308. DOI: 10.1037/0033-2909.100.3.283.
9. Gottfredson MR, Hirschi T. *A general theory of crime*. Redwood City: Stanford University Press; 1990. 297 p.
10. Rishipal VD, Devgun V. Prosocial behavior and grit among criminals and non-criminals. *International Journal of Application or Innovation in Engineering & Management*. 2019;8(3):1–7.
11. Kuhtova NV, Domorackaya NV. *Prosotsialnoe povedenie spetsialistov, orientirovannykh na okazanie pomoshchi: theoreticheskie osnovy i metodiki izucheniya* [Prosocial behaviour of assistance-oriented specialists: theoretical foundations and methods of study]. Vitebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov; 2011. 49 p. Russian.
12. Feinman S. When does sex affect altruistic response? *Psychological Reports*. 1978;43(3):1218. DOI: 10.2466/pr0.1978.43.3f.1218.
13. Afolabi OA. Roles of personality types, emotional intelligence and gender differences on prosocial behavior. *Psychological Thought*. 2013;6(1):124–139. DOI: 10.5964/psyct.v6i1.53.
14. Abdullahi IA, Kumar P. Gender differences in prosocial behavior. *International Journal of Indian Psychology*. 2016;3(4). DOI: 10.25215/0304.

Статья поступила в редколлегию 02.01.2022.
Received by editorial board 02.01.2022.

УДК 159.9.072.433

ХАРАКТЕРИСТИКА УСТАНОВОК К СЕКСУ

Ж. В. ГРОДЬ[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Исследованы особенности формирования сексуальных установок. Рассмотрены подходы к пониманию установки, ее отличительные признаки и характеристики, а также несколько концепций, в которых по-разному обосновываются процесс и механизмы становления установок к сексу. Дано определение понятия «установка к сексу». Проанализированы научные исследования, раскрывающие факторы, которые оказывают влияние на формирование сексуальных установок. Определено, что сексуальные установки людей во многом складываются под воздействием факторов, влияющих на их сексуальное поведение: культурной и социальной среды, в которой они воспитывались, средств массовой информации, имеющегося сексуального опыта, врожденных личностных черт, сексуальной ориентации, образа тела. Всеобщих культурных или социальных сексуальных норм не существует, из-за чего общество по-прежнему балансирует между поощрением и ограничением сексуальной активности. Несмотря на то что в течение последних десятилетий изменились сексуальные установки, которые повлекли за собой трансформации в социальной политике и Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, старомодные и неактуальные представления о сексе все еще имеются.

Ключевые слова: сексуальность; аттитюды; установки; сексуальные установки; сексуальное поведение.

CHARACTERISTICS OF SEXUAL ATTITUDES

J. V. GROD[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

This article is devoted to the study of the features of the formation of sexual attitudes. Approaches to understanding the installation, its distinguishing features and characteristics are considered. The definition of the concept of «attitude to sex» is given. Several approaches are considered, in which the process and mechanisms of the formation of attitudes towards sex are substantiated in different ways. Analysed scientific research, revealing the factors that have the most important influence on the formation of sexual attitudes. It has been determined that the sexual attitudes of people are largely formed under the influence of such factors as the cultural and social environment in which they were brought up, the media, their sexual experience, innate personality traits, sexual orientation, body image, which affects on their sexual behaviour. Because there are no universal cultural or social norms about sexuality, society continues to balance between encouraging and restricting sexual activity. However, while there have been notable changes in attitudes around sexuality over the past decades that have led to transformations in social policy and the International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems, old-fashioned and outdated ideas about sex still remain.

Keywords: sexuality; attitudes; sexual attitudes; sexual behaviour.

Введение

Вопросы сексуальности человека и форм ее проявления в последние годы бурно обсуждаются общественностью. Трансформируются взгляды и ценностные ориентиры, принимаются новые законы и транслируются современные поведенческие паттерны, напрямую касающиеся сексуальных устано-

Образец цитирования:
Гродь ЖВ. Характеристика установок к сексу. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2022;3:101–106.

For citation:
Grod JV. Characteristics of sexual attitudes. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;3:101–106. Russian.

Автор:
Жанна Валерьяновна Гродь – аспирантка кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор И. А. Фурманов.

Author:
Janet V. Grod, postgraduate student at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.
grod_janet@mail.ru

CC BY NC

вок. Сексуальная близость рассматривается многими авторами как фундаментальная потребность человека. На нее влияют социокультурные факторы, однако общепризнанным остается мнение о том, что сексуальное поведение непосредственно определяется сексуальными установками. Возрастает потребность в изучении и исследовании особенностей сексуальной сферы мужчин и женщин в Беларуси, а также в привлечении внимания к сексуальным установкам, которые на данный момент являются недостаточно изученными, что обусловливает актуальность настоящей статьи.

Известно, что основные сексуальные установки и мотивы формируют выражение сексуального поведения человека. Таким образом, чтобы лучше понимать особенности установок к сексу, нужно проанализировать мотивацию человека к сексуальному поведению.

Понятие установок к сексу

У. Томас и Ф. Знанецкий, как основатели феномена социальной установки, определяли ее в качестве психологического процесса, рассматриваемого в отношении к социальному миру и прежде всего к социальным ценностям, а также неоднократно подчеркивали значение для понимания социальной установки того факта, что она по своему существу остается чьим-то состоянием. В этом определении социальная установка представлена как психологическое переживание индивидом значения или ценности социального объекта. Она функционирует одновременно как элемент психологической структуры личности и как элемент социальной структуры, поскольку содержание психологического переживания определяется внешними, локализованными в социуме объектами [1; 2].

Открытие феномена социальной установки стало значимым событием в психологической науке, что повлекло за собой возникновение массы обсуждений, дискуссий и исследований. Многие ученые, анализируя научные труды, в соответствии с личными взглядами пытались сформулировать свое определение данного феномена. По мнению Д. Г. Майерса, социальная установка – «это благоприятная или неблагоприятная оценочная реакция на что-либо или на кого-либо, которая выражается в мнениях и целенаправленном поведении» [3, с. 161]. Аттитюд, как «предрасположенность к опыту, которая мотивирует индивида к определенным действиям относительно объектов»[1], определяли М. Смит, Дж. Брунер и М. Уайт. Главным качеством аттитюда Ч. Э. Осгуд видел предрасположенность реагировать, зависимую от готовности к предрасположению относительно оценочного ответа [4, с. 5]. Как писал Л. Л. Терстоун, «я определяю аттитюд в качестве намерения реагировать позитивно или негативно на психологический объект, им может быть любой символ, личность, фраза, слог или идея, относительно которой индивид может иметь различные чувства» [5, p. 261]. Критикуя 16 существующих определений данного феномена, Г. У. Олпорт предложил свой вариант: «Установка есть состояние психонервной готовности, сложившееся на основе опыта и оказывающее направляющее и (или) динамическое влияние на реакции индивида относительно всех объектов или ситуаций, с которыми он связан» [6, p. 810].

Согласно представленным выше определениям выделяются главные характеристики установки, которые отмечают большинство авторов: она оказывает направляющее и регулирующее действие на поведение человека, опосредована личностным опытом, содержит в себе индивидуальные и социальные предикторы.

Следовательно, под сексуальной установкой понимается склонность индивида реагировать определенным образом на объекты и действия сексуального характера с учетом социального опыта.

Подходы к формированию установок к сексу

Мнения ученых разделяются во взглядах на природу формирования социальных установок. В настоящей статье рассмотрены наиболее распространенные подходы к этому процессу.

В рамках *бихевиористского подхода* (К. И. Ховланд, И. Л. Дженис и Г. Г. Келли [7]) аттитюд понимается как промежуточная переменная между неким объективным стимулом и внешней средой. Формирование сексуальной установки происходит практически без активности субъекта и может возникать за счет его наблюдения за сексуальным поведением других людей и его последствиями.

Представители *мотивационного подхода* (Э. Г. Гринвальд, Т. С. Брок и Т. М. Остром [8]) считают, что человек, как рациональный субъект, самостоятельно формирует аттитюды посредством переработки и оценки поступающей информации. Этот процесс происходит за счет позитивного или негативного реагирования субъекта на новую информацию при принятии другой сексуальной установки.

Когнитивный подход включает в себя ряд теорий, общим постулатом которых является стремление человека к внутренней согласованности своей когнитивной структуры (в том числе аттитюды).

[1] *Smith M. B.* Attitude change // Intern. encycl. of the social sciences / ed. by D. L. Sills. New York : The Macmillan Co., 1986. P. 105. (Здесь и далее перевод наш. – *Ж. Г.*)

Формирование сексуальных установок происходит в результате стремления человека к разрешению внутренних противоречий, возникших из-за несогласованности аттитюдов, аффектов и когниций [4; 9].

Согласно *структурному подходу* (Дж. Мид, Дж. Дэвис) установка представляется как функция структуры межличностных отношений. Формирование аттитюдов рассматривается исходя из взаимодействия индивида с социумом, тесноты межличностного общения, а также из наблюдения за аттитюдами других людей. Человек сравнивает свои сексуальные установки с установками окружающих и корректирует их в соответствии со значимостью для него той или иной группы [1; 4].

В рамках *генетического подхода* (Дж. М. Олеон и М. П. Занна [10], Г. Ю. Айзек [11]) предполагается, что формирование сексуальных установок может быть косвенно обусловлено генетическими особенностями, проявляющимися во врожденных различиях темперамента, интеллектуальных способностях, биохимических реакциях и т. д. Такие наследственные аттитюды являются более доступными, прочными и устойчивыми к изменениям по сравнению с приобретенными. Основываясь на своей теории, Г. Ю. Айзек [12] считал, что сексуальные установки непосредственно зависят от определенных черт личности. Например, экстраверты более склонны к широкому диапазону сексуального поведения и сексуальной активности, чем интроверты; люди с высокими показателями нейротизма проявляют тревожность и отвращение к сексу, а индивиды с высокими показателями психотизма имеют бóльшую склонность к агрессивному и обезличенному сексу. Так, Г. Ю. Айзек подчеркивал важность изучения сексуальных установок, с помощью которых можно прогнозировать определенные модели сексуального поведения человека. Эти выводы были подтверждены несколькими исследованиями.

По мнению З. Фрейда [13], сексуальность представляет собой основу человеческого существования. Источником мотивации всей деятельности индивида является либидо (желание, влечение, сексуальная энергия). Сексуальное поведение и установки к сексу начинают формироваться у личности еще в раннем детстве. Нужно отметить, что большинство сексуальных установок человека определяются в подростковом возрасте даже в том случае, если он в этом возрасте не проявлял особенной половой активности. Закономерности развития сексуальных установок детей и подростков не могут проистекать из какого-то одного социального или психологического источника. Они складываются под влиянием множества факторов, которые составляют жизнь человека, но изучены еще не до такой степени, чтобы их прогнозировали и рекомендовали. Сексуальные установки и предпочтения в зрелом возрасте являются продолжением и закреплением предшествующих сексуальных переживаний, многие из которых реализуются лишь впоследствии.

Согласно эволюционной парадигме Д. М. Басса все комплексные человеческие характеристики, включая сексуальные установки, являются продуктом эволюционного отбора: адаптацией либо ее следствием. Процессами эволюции объясняются различия в сексуальном поведении мужчин и женщин [14].

Особенности формирования установок к сексу

В связи с переменами в обществе представления о сексуальности в разные периоды истории существенно изменялись. Особенности культуры и традиций всегда влияли на формирование установок к сексу. Например, в восточных странах издавна существовала традиция положительного отношения к сексуальности, тем временем западная культура была пронизана негативным восприятием сексуальности, что связано прежде всего с социальными, моральными и религиозными принципами. Отчужденное отношение к сексуальности, лежащее в основе западной культуры, повлекло за собой ряд предубеждений и враждебных установок по отношению к сексу, которые существуют до сих пор [15].

С середины прошлого века мир начал преодолевать негативное отношение к сексуальности. На данную тему было проведено множество научных исследований, которые позволили убедиться в разнообразии человеческого сексуального поведения. В средствах массовой информации стали уделять больше внимания сексуальности. Таким образом, некоторые предубеждения и сексуальные табу исчезли. Однако последние работы [16; 17] свидетельствуют о том, что, несмотря на произошедшие за это время явные изменения, в том числе на сексуальную революцию, степень сексуальной раскрепощенности современного общества, скорее всего, сильно преувеличена. Результаты этих исследований демонстрируют отсутствие однозначной системы сексуальных установок. Напротив, в обществе наблюдается широкий спектр убеждений. Известно, что не все группы населения изменили свое отношение к сексу, хотя часть общества смотрит на вещи совершенно иначе, чем несколько лет назад.

Свидетельством трансформации представлений о нормативной сексуальности является одиннадцатый пересмотр Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем. Всемирная организация здравоохранения предложила ряд поправок: переконструировать пункты, связанные с половой идентификацией и сексуальным предпочтением, и удалить категории, связанные с половым развитием и сексуальной ориентацией. Данные изменения основывались на результатах

научных исследований и клинической практики, а также соответствовали современным взглядам на сексуальные вопросы в социальной сфере, гражданской политике, законах и правах человека [18].

Объективное изучение аттитюдов индивида вызывает сложности. Необходимо отметить, что отношение человека к сексу никогда не бывает абсолютно однозначным, а зависит от множества факторов, связанных как с формированием, так и с выражением индивидуальных представлений. В исследованиях не выявлено никакого универсального набора представлений, наглядно описывающего сексуальные установки. Существует ряд сходных черт в отношении к сексуальности различных групп населения, что позволило ученым разделить общество на три основные категории в зависимости от понимания роли, которую играет секс в жизни человека [15].

К традиционной, или прокреационной, категории относятся те индивиды, которые полагают, что изначальная цель сексуальной активности – размножение. Личность, принадлежащая к данной категории, не одобряет и секс вне брака, и сексуальные действия между людьми одного пола, хотя ее установки по поводу таких вопросов, как порнография и аборты, заметно расходятся [19].

К реляционной категории принадлежат те люди, которые рассматривают сексуальную активность в качестве естественного элемента близких отношений и любви. Большинство таких индивидов положительно воспринимают секс в контексте доверительных отношений, основанных на любви, будь то отношения между супругами или людьми, не состоящими в браке, однако при этом крайне отрицательно воспринимают внебрачные связи, супружеские измены и обман сексуального партнера [20].

К рекреационной категории относятся личности, полагающие, что основная цель секса – удовольствие. Данные индивиды считают, что любые сексуальные отношения между взрослыми людьми (если каждый из них согласен на это) уместны, но не всегда разделяют одинаковые взгляды на вопросы об аборте и гомосексуальных отношениях [21].

Установки, касающиеся отдельных сторон сексуальности, все время меняются. Например, мастурбация и добрачный секс стали приемлемы в последнее время. Открытость таких тем, как сексуальная ориентация, альтернативное поведение и половая идентификация, заметно возросла, хотя споры о допустимости этого продолжаются. Двойные стандарты мужской и женской сексуальности существуют и распространяются в разных культурах [18; 22].

Среди факторов, повлиявших на изменение установок к сексуальности, можно назвать контролирование ситуационной этики и личностной автономии; распространение СПИДа и заболеваний, передающихся половым путем; изменение семейных ценностей, ролей мужчин и женщин; увеличение времени для досуга; возникновение интереса к этой теме со стороны СМИ; появление новых сведений о сексуальности, которые активно обсуждаются в социальных сетях. К этим факторам также относят прогресс науки и технологий, а также доступность абортов и средств контрацепции.

Решающее значение для формирования и закрепления сексуальных установок индивида имеет социальная среда, т. е. группа людей, с которыми он себя постоянно ассоциирует [2]. На сексуальные установки влияют культурные и социальные убеждения [1]. Многие авторы указывают, что расовые и этнические сексуальные установки объясняются социальным классом и религиозностью. Например, социальный класс является определяющим фактором полового акта в большей степени для африканской культуры. Кроме того, люди, которые уважают религиозность, склонны к консерватизму в своих сексуальных установках [21].

Результаты исследования, проведенного в Беларуси [22], показали, что воздействие СМИ и сексуальных партнеров на формирование сексуальных установок современной молодежи увеличивается, тогда как влияние родителей и семьи на эти установки и поведение детей снижается.

В некоторых работах [23–25] доказывается связь между образом тела и установками к сексу. Мужчины и женщины, демонстрирующие негативный образ тела, реже вступают в половые контакты. К тому же индивиды, которые довольны своим телом и поддерживают более либеральные сексуальные установки, имеют много половых контактов. Полученные результаты показали, что мужчины в большей степени удовлетворены своим телом, чем женщины. Оценки по показателям удовлетворенности своим телом, внешним видом и здоровьем выше у мужчин, в то время как оценки по показателям неудовлетворенности своим телом (например, озабоченность избыточным весом или восприятие себя как человека с лишним весом) выше у женщин. Таким образом, сексуальные установки и сексуальная ориентация связаны с образом тела. Искаженное восприятие этого образа может привести к сексуальным дисфункциям, т. е. к избеганию секса. В целом, установки к сексу мужчин и женщин являются важными показателями интимной близости и психологического здоровья.

Необходимо отметить, что понимание установок к гомосексуальным отношениям имеет важное место в полной картине сексуального поведения. Данные установки могут отражать разные модели полоролевой ригидности с поведенческими последствиями для разнополых и однополых сексуальных отношений [26; 27]. Таким образом, установки к однополым отношениям имеют большое значение для понимания ригидности половой роли и гетеросексуальной близости, а также являются важными для сексуальной адаптации и общего благополучия в контексте гетеросексуальной и гомосексуальной ориентации.

Заключение

Под сексуальной установкой понимается склонность индивида определенным образом реагировать на объекты и действия сексуального характера с учетом социального опыта.

При рассмотрении нескольких подходов, в которых по-разному обосновываются процесс и механизмы формирования установки, выявляется сходство теорий авторов в том, что новая поступающая из социального мира информация перерабатывается индивидом и оказывает влияние на его действия посредством образования установки. Мнения ученых по поводу степени активности индивида в формировании установок к сексу, принципов получения и переработки информации, воздействующей на этот процесс, а также по поводу путей образования отдельных установок и особенностей их влияния на поведение человека разнятся.

Проведенные исследования показали, что на данный момент какого-то одного доминирующего комплекса установок в отношении сексуальности не наблюдается, но встречаются различные представления, которые сосуществуют. Сексуальные установки людей во многом складываются под воздействием факторов, влияющих на сексуальное поведение. К ним относятся культурная и социальная среда, в которой воспитывался человек, СМИ, имеющийся сексуальный опыт, врожденные личностные черты, сексуальная ориентация и образ тела.

Всеобщих культурных или социальных сексуальных норм не существует, поэтому общество попрежнему балансирует между поощрением и ограничением сексуальной активности. Несмотря на то что в течение последних десятилетий произошли заметные изменения в сексуальных установках, которые повлекли за собой трансформации в социальной политике и Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, старомодные и неактуальные представления о сексе все еще имеются.

Библиографические ссылки

1. Андреева ГМ. *Социальная психология*. Москва: Аспект Пресс; 2008. 363 с.
2. Московичи С. *Социальная психология*. Санкт-Петербург: Питер; 2007. 592 с.
3. Майерс ДГ. *Социальная психология*. Замчук З, переводчик. Санкт-Петербург: Питер; 2010. 800 с.
4. Шихирев ПН. *Современная социальная психология США*. Москва: Наука; 1999. 448 с.
5. Thurstone LL. The measurement of social attitudes. *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1931;27:249–269.
6. Allport GW. Attitudes. In: Murchison C, editor. *The handbook of social psychology*. Worcester: Clark University Press; 1935. p. 798–844.
7. Hovland CI, Janis IL, Kelley HH. *Communication and persuasion*. New Haven: Yale University Press; 1953. 358 p.
8. Greenwald AG, Brock TC, Ostorm TM, editors. *Psychological foundations of attitudes*. New York: Academic Press; 1968. 113 p.
9. Девяткин АА. *Явление социальной установки в психологии 20 века*. Калининград: Калининградский университет; 1999. 309 с.
10. Olson JM, Zanna MP. Attitudes and attitude change. *Annual Review of Psychology*. 1993;44:117–154. DOI: 10.1146/annurev.ps.44.020193.001001.
11. Eysenck HJ. The structure of social attitudes. *British Journal of Social and Clinical Psychology.* 1975;14:323–331. DOI: 10.1111/j.2044-8260.1975.tb00188.x.
12. Eysenck HJ. *Sex and personality*. London: Open Books; 1976; 255 p.
13. Фрейд З. *Три очерка по теории сексуальности*. Вульф МВ, переводчик. Москва: Просвещение; 1990. 104 с.
14. Buss DM. The great struggles of life: Darwin and the emergence of evolutionary psychology. *American Psychologist*. 2009;64:140–148. DOI: 10.1037/a0013207.
15. Келли ГФ. *Основы современной сексологии*. Голубев А, Исупова Н, Комаров С, Мисник В, Панков С, переводчики. Санкт Петербург: Питер; 2000. 896 с. (Учебник нового века).
16. Гродь ЖВ. Установки к сексу у индивидов с различной сексуальной ориентацией. В: Сафонов ВГ, редактор. *Материалы 76-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета. Часть 2; 13–24 мая 2019 г.; Минск, Беларусь.* Минск: БГУ; 2019. с. 82–86.
17. Lewis R, Tanton C, Mercer CH, Mitchell KR, Palmer M, Macdowall W, et al. Heterosexual practices among young people in Britain: evidence from three national surveys of sexual attitudes and lifestyles. *Journal of Adolescent Health*. 2017;61(6): 694–702. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2017.07.004.
18. Reed GM, First MB, Medina-Mora ME, Gureje O, Pike KM. Draft diagnostic guidelines for ICD-11 mental and behavioural disorders available for review and comment. *World Psychiatry*. 2016;15(2):112–113. DOI: 10.1002/wps.20322.
19. Кащенко ЕА. *Основы социокультурной сексологии*. Москва: Либроком; 2011. 256 с.
20. Панкратова ЛС. Сексуальная культура современного общества: взгляд социолога. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии*. 2011;1:152–156.
21. Barnes GE, Malamuth NM, Check JV. Personality and sexuality. *Personality and Individual Differences*. 1984;5(2): 159–172. DOI: 10.1016/0191-8869(84)90048-5.
22. Богданова МА. *Сексуальные установки и поведение молодежи*. Могилев: Могилевский областной центр гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья; 2015. 32 с.
23. Brand P, Rothblum, E, Solomon L. A comparison of lesbians, gay men, and heterosexuals on weight and restrained eating. *International Journal of Eating Disorders*. 1992;1:253–259. DOI: 10.1300/J082v42n04_06.
24. Gettelman T, Thompson J. Actual differences and stereotypical perceptions in body image and eating disturbance: a comparison of male and female heterosexual and homosexual samples. *Sex Roles*. 1993;29:545–562. DOI: 10.1007/BF00289327.

25. Copen C, Chandra A, Febo-Vazquez I. Sexual behavior, sexual attraction, and sexual orientation among adults aged 18–44 in the United States: data from the 2011–2013 National Survey of Family Growth. *National Health Statistics Reports*. 2016;1:1–14.

26. Jodouin JF, Bergeron S, Desjardins F, Janssen E. Sexual behavior mediates the relationship between sexual approach motives and sexual outcomes: a dyadic daily diary study. *Archives of Sexual Behavior*. 2019;48(3):831–842. DOI: 10.1007/s10508-018-1259-7.

27. Gewirtz-Meydan A, Finzi-Dottan R. Sexual satisfaction among couples: the role of attachment orientation and sexual motives. *Journal of Sex Research*. 2018;55(2):178–190. DOI: 10.1080/00224499.2016.1276880.

References

1. Andreeva GM. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Moscow: Aspect Press; 2008. 363 p. Russian.

2. Moskovichi S. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Saint Petersburg: Piter; 2007. 592 p. Russian.

3. Maiers DG. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Zamchuk Z, translator. Saint Petersburg: Piter; 2010. 800 p. Russian.

4. Shikhirev PN. *Sovremennaya sotsial'naya psikhologiya SShA* [Contemporary social psychology in the USA]. Moscow: Nauka; 1999. 448 p. Russian.

5. Thurstone LL. The measurement of social attitudes. *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1931;27:249–269.

6. Allport GW. Attitudes. In: Murchison C, editor. *The handbook of social psychology*. Worcester: Clark University Press; 1935. p. 798–844.

7. Hovland CI, Janis IL, Kelley HH. *Communication and persuasion*. New Haven: Yale University Press; 1953. 358 p.

8. Greenwald AG, Brock TC, Ostorm TM, editors. *Psychological foundations of attitudes*. New York: Academic Press; 1968. 113 p.

9. Devyatkin AA. *Yavlenie sotsial'noi ustanovki v psikhologii 20 veka* [The phenomenon of social attitude in the psychology of the 20th century]. Kaliningrad: Kaliningradskii universitet; 1999. 309 p. Russian.

10. Olson JM, Zanna MP. Attitudes and attitude change. *Annual Review of Psychology*. 1993;44:117–154. DOI: 10.1146/annurev.ps.44.020193.001001.

11. Eysenck HJ. The structure of social attitudes. *British Journal of Social and Clinical Psychology*. 1975;14:323–331. DOI: 10.1111/j.2044-8260.1975.tb00188.x.

12. Eysenck HJ. *Sex and personality*. London: Open Books; 1976; 255 p.

13. Freid Z. *Tri ocherka po teorii seksual'nosti* [Three essays on the theory of sexuality]. Vul'f MV, translator. Moscow: Prosveshchenie; 1990. 104 p. Russian.

14. Buss DM. The great struggles of life: Darwin and the emergence of evolutionary psychology. *American Psychologist*. 2009;64:140–148. DOI: 10.1037/a0013207.

15. Kelli GF. *Osnovy sovremennoi seksologii* [Fundamentals of modern sexology]. Golubev A, Isupova N, Komarov S, Misnik V, Pankov S, translators. Saint Petersburg: Piter; 2000. 896 p. (Uchebnik novogo veka). Russian.

16. Grod JV. [Attitudes towards sex in individuals with different sexual orientations]. In: Safonov VG, editor. *Materialy 76-i nauchnoi konferentsii studentov i aspirantov Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Chast' 2; 13–24 maya 2019 g.; Minsk, Belarus'* [Proceedings 76th Scientific conference of students and postgraduate students of the Belarusian State University. Part 2; 2019 May 13–24; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 82–86. Russian.

17. Lewis R, Tanton C, Mercer CH, Mitchell KR, Palmer M, Macdowall W, et al. Heterosexual practices among young people in Britain: evidence from three national surveys of sexual attitudes and lifestyles. *Journal of Adolescent Health*. 2017;61(6):694–702. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2017.07.004.

18. Reed GM, First MB, Medina-Mora ME, Gureje O, Pike KM. Draft diagnostic guidelines for ICD-11 mental and behavioural disorders available for review and comment. *World Psychiatry*. 2016;15(2):112–113. DOI: 10.1002/wps.20322.

19. Kashchenko EA. *Osnovy sotsiokul'turnoi seksologii* [Fundamentals of socio-cultural sexology]. Moscow: Librokom; 2011. 256 p. Russian.

20. Pankratova LS. Sexual culture of the contemporary society: a sociologist view. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii*. 2011;1:152–156. Russian.

21. Barnes GE, Malamuth NM, Check JV. Personality and sexuality. *Personality and Individual Differences*. 1984;5(2):159–172. DOI: 10.1016/0191-8869(84)90048-5.

22. Bogdanova MA. *Seksual'nye ustanovki i povedenie molodezhi* [Sexual attitudes and behavior of young people]. Mogilev: Mogilev Regional Centre for Hygiene, Epidemiology and Public Health; 2015. 32 p. Russian.

23. Brand P, Rothblum, E, Solomon L. A comparison of lesbians, gay men, and heterosexuals on weight and restrained eating. *International Journal of Eating Disorders*. 1992;1:253–259. DOI: 10.1300/J082v42n04_06.

24. Gettelman T, Thompson J. Actual differences and stereotypical perceptions in body image and eating disturbance: a comparison of male and female heterosexual and homosexual samples. *Sex Roles*. 1993;29:545–562. DOI: 10.1007/BF00289327.

25. Copen C, Chandra A, Febo-Vazquez I. Sexual behavior, sexual attraction, and sexual orientation among adults aged 18–44 in the United States: data from the 2011–2013 National Survey of Family Growth. *National Health Statistics Reports*. 2016;1:1–14.

26. Jodouin JF, Bergeron S, Desjardins F, Janssen E. Sexual behavior mediates the relationship between sexual approach motives and sexual outcomes: a dyadic daily diary study. *Archives of Sexual Behavior*. 2019;48(3):831–842. DOI: 10.1007/s10508-018-1259-7.

27. Gewirtz-Meydan A, Finzi-Dottan R. Sexual satisfaction among couples: the role of attachment orientation and sexual motives. *Journal of Sex Research*. 2018;55(2):178–190. DOI: 10.1080/00224499.2016.1276880.

Статья поступила в редколлегию 05.02.2022.
Received by editorial board 05.02.2022.

УДК 165.194;378.147(045)

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ КОГНИТИВНО-СТИЛЕВЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ ОБУЧАЮЩИХСЯ УПРАВЛЕНИЮ ВОЗДУШНЫМ ДВИЖЕНИЕМ И ПОКАЗАТЕЛЕМ УСПЕШНОСТИ ТРЕНАЖЕРНОЙ ПОДГОТОВКИ

И. И. БАРАБАН[1)]

[1)]*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Важной задачей в профессиональной подготовке будущих диспетчеров по управлению воздушным движением являются следующие когнитивно-стилевые характеристики: полезависимость и поленезависимость, импульсивность и рефлективность, а также ригидность и гибкость познавательного контроля. Установлено, что данные диспетчеры, в сравнении с курсантами, имеют статистически более высокие показатели поленезависимости и рефлективности (на уровне тенденций). Выявлены положительные связи показателей поленезависимости и рефлективности и отрицательные связи показателей установочной ригидности и сенситивной ригидности с показателем успешности тренажерной подготовки курсантов. На последний оказывают влияние поленезависимость и рефлективность.

Ключевые слова: когнитивные стили; когнитивно-стилевые характеристики; полезависимость; поленезависимость; импульсивность когнитивного контроля; рефлективность когнитивного контроля; ригидность когнитивного контроля; гибкость когнитивного контроля; специалисты по управлению воздушным движением; тренажерная подготовка.

INTERRELATION BETWEEN COGNITIVE-STYLE CHARACTERISTICS OF STUDENTS IN AIR TRAFFIC CONTROL AND INDICATOR OF SUCCESS OF SIMULATION TRAINING

I. I. BARABAN[a]

[a]*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

An important task in the professional training of future air traffic controllers is the cognitive-style characteristics: field dependence and field independence, impulsivity and reflexivity, and rigidity and flexibility of cognitive control. As a result of the study, it was found that air traffic controllers in comparison with cadets have statistically higher indicators of field independence, as well as reflectivity (at the level of trends). Positive correlations of indicators of field independence and reflectivity and negative correlations of indicators of attitution rigidity and sensitive rigidity with the success of training cadets were revealed. Such cognitive-style characteristics as field independence and reflectivity influence the success of training cadets.

Keywords: cognitive styles; cognitive-style characteristics; field dependence; field independence; impulsivity of cognitive control; reflectivity of cognitive control; rigidity of cognitive control; flexibility of cognitive control; air traffic control specialists; simulator training.

Образец цитирования:
Барабан ИИ. Взаимосвязь между когнитивно-стилевыми характеристиками обучающихся управлению воздушным движением и показателем успешности тренажерной подготовки. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2022;3:107–112.

For citation:
Baraban II. Interrelation between cognitive-style characteristics of students in air traffic control and indicator of success of simulation training. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;3:107–112. Russian.

Автор:
Иван Иванович Барабан – соискатель кафедры общей и медицинской психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор И. А. Фурманов.

Author:
Ivan I. Baraban, applicant at the department of general and clinical psychology, faculty of philosophy and social science.
ivan.i.baraban@mail.ru

CC BY NC

Введение

В настоящее время в мире растут интенсивность воздушного движения и количество воздушных перевозок. Так, авиакомпании мира в 2019 г.[1] увеличили пассажирооборот на 4,2 %. Об этом свидетельствуют данные Международной ассоциации воздушного транспорта (*International Air Transport Association*, IATA). В 2019 г. загруженность пассажирских рейсов увеличилась до рекордных 82,6 %. Предыдущий максимум в 81,9 % был установлен в 2018 г.

Рост интенсивности воздушного движения обусловливает увеличение рабочей нагрузки на диспетчера по управлению воздушным движением (УВД), что, несмотря на широкое применение современных автоматизированных средств предупреждения опасных ситуаций в воздушном движении, непосредственно влияет на безопасность полетов. Человеческий фактор среди причин авиационных происшествий за последние 15 лет в мире составляет 79 %[2].

Работа диспетчера по УВД включает в себя постоянное слежение за изменением воздушной обстановки, в процессе которого происходит восприятие и анализ поступающей информации; формирование на основе данных о воздушной обстановке цельной модели воздушного пространства с находящимися в нем воздушными судами (ВС); планирование своих действий в соответствии со сформировавшейся моделью воздушной обстановки; практическое выполнение запланированных действий; оценку и контроль результатов, реализованных в процессе выполнения действий, а также анализ и обобщение информации[3].

Кроме того, работа диспетчера по УВД предполагает обработку информации, получаемой от всевозможных технических средств (радиолокационная станция, индикаторы радиопеленгаторов, различные табло), прогнозирование изменения пространственного положения ВС и своевременное информирование членов экипажей об опасных изменениях в воздушном движении.

Таким образом, профессиональная деятельность авиадиспетчера является высокоинтеллектуальной. Для ее выполнения требуются особый объем кратковременной и долговременной памяти, пространственное представление, скорость образования навыков, продуктивность, логичность и критичность мышления, а также способность предвидеть события в условиях неопределенности [1].

Практика работы авиадиспетчеров показывает, что в процессе УВД они могут допускать различного рода ошибки. К наиболее распространенным относятся ошибки по определению и прогнозу действий с опасными сближениями ВС в полете, ошибки при принятии решения по организации динамичной воздушной обстановки с опасными сближениями ВС, а также нарушения рубежей приема – передачи оперативных сообщений. Основными причинами таких ошибок могут быть наличие особенностей психических процессов и недостаточного уровня профессиональной подготовки; возникновение критических, нестандартных ситуаций полета, информационной перегрузки или, наоборот, дефицита информации, времени и помех; снижение интеллектуальных и перцептивных функций; понижение эмоциональной устойчивости; утомление [2].

В связи с тем что специалисты по УВД постоянно работают с изображением на мониторах, где показываются воздушная обстановка, метеоусловия, разнообразные непредсказуемые ситуации опасного сближения ВС, одним из профессионально значимых качеств диспетчера, обеспечивающих оперативность его деятельности, считается способность эффективно различать сенсорную информацию и принимать быстрые и релевантные решения.

Функциональными обязанностями авиадиспетчера являются контроль и обеспечение передвижения ВС в рамках воздушного пространства с учетом аэродинамических свойств судов и приборов навигации и специфики обслуживания воздушного движения. Исходя из этого, работа авиадиспетчера сопровождается постоянным психоэмоциональным напряжением, обусловленным необходимостью быстрого принятия решений в критических ситуациях, высокой долей ответственности за жизнь людей. Основными задачами, которые выполняет диспетчер на этапе восприятия информации, являются создание адекватного представления на основании получения закодированной информации, объединение этих представлений в сложный образ (концептуальную модель), а также оперирование этими понятиями, их видоизменение, что позволяет прогнозировать возможные трансформации в воздушном пространстве [3].

С точки зрения автора настоящей статьи, качественное выполнение диспетчером по УВД вышеизложенных задач обеспечивается определенными когнитивно-стилевыми характеристиками. Под когнитивным стилем понимаются индивидуально-своеобразные способы переработки информации.

Согласно М. А. Холодной когнитивные стили являются частной формой индивидуальных познавательных стилей, которые характеризуют своеобразные способы изучения реальности, способы

[1]Данные приведены за 2019 г., так как в связи с пандемией COVID-19 после 2020 г. перевозки значительно уменьшились.
[2]*Овчаров В. Е.* Человеческий фактор в авиационных происшествиях (методические материалы). М. : Полиграф, 2005. 78 с.
[3]Авиационная психология. Методические указания по изучению дисциплины и выполнению реферата для курсантов специализации 240305 / сост. Д. А. Евстигнеев. Ульяновск : УВАУ ГА, 2004. 68 с.

восприятия, анализа, структурирования и категоризации своего окружения [3]. Именно когнитивные стили отвечают за построение реалистической (объективированной) ментальной картины события и регуляцию аффективных состояний с точки зрения их влияния на процесс познавательного отражения. По мнению М. А. Холодной, различия в когнитивных стилях – это, по сути, различия в особенностях действия механизмов построения репрезентации происходящего, которые, как можно полагать, обусловлены различиями в особенностях состава и строения когнитивных психических структур, предопределяющих своеобразие когнитивного пространства индивидуального интеллекта [3; 4].

Существенный вклад в исследование проблемы когнитивных стилей, а также их влияния на профессиональное становление специалистов и успешность учебной деятельности учащихся был сделан целым рядом зарубежных и отечественных психологов. Вместе с тем анализ научной литературы позволил констатировать отсутствие научных работ, посвященных изучению влияния когнитивно-стилевых характеристик на профессиональную деятельность и подготовку диспетчеров по УВД.

Важным аспектом в профессиональной подготовке таких диспетчеров является их тренажерная подготовка, в рамках которой формируются компетенции по освоению навыков и умений работы с потоками ВС при возрастающей интенсивности воздушного движения до 40–50 ВС в час на одно рабочее место, многочисленными последовательными и переменными изменениями интенсивности движения, траекторий и маршрутов ВС на одной высоте или разных высотах, а также с особыми условиями и случаями полета и др.

В связи с этим актуальным и малоизученным вопросом является влияние индивидуальных когнитивно-стилевых характеристик диспетчеров по УВД на решение сложных профессиональных задач, которые требуют быстрого и своевременного принятия альтернативных решений, гибкости мыслительной деятельности и способностей анализировать большой объем информации.

По мнению автора настоящей статьи, при подготовке и профессиональном отборе диспетчеров по УВД наиболее значимыми являются такие когнитивно-стилевые характеристики, как полезависимость и поленезависимость, импульсивность и рефлективность, а также ригидность и гибкость познавательного контроля. Они позволяют оценить способности эффективно принимать альтернативные решения при условиях дефицита времени, особенности скорости и точности принятия решения, способности анализировать большой объем информации, а также гибкость мышления.

В частности, было установлено, что поленезависимость влияет на эффективность и самостоятельность специалистов в принятии решений, так как они ориентируются на собственный опыт и знания. По мнению А. В. Либина, поленезависимые индивиды более эффективно используют полученную информацию, находясь в условиях неопределенности, что позволяет снизить риск несогласованности между определенными действиями и результатом [5].

М. А. Холодная отмечала, что рефлективные личности, в отличие от импульсивных, более точно воспринимают информацию (в знаковой, цифровой, геометрической форме), успешнее справляются с заданиями на концентрацию и переключение внимания, демонстрируют высокий уровень понимания сложных смысловых связей между словами, а также имеют высокие показатели учебной успешности [6]. Помимо этого, утверждается, что в случае решения легких задач преимуществом обладают импульсивные индивиды, а при решении сложных – рефлективные. В частности, по мере усложнения решаемых задач время ответа у импульсивных испытуемых увеличивается незначительно, тогда как количество ошибок резко возрастает. Напротив, рефлективные индивиды легкие задачи решают относительно быстро, а трудные – медленно. При этом количество ошибок у них в случае задач средней и высокой сложности значительно меньше, чем у импульсивных индивидов [6]. Эти данные позволяют сделать вывод о том, что рефлективные индивиды, в сравнении с импульсивными, в ходе выполнения тех или иных интеллектуальных действий более адекватно учитывают требования задачи. Также было выявлено, что субъекты, предпочитающие импульсивный способ реакции на стимул, как правило, быстро реагируют в ситуации множественного выбора, при этом решение принимается без анализа всех возможных альтернатив [7].

При ригидном контроле субъекты склонны переоценивать внешние обстоятельства, в то время как субъекты с гибким контролем более разносторонне оценивают внешнюю ситуацию [8].

В исследованиях И. Д. Гордыни [9], которые анализировал А. П. Лобанов [10], было установлено, что показатель успешности тренажерной подготовки будущих диспетчеров по УВД положительно коррелирует с показателями поленезависимости и полезависимости и отрицательно – с показателями ригидности и гибкости познавательного контроля (шкалы «установочная ригидность» и «ригидность как состояние»).

Вместе с тем в литературе не обнаружено данных, статистически доказывающих влияние когнитивно-стилевых характеристик на успешность тренажерной подготовки будущих диспетчеров по УВД, что и стало целью настоящего исследования.

Материалы и методы исследования

Эмпирическое исследование проводилось на основе методик «скрытые фигуры» в модификации Л. Л. Терстоуна, «скорость завершения рисунков» Л. Л. Терстоуна, «сравнение похожих рисунков» Дж. Кагана и методики «томский опросник ригидности» Г. В. Залевского [10].

В эмпирическом исследовании принимали участие будущие диспетчеры по УВД (курсанты Белорусской государственной академии авиации) и действующие диспетчеры государственного предприятия «Белаэронавигация». Общая выборка состояла из 54 курсантов и 34 диспетчеров. Возраст курсантов составил 18–22 года, а действующих диспетчеров – 25–52 года.

При статистической обработке данных использовались *t*-критерий Стьюдента для сравнения двух независимых выборок, коэффициент корреляции *r*-Пирсона и однофакторный дисперсионный анализ.

Результаты и их обсуждение

Для определения различий в когнитивно-стилевых характеристиках индивидов с разным уровнем профессионального опыта УВД был проведен сравнительный анализ между курсантами и диспетчерами (см. таблицу).

В результате сравнительного анализа было установлено, что диспетчеры, в отличие от курсантов, имеют статистически более высокие показатели поленезависимости ($p \leq 0{,}001$). Полученные данные могут свидетельствовать о том, что диспетчеры при восприятии какой-либо информации уделяют большее внимание деталям, они склонны самостоятельно структурировать информацию, в большей степени выделяют себя как личность в социуме, а их решения в меньшей мере зависят от мнения окружающих. Кроме того, высокие показатели поленезависимости обусловлены тем, что диспетчеры стрессоустойчивы, быстрее принимают решения, обладают хорошей памятью и умением работать в команде. У них развито пространственное мышление, что, с точки зрения автора настоящей статьи, в совокупности с большим профессиональным опытом помогает им лучше представлять воздушное судно в трех плоскостях, учитывать изменения его высоты, скорости и курса полета, а также положение авиалайнера по отношению к другим самолетам.

Когнитивно-стилевые характеристики курсантов и диспетчеров

Cognitive-style characteristics of cadets and air traffic control specialists

Когнитивно-стилевые характеристики	Среднее отклонение		Стандартное отклонение		*p*
	Курсанты	Диспетчеры	Курсанты	Диспетчеры	
Полезависимость и поленезависимость	65,20	86,91	23,36	10,93	0,000
Симптомокомплекс ригидности	115,35	113,41	22,28	28,63	0,723
Актуальная личностная ригидность	26,06	29,12	8,77	11,54	0,162
Сенситивная ригидность	30,22	26,88	12,08	13,59	0,232
Установочная ригидность	26,91	26,18	10,16	8,26	0,725
Ригидность как состояние	10,83	10,00	5,71	6,45	0,528
Преморбидная ригидность	34,17	29,91	9,22	11,94	0,540
Импульсивность и рефлективность	0,80	0,89	0,24	0,16	0,054

Вместе с тем на уровне тенденции было установлено, что у диспетчеров показатели рефлективности выше ($p \leq 0{,}1$). Полученные данные позволяют сделать заключение о том, что диспетчеры по УВД имеют способности системно анализировать материал, аналитически мыслить, переносить имеющиеся стратегии в новые условия, а также возможности преодолевать влияние контекста (поленезависимость). Результаты указывают на несколько бóльшую склонность диспетчеров тщательно обдумывать свои решения при анализе и взвешивании всех возможных вариантов, а следовательно, тратить много времени на принятие какого-либо релевантного решения. Однако они в меньшей степени предрасположены к совершению нерациональных действий в условиях принятия решения.

Полученные данные позволяют выдвинуть предположение о том, что высокие показатели некоторых когнитивно-стилевых характеристик диспетчеров обусловлены их более длительным стажем работы и опытом профессиональной деятельности. Подтверждение данного предположения требует дополнительного эмпирического исследования и доказательства.

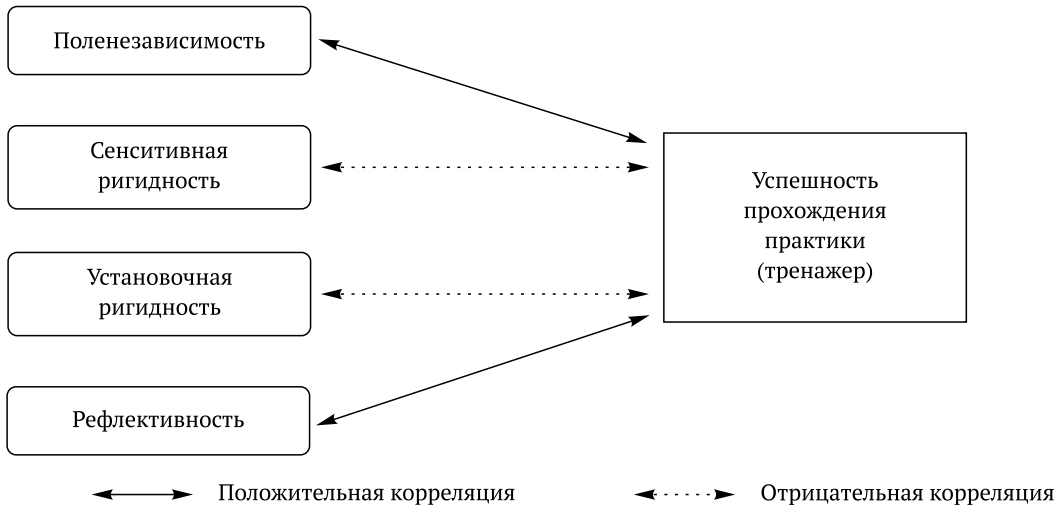
Результаты отчасти согласуются с данными других исследований, посвященных изучению импульсивности и рефлективности. В частности, по мнению И. Г. Скотниковой, рефлективные индивиды, в сравнении с импульсивными, в большей степени склонны использовать адекватные стратегии при оценивании стимулов [11]. Такие личности демонстрируют хорошие показатели различения зрительных объектов и временных интервалов. Психологическим механизмом этого различия является повышенная сенсорная чувственность рефлективных индивидов, которая связана с использованием ими рациональных стратегий перцептивной и мыслительной деятельности, внимательности, а также с осуществлением более глубокого анализа исходной информации.

Похожей точки зрения придерживаются А. И. Чекалина и А. М. Гусев, которые обнаружили, что рефлективные индивиды продуктивнее выполняют задачи на различение и определение сигналов по сравнению с импульсивными [12]. Такая особенность связана, по мнению И. Д. Гордыни, с эффективным использованием предыдущего систематического анализа сенсорной информации и актуализацией более адекватных установок операционного уровня, что может стать основой для предотвращения возникновения опасных предаварийных и аварийных ситуаций [9].

Таким образом, диспетчеры, обладая бóльшими опытом и уровнем профессиональной подготовки по УВД, превосходят курсантов именно благодаря высоким показателям поленезависимости и рефлективности.

Для проверки выдвинутой гипотезы проведены корреляционный и дисперсионный анализы между когнитивно-стилевыми характеристиками курсантов и показателем успешности прохождения тренажерной подготовки.

В результате корреляционного анализа выявлены положительные взаимосвязи между показателем успешности тренажерной подготовки и показателем поленезависимости ($r = 0{,}62$; $p \le 0{,}000\,1$) и рефлективности ($r = 0{,}69$; $p \le 0{,}000\,1$). Вместе с тем были установлены отрицательные корреляции показателей установочной ригидности ($r = -0{,}356$; $p = 0{,}008$) и сенситивной ригидности ($r = -0{,}28$; $p = 0{,}039$) с показателем успешности тренажерной подготовки курсантов, что может свидетельствовать о гибкости познавательного контроля (см. рисунок).



Взаимосвязь между когнитивно-стилевыми характеристиками курсантов и показателем успешности прохождения практики (тренажер)

Relationship between cognitive-style sustainable courses and successful practice (simulator)

Полученные данные отчасти согласуются с исследованиями И. Д. Гордыни, в которых также была выявлена отрицательная корреляционная связь между показателем успешности выполнения задач на тренажере и шкалой «установочная ригидность» [9].

Однако результаты однофакторного дисперсионного анализа достоверно подтвердили лишь влияние показателей поленезависимости ($F = 4{,}570$ при $p = 0{,}038$) и рефлективности ($F = 14{,}480$ при $p \le 0{,}001$) на показатель успешности тренажерной подготовки курсантов (скорректированный $R^2 = 0{,}54$).

Анализ результатов эмпирического исследования позволил сделать некоторые выводы. Диспетчеры по УВД, в сравнении с курсантами, имеют статистически более высокие показатели поленезависимости и рефлективности (на уровне тенденций). С показателем успешности тренажерной подготовки курсантов положительно коррелируют показатели поленезависимости и рефлективности и отрицательно – показатели установочной и сенситивной ригидности. На успешность тренажерной подготовки курсантов оказывают влияние поленезависимость и рефлективность.

Заключение

Результаты исследований позволяют сделать вывод о том, что при подготовке будущих авиадиспетчеров необходимо учитывать их психологические особенности восприятия, обработки информации и скорости принятия решения с акцентом на формировании таких когнитивно-стилевых характеристик, как поленезависимость и рефлективность.

Библиографические ссылки

1. Стионов МВ, Князевский ДА, составители. *Обеспечение безопасности полетов при управлении воздушным движением*. Ульяновск: УВАУ ГА(И); 2010. 67 с.
2. Карнаухов ВА, составитель. *Основы теории управления воздушным движением*. Ульяновск: УВАУ ГА(И); 2010. 78 с.
3. Холодная МА. *Когнитивные стили. О природе индивидуального ума*. Санкт-Петербург: Питер; 2004. 384 с.
4. Лобанов АП. *Когнитивная психология: от ощущений до интеллекта*. Минск: Новое знание; 2008. 376 с.
5. Либин АВ, редактор. *Стиль человека: психологический анализ*. Москва: Смысл; 1998. 310 с.
6. Холодная МА. *Психология интеллекта: парадоксы исследования*. Москва: Юрайт; 2019. 334 с.
7. Колга ВА. Исследование когнитивных стилей в СССР. В: Вяткин БА, редактор. *Интегральное исследование индивидуальности*. Пермь: [б. и.]; 1992. с. 17–36.
8. Зинченко ВП. Анализ деятельности человека-оператора. В: Зинченко ВП, Майзель НИ, Назаров АИ, Цветков АА. *Инженерная психология*. Москва: Московский университет; 1964. 137 с.
9. Гордыня НД. Влияние полезависимости-поленезависимости, импульсивности-рефлективности и ригидности-гибкости познавательного контроля на успешность тренажерной подготовки будущих специалистов управления воздушным движением. *Вестник Удмуртского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика*. 2013;3:42–49.
10. Лобанов АП. *Психология интеллекта и когнитивных стилей*. Минск: Агентство Владимира Гревцова; 2008. 296 с.
11. Скотникова ИГ. Когнитивные стили и стратегии решения познавательных задач. В: Либин ВА, редактор. *Стиль человека*. Москва: Смысл; 1998. с. 64–78.
12. Чекалина АИ. Влияние импульсивности-рефлективности на эффективность решения сенсорных задач с разным уровнем информационной нагрузки. *Психологические исследования* [Интернет]. 2011 [процитировано 5 февраля 2021 г.];4(16). Доступно по: http://psystudy.ru/index.php/num/2011n2-16/460-chekalina-gusev16.html.

References

1. Stionov MV, Knyazevskii DA, compilers. *Obespechenie bezopasnosti poletov pri upravlenii vozdushnym dvizheniem* [Ensuring flight safety in air traffic control]. Ulyanovsk: Ulyanovsk Higher Aviation School of Civil Aviation (Institute); 2010. 67 p. Russian.
2. Karnaukhov VA, compiler. *Osnovy teorii upravleniya vozdushnym dvizheniem* [Fundamentals of the theory of air traffic control]. Ulyanovsk: Ulyanovsk Higher Aviation School of Civil Aviation (Institute); 2010. 78 p. Russian.
3. Kholodnaya MA. *Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma* [Cognitive styles. About the nature of the individual mind]. Saint Petersburg: Piter; 2004. 384 p. Russian.
4. Lobanov AP. *Kognitivnaya psikhologiya: ot oshchushchenii do intellekta* [Cognitive psychology: from sensations to intelligence]. Minsk: Novoe znanie; 2008. 376 p. Russian.
5. Libin AV, editor. *Stil' cheloveka: psikhologicheskii analiz* [Style of human: psychological analysis]. Moscow: Smysl; 1998. 310 p. Russian.
6. Kholodnaya MA. *Psikhologiya intellekta: paradoksy issledovaniya* [Psychology of intelligence: paradoxes of research]. Moscow: Yurait; 2019. 334 p. Russian.
7. Kolga VA. [Research of cognitive styles in the USSR]. In: Vyatkin BA, editor. *Integral'noe issledovanie individual'nosti* [Integral research of individuality]. Perm: [s. n.]; 1992. p. 17–36. Russian.
8. Zinchenko VP. [Analysis of the activity of a human operator]. In: Zinchenko VP, Maizel' NI, Nazarov AI, Tsvetkov AA. *Inzhenernaya psikhologiya* [Engineering psychology]. Moscow: Moscow University; 1964. 137 p. Russian.
9. Gordynya ND. The influence of field dependence-independence, impulsiveness-reflectiveness, rigidity-flexibility of cognitive control on the successive training of specialists for air traffic control. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 2013;3:42–49. Russian.
10. Lobanov AP. *Psikhologiya intellekta i kognitivnykh stilei* [Psychology of intelligence and cognitive styles]. Minsk: Agentstvo Vladimira Grevtsova; 2008. 296 p. Russian.
11. Skotnikova IG. [Cognitive styles and strategies for solving cognitive tasks]. In: Libin VA, editor. *Stil' cheloveka: psikhologicheskii analiz* [Style of human: psychological analysis]. Moscow: Smysl; 1998. p. 64–78. Russian.
12. Chekalina AI. Influence of impulsivity-reflectivity on performance of sensory tasks with different levels of information load. *Psychological Studies* [Internet]. 2011 [cited 2021 February 5];4(16). Available from: http://psystudy.ru/index.php/num/2011n2-16/460-chekalina-gusev16.html. Russian.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2022.
Received by editorial board 26.05.2022.

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 101.1:316(082)
Актуальные вопросы современных социально-гуманитарных исследований [Электронный ресурс] : сб. науч. ст. участников XXVIII Респ. конкурса науч. работ студентов / БГУ ; [редкол.: Т. В. Бурак (отв. ред.), Е. И. Климушко]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2022. 96 с. : табл. Библиогр. в тексте. Режим доступа: https://elib.bsu.by/handle/123456789/283597. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 05.07.2022, № 008005072022.

В сборник включены статьи студентов и магистрантов факультета философии и социальных наук БГУ, а также авторов работ второй и третьей категорий XXVIII Республиканского конкурса научных работ студентов 2021–2022 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Александров Э. Поэтизация природы и мышления: компаративный анализ проектов М. Хайдеггера и Р. У. Эмерсона 4
Воробьева С. В. Динамика эпистемологических образов государственности в новоевропейской философии 13
Карако П. С. Ф. И. Тютчев как певец природы и представитель русского космизма 23
Кулак Н. И. Концептуальные основания философии Г. В. Плеханова и Н. А. Бердяева 31

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Шкурова Е. В., Реут Е. В. Магические и религиозные представления в конфессиональном поле современного белорусского общества 38
Лебедева Е. В. Риски ускоренной цифровизации общества в условиях пандемии COVID-19: социологический анализ 49
Новикова О. В. Феномен расизма и концепт расы: опыт трансдисциплинарного исследования ... 60
Мозалевская Д. А. Акторно-сетевая теория как методология современных социальных исследований 67
Вашко О. А. Реконструкция логико-коммуникативной модели аргументации 76

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Фурманов И. А. Любовные аттитюды студентов с различными стилями привязанности 83
Биндасова О. В. Гендерные различия в просоциальных тенденциях осужденных за убийство ... 95
Гродь Ж. В. Характеристика установок к сексу 101
Барабан И. И. Взаимосвязь между когнитивно-стилевыми характеристиками обучающихся управлению воздушным движением и показателем успешности тренажерной подготовки 107

Аннотации депонированных в БГУ работ 113

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY

Alexandrov E. Poetisation of nature and thinking: a comparative analysis of the projects of M. Heidegger and R. W. Emerson 4
Vorobyova S. V. Dynamics of the epistemological images of statehood in new European philosophy 13
Karako P. S. F. I. Tyutchev as a singer of nature and a representative of Russian cosmism 23
Kulak N. I. Conceptual foundations of G. V. Plekhanov and N. A. Berdyaev 31

SOCIAL RESEARCHES

Shkurova A. V., Reut E. V. Magical and religious representations in the confessional field of modern Belarusian society 38
Lebedeva E. V. Risks of accelerated digitalisation of society during the COVID-19 pandemic: a sociological analysis 49
Novikova O. V. The phenomenon of racism and the concept of race: a transdisciplinary research 60
Mozalevskaya D. A. Actor-network theory as a methodology of modern social research 67
Vashko O. A. Reconstruction of the logical and communicative argumentation model 76

PSYCHOLOGICAL RESEARCHES

Fourmanov I. A. Love attitudes of students with different attachment styles 83
Bindasova O. V. Gender differences in prosocial tendencies of convicted murderers 95
Grod J. V. Characteristics of sexual attitudes 101
Baraban I. I. Interrelation between cognitive-style characteristics of students in air traffic control and indicator of success of simulation training 107

Indicative abstracts of the papers deposited in BSU 113

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по философским, психологическим и социологическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. № 3. 2022

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jpsychol@bsu.by
URL: https://journals.bsu.by/index.php/philosophy

«Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология» издается с 2007 г.
До 2017 г. выходил под названием «Философия и социальные науки»
(ISSN 2218-1385).

Редакторы *М. А. Журо, А. С. Люкевич*
Технический редактор *А. Ю. Лещинская*
Корректор *А. С. Горгун*

Подписано в печать 30.09.2022.
Тираж 100 экз. Заказ 7426.

Издательско-полиграфическое частное унитарное предприятие «Донарит».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/289 от 17.04.2014.
Ул. Октябрьская, 25, 220030, г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2022

Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. No. 3. 2022

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave., Minsk 220030.
Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave., Minsk 220030.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jpsychol@bsu.by
URL: https://journals.bsu.by/index.php/philosophy

«Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology» published since 2007.
Until 2017 named «Filosofiya i sotsial'nye nauki»
(ISSN 2218-1385).

Editors *M. A. Zhuro, A. S. Lyukevich*
Technical editor *A. Y. Leshchinskaya*
Proofreader *A. S. Gorgun*

Signed print 30.09.2022.
Edition 100 copies. Order number 7426.

Publishing and printing private unitary enterprise «Donarit».
Certificate of state registration of the publisher, manufacturer, distributor of printed publications No. 1/289 dated 17.04.2014.
25 Kastryčnickaja Str., Minsk 220030, Republic of Belarus.

© BSU, 2022